

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

На правах рукописи

БАРИНОВ Павел Сергеевич

ОБЕСЦЕНИВАНИЕ ПРАВОВЫХ КАТЕГОРИЙ

12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель –
доктор юридических наук, профессор,
А.А. Воротников

Саратов – 2019

План

Введение.....	3
Глава 1. Понятие, место и роль категорий в юридической науке, законодательстве и юридической практике	33
§ 1.1. Понятие и сущность правовых категорий.....	23
§1.2. Правовые категории как формы отражения правовой действительности.....	39
§1.3. Научные правовые категории как составляющие метода теории государства и права.....	57
Глава 2. Формирование, функционирование и трансформация правовых категорий.....	72
§2.1. Основные принципы формирования и изменения правовых категорий	72
§2.2. Обесценивание категорий права как форма их изменения	84
§2.3. Жизнеспособность правовых аксиом как фактор обеспечения ценности правовых категорий	95
Глава 3. Условия, формы и последствия обесценивания правовых категорий в современном российском обществе.....	116
§ 3.1. Методологический и функциональный аспект обесценивания правовых категорий.....	116
§ 3.2. Информационно-управленческий и технико-юридический аспекты обесценивания категорий права и законодательства.....	129
§ 3.3. Обесценивание правовых категорий как закономерный исторический процесс развития российской правовой действительности.....	150
§ 3.4. Взаимосвязь обесценивания правовых категорий с правовым нигилизмом.....	160
Заключение.....	172
Библиографический список.....	174

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Актуальность темы исследования. Современный период развития отечественной правовой системы характеризуется колоссальным умножением числа международных договоров, нормативных правовых актов, судебных решений, имеющих важный прецедентный характер, актов с нормативно-правовым содержанием, исходящих от корпораций и саморегулируемых организаций. Поток юридически значимой информации, образуемый социально-правовой практикой, не только увеличивается количественно, но и существенно усложняется качественно, что с особой остротой ставит проблему его упорядочения и систематизации.

В деле обеспечения единства и системности правовой информации одну из ключевых ролей играют юридические категории. Сегодня в правовой науке наблюдается своеобразный «бум» в области внедрения все новых и новых категорий, иных понятий, призванных отразить сущность и основные закономерности государственно-правовых явлений. Однако ценность всевозможных понятийных новаций в юриспруденции и социально-правовой практике далеко не всегда очевидна. Порой, напротив, излишняя, избыточная и необоснованная категоризация правовой информации представляет собой «антиценность», ценность со знаком минус, что влечет за собой обесценивание существующих правовых категорий и (или) вновь вводимых. К сожалению, проблема обретения и трансформации ценностного содержания правовых категорий не привлекла по настоящий момент должного внимания в юридической литературе.

Непрерывный процесс количественного роста и качественного усложнения понятийного аппарата законодательства существенным образом актуализирует вопрос о необходимости научно обоснованного определения правил и критериев оценки юридических категорий в правотворческой, правоприменительной и правоинтерпретационной деятельности, а также

установления их ценностного содержания и его влияния на процесс дальнейшего развития права и правовой системы общества в целом. Отдельной относительно самостоятельной проблемой в научно-практическом плане является задача по уяснению и разъяснению смысла легально закрепленных понятий в деле системного толкования предписаний законодательства, которая не может быть решена без надлежащего теоретического осмысления вопросов оценки и ценностного содержания правовых категорий.

Функциональный сбой в понятийной системе правоправедения и юридической практики может носить единичный, локальный, системный или междисциплинарный характер. В любом случае нарушение в функционировании категорий приводит в определенной степени к снижению их ценности в научных исследованиях, на практике, в социально-культурном плане. Обесценивание категорий часто связано с функциональными нарушениями в их формировании или дальнейшем развитии. Дальнейшего осмысления требует вопрос о связи пар «функция – дисфункция», «ценность – обесценивание» в отношении категорий правоправедения.

Кроме того, ценность и обесценивание правовых категорий надлежит рассматривать и в более широком смысле, в том числе и в рамках правовой культуры общества в целом. Именно общий уровень правовой культуры в обществе может демонстрировать действительный характер ценности права и правовых категорий. Право само является одной из важнейших составляющих культуры, его ценностное содержание под особым углом преломляется в общекультурном пространстве. В случае утраты большинством категорий права ценностного содержания оно перестает быть частью культурного достояния общества, превращаясь одновременно с все большим распространением правового нигилизма в социальную «антиценность».

В современных условиях развития российского общества значимость изучения ценностного содержания правовых категорий и его утраты

особенно актуально ввиду недостаточной развитости правового сознания существенной части населения. Правовой нигилизм глубоко укоренился не только в сознании граждан, но и в менталитете государственных служащих, что вызывает особые опасения и требует своевременного научно-теоретического осмысления и точного реагирования со стороны государства и его правовой политики. Осознание правовых ценностей у части россиян в негативном смысле, далеко от требуемого идеала сопровождается часто устойчивой мотивационной установкой на противоправное поведение. Проблема ценности правовых категорий как фундаментальной основы правосознания представляется особенно важной, когда рассматривается вопрос о глубине проникновения правового нигилизма в те или иные группы и слои российского общества в случае обеспечения безопасности государства, должного правопорядка и законности в стране.

Следует согласиться с тем, что факторами, содействующими распространению правового нигилизма в российском обществе, выступают не только особая правовая ментальность граждан, но и, что не менее значимо, своеобразный «дефицит» юридических ценностей, формируемый недостаточной правовой информированностью граждан, «непрозрачностью» деятельности органов государственного управления, отстранением населения от решения наиболее важных государственно-правовых задач. Кроме того, государственная власть в лице отдельных органов и должностных лиц демонстрирует лишь формально-декларативное провозглашение целого ряда правовых ценностей, порой не обеспечивая их надлежащую защиту, спекулирует ими в собственных узкогрупповых интересах.

Преодоление подобной тенденции в распространении правового нигилизма в обществе и девальвации ценности ряда значимых правовых категорий и институтов представляется весьма длительным и трудоемким процессом, опорой которому должны служить устойчивое социально-экономическое развитие государства, подлинное формирование структур

гражданского общества и выработка устойчивого стереотипа правомерного поведения у граждан и должностных лиц самого государства. Существующий процесс неоправданного обесценивания отдельных правовых категорий усложняет форму деформации правосознания как рядовых граждан, так и профессиональных юристов.

Более опасной выступает тенденция возрастания роли правового нигилизма в качестве мотивационного фактора в совершении правонарушений, что делает проблему изучения обесценивания правовых категорий еще более актуальной задачей для современного Российского государства. Именно надлежащая система правовых категорий, отражающая базовые ценности, идеи правового государства и гражданского общества, способна выступить ядром, интегрирующим элементом правосознания, остановив его дальнейшую деформацию.

Обесценивание правовых категорий как процесс утраты ими своего значения заслуживает отдельного рассмотрения прежде всего потому, что уяснение природы, сущности объекта исследования невозможно при односторонности подходов и аспектов при его изучении. Целое представление о правовых категориях, их свойствах и закономерностях, принципах функционирования может быть получено лишь путем синтеза всех знаний о них, в частности и об обесценивании правовых категорий как одной из форм их изменения. Вопрос о природе самого явления обесценивания правовых категорий по сей день остается открытым и дискуссионным, чем и обуславливается актуальность выбранной темы.

Степень научной разработанности темы исследования. Вопросам методологии исследования правовых категорий уделено особое внимание в трудах следующих авторов: А.С. Автономова, С.С. Алексеева, В.К. Бабаева, М.И. Байтина, В.М. Баранова, А.М. Васильева, Н.А. Власенко, Т.В. Губаевой, М.Л. Давыдовой, Д.А. Керимова, В.Н. Крылова, П.Е. Недбайло, Н.И. Панова, А.С. Пиголкина, В.М. Савицкого, В.М. Сырых, Н.Н. Тарасова, В.О.

Тененбаума, А.А. Ушакова, И.Л. Честнова, В.А. Шабалина, Т.Я. Хабриевой, С.П. Хижняка и др.

Основоположниками применения аксиологического подхода в советской юриспруденции выступали следующие авторитетные ученые-правоведы: С.С. Алексеев, В.В. Графский, Д.А. Керимов, В.Н. Кудрявцев, Л.С. Мамут, В.С. Нерсисянц и др.

В зарубежной юридической литературе вопросы обесценивания правовых категорий ввиду исторической трансформации самого общества, его интересов и потребностей в определенной мере затронуты в трудах таких исследователей, как Г. Харт, У. Черрон, Э. Макай и др.

Проблема ценностного содержания права и его категорий в увязке с явлением правового нигилизма затрагивалась еще в 80-е годы XX столетия болгарским правоведом Н. Неновски. Автор справедливо указывал на то, что право и его понятийный аппарат характеризуются необходимостью аксиологического обоснования.

Ценностный подход в исследовании права и иных правовых явлений используется в отечественной юриспруденции в последние годы весьма активно и вполне продуктивно. В качестве особых ценностей рассматриваются как само право, так и закрепленные в нем принципы, инструменты, включая аксиомы, презумпции, права человека, правосудие, служащие удовлетворению каких-либо потребностей отдельных индивидов, социальных групп, общества и государства в целом. Анализу данных вопросов в своих трудах за последние десять лет уделили внимание следующие авторы: Ю.Ю. Ветютнев, В.Д. Зорькин, Н.В. Исаева, О.В. Мартышин, И.Д. Мишина, В.А. Телегина и ряд других.

Однако аксиологический подход в меньшей степени характерен для исследований собственного понятийного аппарата отечественной юриспруденции, а также для рассмотрения сущности категорий законодательства.

Отдельные вопросы заявленной тематики были частично затронуты в следующих диссертационных исследованиях: Бабенко А.Н. Правовые ценности и освоение их личностью: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. М., 2002; Головина С.Ю. Понятийный аппарат трудового права: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.05. Екатеринбург, 1998; Мелькин А.А. Формирование юридических понятий в российской правовой системе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2008; Осипова М.В. Иерархия юридических ценностей в правовой системе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01/ Саратов, 2011; Пшидаток В.Е. Трансформация правосознания и правовых ценностей в условиях становления демократии и гражданского общества в современной России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Ростов н/Д, 2007.

При этом собственно проблема обесценивания правовых категорий до сих пор не стала предметом специального монографического исследования. В данной области налицо наличие определенного пробела в знаниях науки теории государства и права. Саморефлексия в юриспруденции не затрагивает вопросов часто о ценности вырабатываемых в ней учений, понятий и категорий, не обращается к проблеме обесценивания как формы трансформации правового знания. Без ответа остаются вопросы о том, как и почему утрачивают собственную ценность те или иные понятия правоправедения и системы права; в каких аспектах проявляется ценность правовых категорий; исчерпывается ли последняя исключительно гносеологической или практической ценностью или имеются иные грани ее выражения; каким образом трансформация понятийного аппарата юриспруденции влияет на переустройство системы права и наоборот; и вообще, возможен и необходим ли ценностный подход в изучении процессов формирования и развития правовых категорий.

Объектом диссертационной работы выступают: совокупность общественных отношений, связанных с формированием правовых категорий, обретением ими ценности и ее утратой: юридическая деятельность, сопряженная с установлением в законодательстве, толкованием и

применением правовых категорий; научно-теоретическая деятельность по разработке, внедрению в понятийные ряды и исключению из них научных правовых категорий.

Предмет исследования составляют: правовые категории юридической науки, системы законодательства и юридической практики; наиболее общие закономерности их формирования, функционирования и развития; формы трансформации правовых категорий, включая их обесценивание; условия и последствия обесценивания правовых категорий; взаимосвязь данного процесса с правовым нигилизмом.

Цель диссертационного исследования заключается в формировании комплексной общетеоретической модели такой формы трансформации правовых категорий, как их обесценивание, включающей в себя определение его понятия, сущностных черт, условий и последствий осуществления.

Достижение указанной цели обусловило постановку и последовательное решение следующих **задач**:

- уточнить общетеоретические представления о понятии, сущности и способах формирования правовых категорий;
- определить ценность научных правовых категорий в качестве элемента метода юридической науки;
- установить основные аспекты проявления ценности категорий законодательства и юридической практики через определение их функциональной природы;
- определить понятие и характерные черты обесценивания правовых категорий;
- рассмотреть жизнеспособность правовых аксиом в качестве фактора обеспечения ценности правовых категорий;
- выяснить и проанализировать условия, формы и последствия обесценивания правовых категорий;
- представить обесценивание правовых категорий как закономерный исторический процесс развития российской правовой действительности;

– раскрыть основные аспекты взаимосвязи процесса обесценивания правовых категорий с правовым нигилизмом.

Методологическая основа диссертационного исследования. Философско-мировоззренческой базой работы выступила материалистическая диалектика и вытекающие из ее содержания наиболее общие установки и принципы познания, с помощью которых были раскрыты основные факторы, вызывающие к жизни такой процесс, как обесценивание правовых категорий.

Материалистическое понимание ценностей правовых категорий позволило рассмотреть ряд основополагающих вопросов заявленной темы в контексте взаимоотношений между субъектом и объектом. В ходе исследования автор руководствовался методологическим положением аксиологического подхода, согласно которому итоговым субъектом оценки отношения «субъект–объект» или ценностного отношения выступает индивид или группа лиц, или общество в целом. Объектами ценностных отношений являются материальные предметы, социальные явления, их отдельные свойства, имеющие ту или иную степень социальной полезности для удовлетворения определенной группы жизненных интересов индивида.

Применение ценностного подхода в рассмотрении правовых категорий потребовало применения оценки, т.е. теоретического раскрытия объекта в соответствии с выбранным масштабом и критериями социальной полезности, объективной или субъективной необходимостью, политической, экономической целесообразностью и т.п. Подобный методологический подход позволил обнаружить («снять») в сфере правового регулирования некий идеализированный слепок (модель) аксиологических начал и отношений, которые имеют непосредственное оформление в правовых категориях.

Наряду с диалектическим и аксиологическим методами в диссертации нашли применение такие общенаучные методы познания, как исторический и логический, системно-структурный и функциональный.

В ходе анализа понятия и форм обесценивания правовых категорий автор опирался на формально-юридический метод. При установлении соотношения правовых категорий с иными правовыми понятиями, правовыми аксиомами и иными смежными правовыми конструкциями использовался сравнительно-правовой метод.

Нормативную базу диссертации составили: Конституция Российской Федерации, федеральные законы, подзаконные нормативно-правовые акты федерального уровня, законы и иные нормативно-правовые акты субъектов Федерации.

Научная новизна работы заключается в том, что она представляет собой одно из первых комплексных общетеоретических исследований, раскрывающих сущность, понятие, формы и специфическую природу обесценивания правовых категорий, а также объясняющих условия и причины данного вида трансформации понятийного аппарата юридической науки и законодательства, его взаимосвязь с правовым нигилизмом.

Специфика диссертации состоит в детальном анализе вопросов формирования, функционирования и трансформации правовых категорий через призму аксиологического подхода, что нашло отражение в следующем:

- представлены авторские суждения по вопросу понятия, сущности и классификации правовых категорий;
- уточнены теоретические представления о научных правовых категориях в качестве составляющей метода юридической науки;
- расширены знания о соотношении категорий юридической науки и системы законодательства, в том числе продемонстрированы различия в выполняемых ими функциях и ценностном содержании;
- предложено авторское определение понятия «обесценивание правовых категорий», выделены его характерные черты;
- выявлены основные формы (аспекты) обесценивания правовых категорий – методологическая, функциональная, информационно-управленческая и технико-юридическая;

– рассмотрено обесценивание правовых категорий в качестве закономерного исторического процесса развития российской правовой действительности;

– дополнено теоретическое видение вопроса о взаимосвязи процесса обесценивания правовых категорий с феноменом правового нигилизма.

Решение указанных задач на общетеоретическом уровне позволяет, по мнению автора, уточнить и развить отдельные положения учения о правовых категориях, восполнить пробелы в понимании вопросов их закономерного изменения, приобретения и утраты ими ценностного содержания, уточнить и систематизировать знания об осуществляемых правовыми категориями функциях в ходе познания государственно-правовой действительности и в процессе правового регулирования, уточнить условия и факторы, влияющие на снижение ценности категорий юридической науки, законодательства и юридической практики.

На защиту выносятся следующие основные положения, отражающие новизну диссертационного исследования:

1. Предлагается с позиций аксиологического подхода авторская дефиниция категорий правоведения, законодательства и юридической практики (обобщенно можно их именовать правовыми категориями) в качестве фундаментальных, предельно общих понятий, отражающих наиболее существенные закономерности возникновения, развития и функционирования государственно-правовых явлений, ценность которых заключается в методологическом обеспечении процесса дальнейшего движения к новым научно-теоретическим знаниям, в совершенствовании действующей системы законодательства и складывающейся юридической практики, в заложенных в них инструментально-регулятивных возможностях по упорядочению общественных отношений.

2. Обосновывается тезис о том, что формально-логический подход в виде классификации ценностей в праве и юридической науке позволяет отразить в теории их многообразный состав, однако все же не отвечает на ряд

вопросов о природе ценностного содержания правовых явлений, обретении и утрате ими ценности, а также о критериях и формах ее проявления. Аргументируется то, что вопрос о ценностном характере правовых категорий весьма тесно связан с проблемой их функционирования. Именно надлежащая реализация функций правовыми категориями составляет основу их ценностного содержания. Данная закономерность прослеживается не только в отношении понятийного аппарата юриспруденции и законодательства, но также наблюдается в отношении любого общественного явления, подлежащего рассмотрению с позиции именно аксиологического подхода.

3. Утверждается, что ценность категорий юридических наук проявляет себя в следующих выполняемых ими функциях: познавательной, методологической, идеологической (воспитательной), социально-культурной, интегрирующей, практически-прикладной (праксиологической). При этом подчеркивается диалектическая связь между ценностным содержанием научной правовой категории и процессом ее функционирования. С одной стороны, нарушение в функциях, осуществляемых определенной доктринальной правовой категорией, ведет к утрате ею ценностного содержания. С другой – категория, уже лишенная ценностного характера, как правило, становится не востребована в государственно-правовых исследованиях, ее функционирование в понятийной системе правоправедения практически прекращается, что ускоряет процесс ее забвения.

4. Дается авторское определение категорий права и юридической практики, которые представляют собой наиболее общие понятия, вырабатываемые в ходе практической юридической деятельности, получающие формальное закрепление в официальных правовых документах в целях регулирования общественных отношений, а также способствующие обеспечению единства системы законодательства и юридической практики. Постулируется, что законодательно закрепленные категории самым тесным образом связаны с доктринальными правовыми понятиями, являются во

многом взаимным порождением друг друга, что одновременно не отменяет наличия между ними некоторых различий.

Законодательные категории в комплексе выполняют следующие функции, что и составляет центральный момент в понимании их ценностного содержания: регулятивную; инструментально-техническую; интеграционную; концептуально-идеологическую; стратегического планирования дальнейшего развития законодательства; политическую; информационно-управленческую; восполнения и преодоления пробелов в законодательстве, а также его конкретизации; стабилизации и унификации системы нормативно-правовых актов.

Определяется, что в системе законодательства число категорий изначально и до настоящего времени существенно меньше, чем в системе юридических наук, что обусловлено спецификой научного познания. В ходе его развития продуцируется огромное количество понятийных конструкций, часть из которых дублирует друг друга, раскрывает различные грани одного и того же явления. Ввиду данного обстоятельства динамика процесса обесценивания категорий имеет большую интенсивность в правовой науке по сравнению с аналогичным процессом в праве и юридической практике.

5. Аргументируется положение, согласно которому ценность законодательной категории в правоприменительной и правоинтерпретационной деятельности заключена в ее способности, будучи результатом синтеза целого ряда суждений и умозаключений о важнейших средствах правового регулирования, выступать наряду с иными подобными фундаментальными понятиями смысловым ядром системы нормативных правовых актов, которое во многом предопределяет понимание иных компонентов, предписаний законодательства. Устанавливается, что ценностное содержание легально закрепленных категорий раскрывается в таких характеристиках, как: особая смысловая, сконцентрированная информационная нагрузка законодательной дефиниции, выражает наиболее устойчивые, повторяющиеся связи правовой действительности

(гносеологическая ценность); законодательная категория выступает способом формализации норм права (функциональная или формализационная ценность); посредством правовых категорий обеспечивается системное единство нормативных предписаний в праве и законодательстве (систематизирующая ценность); законодательные категории, будучи вспомогательным инструментом в процессе правового регулирования, выступают своеобразными «трафаретами» в деле юридической квалификации реальных жизненных обстоятельств, что позволяет вести речь о регулятивной ценности подобных категорий.

6. Предлагается сложный процесс изменения правовых категорий рассматривать в следующих аспектах: гносеологическом, методологическом, ценностном (аксиологическом), практически-прикладном, социокультурном, логическом, лингвистическом и иных. При этом следует помнить о некоторой условности разграничения указанных подходов в исследовании одного и того же объекта.

Уточняется, что в ходе изучения трансформации категорий юридической науки с позиции ценностного подхода вполне явственно просматривается и методологический ракурс проблемы. Речь идет о том, что обесценивание категорий правоведения, с одной стороны, может иметь в качестве своей субъективной причины (или условия) методологические просчеты исследователей в ходе ее разработки и внедрения в понятийную систему, ненадлежащее применение или вовсе игнорирование методологических средств познания, с другой стороны, определенная правовая категория может со временем в силу объективных обстоятельств (например, из-за исчезновения самого объекта отражения) утрачивать свою методологическую ценность в части или полностью в плане снижения собственных возможностей для дальнейшего развития знания об отражаемом объекте, а также в отношении уменьшения или утраты способности генерировать на своей основе новые понятия об иных правовых

явлениях (например, из-за исчерпания со временем имеющегося методологического потенциала понятия).

7. Критически оценивается теоретическая позиция о возможности выделения правовых категорий с «отрицательной» ценностью. Обосновывается, что ценностный анализ в первую очередь предполагает отыскание таких свойств у правовых категорий, которые позволяют удовлетворять социальные потребности. Понятийные конструкции, которые утрачивают указанную способность, полагаем, более точно трактовать в теории и на практике в качестве утративших социальную ценность. С учетом изложенного представляется целесообразной и более точной постановка проблемы обесценивания правовых категорий, а не их рассмотрение в качестве понятий с отрицательной ценностью.

8. Дается определение понятия обесценивания научной правовой категории в виде специфической формы ее изменения, при которой осуществляется исключение ее из понятийной системы юридической науки, вследствие утраты последней своего методологического и гносеологического значения либо происходит снижение ее ценности для теории права в качестве способа, средства познания изменяющихся правовых явлений и процессов, а также наблюдается уменьшение числа возможностей по совершенствованию с ее помощью иных форм отражения правовой действительности. В отношении категорий системы законодательства и понятий, используемых в юридической практике, на первый план выходит не методологический, а практически-прикладной аспект утраты ими ценностного содержания, что составляет хотя и взаимосвязанную, но все-таки отдельную проблему для рассмотрения.

9. Доказывается, что условия обесценивания правовых категорий тесно связаны с принципами их обесценивания. Поскольку обесценивание правовых категорий рассматривается как форма их изменения, то ему будут присущи все принципы, выявленные в ходе исследования для изменения правовых категорий. Делается вывод о том, что обесценивание правовых

категорий может происходить вследствие недостоверного, необъективного отражения правовой действительности, несогласованности с другими правовыми категориями, при нарушении принципа научной обоснованности или принципа преемственности.

Условиями при этом могут выступать: закономерный исторический процесс развития правовой действительности; смена политического режима и, как следствие, изменение правовой культуры и правосознания. Определенную роль при обесценивании правовых категорий может сыграть и правовой нигилизм. Влияние на данный процесс способны оказывать также глобализация и интеграция в мировом экономическом и правовом пространстве.

10. Отмечается, что в теоретико-практическом плане наряду с социально-экономическим развитием общества важным критерием обретения ценности или обесценивания правовых категорий выступает и судебная, правотворческая и иная юридическая практика. Каждый новый виток в развитии последних вносит новые ценностные критерии, меняет содержание старых в отношении новых правовых категорий. При этом нельзя исключать борьбу различных ценностей в праве и юридической деятельности. Столкновение ценностей и установление их баланса в правовой сфере общества также имеет исторически и объективно обусловленный характер. Именно в ходе подобной борьбы ценностей в праве были выработаны такие правовые категории, как «право частной собственности», «право на жизнь», «право на судебную защиту», «право на участие в управлении делами государства» и многие другие.

Обосновывается, что диалектика обретения и утраты ценности правовыми категориями подчиняется общей закономерности социально-экономического и политико-правового развития социума. Обесценивание категорий с необходимостью сменяется трансформацией их содержания, заменой новыми понятиями, что не исключает между ними определенной степени преемственности.

11. Отстаивается позиция о том, что далеко не любое обесценивание правовых категорий можно признать в качестве некоего отрицательного процесса. Утрата правовой категорией ценности в ходе эволюционного развития общественных отношений является естественной и закономерной. Следовательно, в подобном случае присутствует естественно-исторический процесс трансформации понятийной системы в праве и юридической науке. Объективно обусловленное обесценивание правовых категорий является не деструктивным, а, напротив, – конструктивным моментом в правовой действительности. В результате обесценивание категорий предстает как диалектический процесс, сочетающий в себе отрицательные и позитивные стороны социально-правовой эволюции.

12. Приводятся дополнительные аргументы в подтверждение тезиса о нетождественности аксиом, категорий и правовых принципов. Указывается, что именно аксиомы вбирают в себя отправные идеи, характерные преимущественно для большинства правовых систем мира. Принципы имеют более узкую сферу своего хождения и привязаны, как правило, к системе права конкретного государства в определенный исторический период времени. Категории, в свою очередь, выступают средством, формой логического изложения содержания как аксиом, так и принципов права. Иными словами, правовые категории, которые позволяют раскрыть содержание правовой аксиомы, обладают особой социальной ценностью, что позволяет рассматривать данные правовые конструкции в рамках единой диалектической связи. Кроме того, жизнеспособность правовых аксиом напрямую определяет степень ценности ряда правовых категорий, сопряженных с ними. Для подобного рода диалектически взаимосвязанных аксиом и категорий права и юридической науки присущи общие закономерности как приобретения ими ценностного содержания, так и его утраты.

13. Делается вывод о том, что, с одной стороны, правовые категории, не отвечающие потребностям и интересам личности, общества, являются

одной из важнейших предпосылок формирования и распространения правового нигилизма. С другой стороны, правовой нигилизм граждан, в особенности государственных служащих, способен обесценить содержание даже подлинно демократичных законов и установленных в них правовых понятий. При этом субъективно переживаемое в сознании личности или общества отношение к правовым категориям и отражаемым в них ценностям имеет непостоянный характер, зависит от ряда факторов, многие из которых преходящи в силу непрекращающегося социального развития.

14. Выявляется, что обесценивание правовых категорий как психический процесс составляет одну из важнейших частей правового нигилизма. Однако не всякое обесценивание правовых категорий влечет за собой нигилистическое отношение. В случае объективной утраты той или иной правовой категорией ценностного содержания в силу естественно-исторического развития возможна своевременная законодательная, судебно-интерпретационная или научно-теоретическая корректура ее содержания и приведение его в соответствие с изменившимися социальными интересами и потребностями, что предупреждает ее негативную ценностную оценку в правосознании личности и общества. Обесценивание категорий в сознании индивида может быть обусловлено и чисто субъективными факторами, к числу которых можно отнести: недостаточную правовую информированность; юридическую безграмотность; неверные теоретические или «житейские» представления о праве и его понятиях; криминогенные установки личности; коррупционные устремления и т.п.

15. Определяется, что законодательные категории и их дефиниции выступают подлинной ценностью в практическом плане лишь при соблюдении ряда условий и правил в ходе их толкования, что обеспечивает в итоге правильное применение норм права и достижение целей правового регулирования. Таким образом, правила и средства толкования легальных категорий выступают важнейшей гарантией обеспечения их ценности в юридической практике. Напротив, нарушение правил и процедур по

толкованию правовых категорий снижает их практическую ценность, а в случае систематического их игнорирования и вовсе приводит к обесцениванию категориального аппарата законодательства в правоприменении.

В обобщенном виде выделяются следующие основные требования к процессу толкования правовых категорий в целях обеспечения их практической ценности:

– закрепленная в нормативном правовом акте дефиниция понятия имеет приоритетное значение по сравнению с его значением в обыденном языке;

– следует признавать недопустимым перенос в ходе интерпретации определенного законодателем значения понятия для одной отрасли права в другую без достаточных оснований (в любом случае необходимо убедиться в отсутствии препятствий для подобной аналогии, особенно при наличии отраслевой специализации правовых понятий);

– при отсутствии нормативно закрепленной дефиниции категории, используемой в законодательстве, приоритет следует отдавать ее определению, изложенному в актах официального толкования или же ее устоявшемуся значению, представленному в иных формах юридической практики;

– в целях обеспечения стабильности и определенности понятийного аппарата законодательства его категориям надлежит придавать тот смысл, в котором они использовались в момент принятия (или издания) нормативного правового акта (в данном случае речь идет о нежелательности так называемого «приспособления», «подгонки» законодательных дефиниций в ходе их толкования под изменившиеся со временем общественные отношения, интерпретатор не должен подменять собой законодателя).

Теоретическая и практическая значимость. Теоретическая значимость работы состоит в том, что ее результаты будут способствовать дальнейшему изучению условий, причин и форм проявления обесценивания

правовых категорий. Благодаря разработанной автором основы общетеоретической концепции утраты ценностного содержания категориями юридической науки, законодательства и юридической практики, становится возможным дальнейшее уточнение отдельных вопросов трансформации понятийного аппарата юриспруденции, его качественной оценки и возможных направлений совершенствования.

В понятийные ряды общей теории права вводятся уточненные научно-правовые абстракции «научные правовые категории», «категории законодательства и юридической практики», «обесценивание правовых категорий», «формы обесценивания правовых категорий».

Диссертация содержит ряд научно-практических рекомендаций и предложений, направленных на обеспечение сохранения и повышения ценности правовых категорий. Представленные доктринальные основы модели обесценивания правовых категорий могут быть использованы в ходе мониторинга законодательства Российской Федерации и правоприменительной деятельности на предмет качественного состояния категориального аппарата, в процессе совершенствования научно-познавательной деятельности по введению и исключению из понятийных рядов юридической науки тех или иных правовых категорий.

Отдельные теоретические положения диссертации могут применяться в учебном процессе при преподавании курсов «Теория государства и права», «Проблемы теории государства и права» и при написании квалификационных работ различного уровня.

Апробация результатов исследования. Диссертация подготовлена и обсуждена на кафедре теории государства и права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». Основные положения исследования были озвучены в ходе выступлений на международных и всероссийских научно-практических конференциях, а также на методологических семинарах, проводимых Саратовским филиалом Института государства и права РАН. Основные теоретические положения и

выводы исследования отражены в 6 статьях автора, опубликованных в журналах, включенных в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования РФ.

Структура диссертации обусловлена предметом, целями, задачами и логикой проведенного исследования. Работа состоит из введения, трех глав, включающих в себя десять параграфов, заключения и библиографического списка использованной литературы.

Глава 1. Понятие, место и роль правовых категорий юридической науке, законодательстве и юридической практике

§ 1.1. Понятие и сущность правовых категорий

В ходе социальной эволюции были выработаны две ведущие формы познания правовой действительности: наука и практика. Данные сферы человеческой деятельности диалектически взаимосвязаны. При этом для правовой науки приоритетной выступает задача формирования такого теоретического знания, которое в состоянии выполнять практически-прикладную функцию, служить делу целенаправленного практического развития общественных отношений. В отмеченном процессе особую роль играют правовые категории, составляющие фундамент как теоретической, так и практической юридической деятельности. Российское общество, избрав демократическую основу развития, провозгласило своей целью создание правового государства. Вступив на этот путь, находясь в поиске оптимального решения общих и частных проблем государства и права, законодатель проводит реформирование многих сфер общественной жизни. Но любые реформы, находящие практическое выражение, не проводятся и не могут проводиться, не основываясь на теоретической базе, теоретических выкладках, правовых категориях.

Именно категориальный аппарат юридической науки и практики выступает квинтэссенцией накапливаемых знаний о праве, придает качественную определенность юридическому мышлению, составляет опорные, узловые пункты в структуре фундаментального знания о праве и правовой действительности в целом, выражает наиболее общие закономерности их формирования, функционирования и развития. Ввиду сказанного правовые категории можно выделить в относительно самостоятельную центральную и наиболее фундаментальную часть,

накапливаемого в обществе юридического знания, которое, в свою очередь, может составить предмет для их специального научного исследования¹.

В правовых категориях, которые являются наиболее фундаментальными понятиями, пределами обобщения в правоведении, находит непосредственное отражение изменяющаяся картина правовой действительности. Правовая действительность является предметной основой формирования правовых категорий, которые в свою очередь, являясь результатом научного абстрагирования и выступая составной частью метода теории права, становятся отправной точкой в исследовании каждого правового института в отдельности. Таким образом, правовые категории выступают и как способ познания закономерностей, функционирования и развития правовых явлений и процессов.

Изучение правовых категорий как методологической проблемы правоведения периодически становилось объектом пристального внимания исследователей, в частности И.Д. Андреева², В.О. Тененбаума³, А.М. Васильева⁴, В.Н. Крылова⁵, А.А. Мелькина⁶ и других. Испытывая влияние политической идеологии, правовые категории исследовались недостаточно глубоко, с позиции изучения отдельных государственно-правовых явлений конкретного исторического момента. Однако, правовые категории призваны максимально точно отражать правовые явления и процессы в максимально обобщенном виде, что входит в противоречие с представленным подходом.

¹ Васильев А.М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 11.

² См.: Андреев И. Д. Проблемы логики и методологии познания / И. Д. Андреев. – М. : Наука, 1972. С. 5 – 6 и др.

³ См.: Тененбаум В.О. Государство: система категорий / Тененбаум В.О. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1971. С. 8.

⁴ См.: Васильев А.М. Указ. Соч. С. 12 – 25 и др.

⁵ См.: Крылов В.Н. Роль научных абстракций в построении системы категорий теории права. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1985.

⁶ См.: Мелькин А.А. Формирование юридических понятий в Российской правовой системе. Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2008.

Отдельно взятая отрасль научного знания, включая и юридическую науку, формирует собственную систему категорий и иных понятий. Следует подчеркнуть тот факт, что используемые науками понятийные конструкции неравнозначны, отличаются уровнем обобщения и рядом иных качественных параметров. Следовательно, можно с уверенностью утверждать, что далеко не все понятия могут признаваться категориями, а лишь те из них, которые достигли в своем развитии определенного качественного состояния и способны выступать опорными, узловыми пунктами в процессе дальнейшего познания окружающей нас реальности.

Отечественное правоведение опирается в своих исследованиях на целый ряд центральных понятий (категорий) – государство, право, правовая система, механизм правового регулирования, сущность государства и права, норма права, правоотношение, юридическая ответственность и многие другие. Существенное значение имеют и парные правовые категории, позволяющие в теории и на практике отразить сложное диалектическое единство и взаимодействие правовых явлений, процессов и тенденций. К числу последних можно отнести такие категориальные пары, как: «субъективное право и юридическая обязанность», «государство и право», «норма права и правоотношение», «специализация и унификация законодательства», «поощрение и наказание в праве», «интеграция и дифференциация в праве», «правовой идеализм и правовой нигилизм» и иные. Применение в исследованиях обозначенной логической формы познания позволяет разрешать в юридической науке антиномии-проблемы, синтезировать противоположные позиции исследователей, отражать объективную двойственность юридического бытия.

Однако фундаментальные комплексные исследования самой сущности правовых категорий, их формирования, трансформации, обесценивания и исключения из понятийных рядов науки в последние 40 лет практически не проводились. По настоящий момент в юриспруденции отсутствует

единообразное определение самих правовых категорий, не решен в окончательном виде вопрос о критериях их выделения среди иных понятийных конструкций, не раскрыта в полной мере проблема их качественного изменения и развития.

Понятие – это основной элемент научного познания. Раскрыв содержание понятия правовой категории, основные приемы и способы их качественного преобразования, можно существенно расширить познавательные возможности всей юридической науки, повысить фундаментальность правовых исследований и их методологическую оснащенность. В указанном деле особое место необходимо отводить вопросам обесценивания правовых категорий¹ в качестве одной из возможных, хотя и нежелательных форм их трансформации. Интересным является и тот факт, что понятие правовой категории уже само по себе является самостоятельной категорией теории права и юридической практики.

Прежде всего, необходимо согласиться с Поповым Н.П. в том, что рассмотрение любого теоретического или практического вопроса так или иначе начинается с точного определения используемых понятий. Именно последние выступают отправным началом и одновременно итогом последовательной деятельности человека по освоению окружающего мира². К примеру, и в абсолютном большинстве источников учебной литературы раскрытию тех или иных вопросов предшествует рассмотрение определений центральных понятий, что обусловлено потребностью установления отправных пунктов в деле обеспечения должного освоения материала обучающимися. Однако в начале процесса обучения или теоретического познания понятия предстают в виде начальных наиболее простых дефиниций, а более глубокое и развернутое содержание они приобретают

¹ Рыбаков В.П. Преемственность в отечественном праве в переходный период: общетеоретические вопросы. Дис. ... докт. юрид. наук. Омск, 2009. С.114-115.

² См.: Попов Н.П. Определение понятий. Л. 1954. С.8.

лишь в ходе сложной и длительной образовательной или познавательной деятельности¹.

В правоведении поставлен вопрос о том, что же определяется – смысл определенного термина, призванного обозначать отражаемый им феномен или же само юридическое понятие. Позиции ученых-правоведов разделились при ответе на данный вопрос. Одни исследователи (например, В.М. Савицкий, С.П. Хижняк и иные)² утверждают, что подлежит определению именно сам правовой термин, другие же (среди них Т.В. Губаева, А.С. Пиголкин, Н.А. Власенко)³ указывают на правовое понятие. В юридической литературе высказана и третья позиция, согласно которой, понятие и термин выступают как синонимичные конструкции. В логике такие определения получили названия номинальных и реальных. При разрешении данной проблемы следует согласиться с Р.М. Нигматдиновым, который приходит к выводу о том, что в случае определения юридического термина его дефиниция будет иметь номинальный характер, а в ситуации с определением понятия – реальный⁴.

Обобщая воззрения авторов по данной проблеме, можно сделать вывод о расстановке различных акцентов, которые все же не влияют на общее понимание научного понятия и научно-теоретической терминологии в целом.

В общефилософской и специально юридической литературе под категорией, как правило, понимается предельно широкое, наиболее общее научное понятие, призванное отражать в самом общем виде типичные свойства и закономерности окружающего нас мира. В области юридического познания оперирование категориями предоставляет возможность выразить в теории общие, фундаментальные закономерности и черты, присущие всей

¹ См.: *Нигматдинов Р.М.* Проблема правовых понятий и оценочных категорий в гражданском процессуальном праве. Дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 73.

² См., например: *Савицкий В.М.* Язык процессуального закона. Вопросы терминологии. М. 1987.

³ См., например: *Власенко Н.А.* Язык права. Иркутск. 1997.

⁴ См.: *Нигматдинов Р.М.* Указ. соч. С.74.

правовой действительности или ее значительной части. Посредством правовых категорий осуществляется упорядочивание всего юридического знания, которое приводится в состояние органической системы, что в итоге способствует более полному и всестороннему отражению на теоретическом и практическом уровне наиболее значимых, коренных вопросов правоведения. Кроме того, юридические категории способны в перспективе содействовать поиску наиболее эффективных вариантов решения практических задач по совершенствованию права и государства, возникающих перед российским обществом на определенном историческом этапе его развития.

Сам термин «категория» исторически был введен в научный оборот благодаря усилиям философов. Первоначально категории увязывались исключительно с формами мышления и проблемами логического познания. Еще Аристотель в свое время определил категории в качестве всеобщих предикатов или наиболее общих родов понятий. Позднее Кант увязывал познавательные функции категориальных конструкций с суждениями, связывал гносеологические функции категориальных структур с суждениями. Гегель же раскрывал процесс категоризации мышления через осознание предметного содержания познаваемых явлений в качестве продукта некоего «абсолютного» умозаключения, что представляет собой в схематичном виде следующую цепь «логическая идея – природа - дух»¹.

Обращаясь к этимологии слова «категория», можно обнаружить его смысловое значение в виде наиболее общего понятия, отражающего сущностные связи и отношения в реальной действительности и в процессе познания.

Однако следует повториться, что изначально в истории философии все категории объявлялись одной из наиболее важных форм мышления. В дальнейшем содержательное определение категорий было существенно

¹ См. подробнее об этом: *Крымский С.Б.* Системы знания и проблема их категориальной определенности// *Логико-философский анализ понятийного аппарата науки.* Киев, 1977. С.197.

расширено и наряду с философией правом разработки собственных категорий были наделены и иные науки. Так, в юриспруденции появилось утверждение следующего содержания, что категории являют собой не только общие формы мышления, но и выступают базовыми понятиями, которые «максимально обобщают особенное, специфическое в объекте данной науки»¹.

В свое время А.М. Васильев писал, что рассмотрение категориальной сети теории права позволяет с опорой на системные оценки, определять ее в качестве органической, открытой теоретической системы знаний, позволяющей воспроизвести в научном сознании объективно существующее содержание, структуру внутренних связей и элементов правовой формы социальной действительности². Аналогичное суждение высказывал и А.Б. Венгеров: «Изучение закономерностей права – их описание, объяснение, прогнозирование – закрепляется теорией права в понятиях, категориях, юридических конструкциях»³.

В этом плане небезынтересно определение научных категорий, предложенное И.Д. Андреевым: «Есть понятия, которые отражают основные свойства сравнительно небольшого класса предметов. В этом смысле мы можем назвать их частнонаучными понятиями. Но есть такие понятия, в которых выражены существенные свойства, связи, отношения, принадлежащие всем или почти всем предметам, явлениям, изучаемым данной наукой. Такие наиболее общие понятия называют категориями»⁴.

Соответственно данным определениям правовых категории устанавливается и их сущность, под которой понимается совокупность

¹ Тененбаум В. О. Указ. соч. С. 9.

² Васильев А.М. Указ. соч С. 14.

³ Венгеров А.Б. Теория государства и права: Часть II. Теория права. Т. I. М.: Юристъ, 1996. С. 8.

⁴ Андреев И.Д. Указ. соч. С. 77.

наиболее устойчивых и необходимых, глубинных, внутренних связей явления¹.

Дифференциация понятий по различным отраслям научного знания имеет особое значение, ибо позволяет осуществлять классификацию всей системы категорий по отдельным направлениям. Однако в юриспруденции не утихают споры по вопросу о том, насколько те или иные понятия, категории и умозаключения адекватно отражают те или иные явления правовой действительности и насколько продуктивны они в практически-прикладном плане в ходе совершенствования правотворческой, правоприменительной и иной юридической деятельности.

В ходе эволюционного развития понятийного аппарата правоведения отдельные его элементы в силу особого значения получают свое распространение и на иные отраслевые юридические наук, что постепенно и трансформирует их в общие категории для всей юриспруденции. Следует учитывать и то обстоятельство, что теоретические знания обладают не только социально-культурной ценностью, но им присуща, и собственная самостоятельная роль по активному воздействию на общественные отношения, их дальнейшему развитию и преобразованию.

В литературе бытует точка зрения о возможности подразделения категорий юриспруденции на базисные, наиболее общие и частные – категории, имеющие хождения и особое значение для отдельной отрасли научно-правового знания. При этом часть из них может одновременно выступать и общеправовыми и частноправовыми категориями. В качестве примеров можно привести следующие: норма права есть общеправовая категория, а гражданско-правовая норма – частная, юридическая ответственность выступает общей в правоведении, а уголовная ответственность – частной категорией и т.д.

¹ См.: Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права / Матузов Н.И. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1972. С. 92.

Однако, не все исследователи теории права придерживаются такого мнения. В частности, В.В. Нырков считает, что «никаких отраслевых категорий нет и быть не может». Он объясняет это тем обстоятельством, что придание категориального статуса одному понятию по отношению к другому имеет какой-либо смысл лишь в целой системе наук, а не в отношении отдельно взятой узкоспециализированной теории, к коим и относятся отраслевые юридические науки. Одновременно исследователь отмечает, что в системе юридических наук статусом категорий могут наделяться исключительно наиболее общие понятия теории государства и права. Продолжая свою мысль В.В. Нырков пишет, что сама по себе отдельная правовая теория не нуждается в каких-либо «собственных» категориях, выводимых из нее самой¹.

На наш взгляд, данная трактовка является довольно узкой, хотя бы принимая во внимание то, что отдельные правовые категории изначально исследовались лишь в рамках отдельных отраслевых наук, а затем перешли в теорию права (например, категория «правоотношение» первоначально была предметом изучения цивилистов). Поэтому с методологических позиций сложно согласиться с мнением В.В. Ныркова, поскольку отраслевые науки и теория права неразрывно связаны и, развиваясь, правовые категории теории права и отраслевых наук, обогащают и дополняют друг друга, ни в коей мере не умаляя значения теории государства и права в ряду наук правоведения. Категории отраслевых наук более гибкие, подвижные, более узконаправленные, нежели категории теории права, являющиеся базовыми.

Понятийный аппарат юриспруденции являет собой единое целостное теоретическое образование, в рамках которого все понятия и категории находятся в тесной предметно-функциональной взаимосвязи, включая отношения координации и субординации.

¹ См.: *Нырков В.В.* Поощрение и наказание как парные юридические категории / Под ред. А.В. Малько. Саратов, 2006. С. 64-65.

Системообразующим фактором при этом выступает, в первую очередь, предмет отдельно взятой науки. Категориальный же аппарат выступает в качестве уже теоретически выраженного системного каркаса научного знания.

Особенно ярко это проявляется на примере таких наук, как философия права и теория государства и права, вырабатывающих самые общие и фундаментальные понятийные конструкции (категории), призванные отражать коренные проблемы государственно-правового познания, что в итоге и формирует достаточно жесткий каркас в понятийной системе правовых наук в целом. Их особое методологическое значение заключается в том, что именно благодаря им выстраивается некая общая система понятий в целом ряде отраслевых наук – теории конституционного, уголовного, административного, гражданского и иных отраслей права. Такие категории, как государство, право, правовая система, механизм правового регулирования и многие другие являются базисными для всей системы правопознания. При этом они, в свою очередь, должны опираться на такие философские категории, как содержание и форма, сущность и явление, причина и следствие и т.д.

Без общего категориального каркаса не может существовать ни одна область научного знания, без должной категориальной опоры невозможно полноценное развитие отдельно взятой относительно самостоятельной системы (группы) наук.

Подчеркнем, что принцип системности в организации понятий юриспруденции наиболее явно обнаруживает себя на уровне частных юридических наук. Несомненным представляется то, что каждая из них формирует собственную достаточно автономную систему понятий в соответствии со спецификой изучаемого предмета. При этом часть из таких понятий со временем будучи наиболее широкими может приобрести статус категорий. Традиционно именно данные наиболее общие понятия и образуют фундаментальную основу конкретной науки. Иные же понятийные

конструкции, коих большинство, реализуют другую теоретическую нагрузку по отражению частных вопросов, отдельных явлений и процессов в рамках более сложного познаваемого объекта.

Также обратим внимание и на то, что категории отраслевых юридических наук могут выполнять своеобразную методологическую функцию по отношению к видовым понятиям данной теории, выступая одновременно в качестве базисных, отправных. Видовые же понятия, раскрывающие специфику отдельной группы познаваемых явлений, не могут претендовать на статус категорий. С развитием юриспруденции наблюдается все большая и большая дифференциация ее понятийного аппарата.

Однако наряду с дифференциацией правовых наук наблюдается и обратная тенденция в виде их интеграции. Как правило, процессы интеграции в наибольшей степени присущи родственным, близким по предмету наукам¹.

К примеру, в настоящий момент можно проследить целый ряд процессов по интеграции в рамках государствоведческого, цивилистического и криминалистического блоков отечественного правоведения. В итоге это проявляет себя на использовании указанными блоками юридических наук целого ряда общих понятий. К примеру, в цивилистическом блоке общими понятиями выступают – договор, обязательство, сделка, иск, возмещение вреда, право собственности и др. В науках криминального цикла можно назвать в качестве общих понятий – преступление, наказание, уголовная ответственность, вина, субъект и объект преступления и т.д.

Следовательно, можно утверждать, что подобные понятия и есть те самые опорные категории соответствующего блока юридических дисциплин, которые являются естественным результатом процессов по их интеграции и одновременно средством таковой. Подобные правовые категории можно именовать межотраслевыми в правоведении.

¹ *Чепиков М. Г.* Интеграция науки. М., 1981. С. 10 – 38.

Исходя из вышеизложенного, можно представить следующую классификацию правовых категорий:

По уровню правового регулирования: - может быть точнее по уровню абстрагирования (широте охвата, сферы действия)

1. Категории общей теории права – правовые категории, имеющие наиболее общее, базовое фундаментальное значение.
2. Междисциплинарные правовые категории – правовые категории, которыми оперируют несколько правовых наук одного блока (цикла), среди которых можно выделить:
 - а. категории гражданско-правовых наук;
 - б. категории криминальных наук, и т.п.
3. Отраслевые правовые категории – наиболее узкие по своему содержанию правовые категории, которые функционируют лишь в пределах отдельных отраслей права.

По объекту отображения действительности можно классифицировать правовые категории на:

1. общие правовые категории, обозначающие явления правовой действительности, имеющиеся под собой эмпирическую составляющую;
2. прикладные правовые категории, отражающие новые конструкты, отсутствовавшие ранее в юридической науке и практике, не отражающие каких-либо эмпирически объектов и предназначенные для эффективного познания правовой действительности.

Представленные классификации не могут считаться исчерпывающими, но даже они помогают систематизировать знания о правовых категориях, наглядно отображать такое их свойство как системность.

Это не все основания для классификации, например, можно выделять собственно категории юридической науки, категории законодательства, категории юридической практики и др.

Отличительной чертой категорий юридической науки является то, что они непосредственно связаны с системой категорий законодательства. При этом между ними существует диалектическая связь. Так, в правоведении все категории принято подразделять на базовые и специализированные, отраслевые. Зачастую последние приходят в науку из системы действующего законодательства. Возможна и обратная ситуация, когда теоретические разработки влекут за собой изменение законодательства, введение в него того или иного нового понятия, обладающего статусом категории. В этой связи А.М. Васильев отмечал: «особенностью юридических категорий, по сравнению с понятиями других общественных наук, является то, что они получают свое закрепление в законе»¹.

С учетом сказанного одним из актуальных и значимых вопросов правоведения выступает *проблема соотношения категорий законодательства и юридической практики, с одной стороны, и категорий юридической науки – с другой.*

В общем виде можно выделить *следующие существенные черты категорий права и юридической практики:*

- выступают частью государственно-правовых предписаний – нормативного, либо правореализационного характера;
- выступают не только формой юридического мышления, но и средством правового регулирования;
- призваны обеспечивать унификацию и систематизацию законодательства, а также единство юридической практики;
- выполняют оценочную, регулятивную, охранительную функции.

А.М. Васильев пишет: «Правовые категории используются для того, чтобы выразить истинное знание о правовой сфере общественной жизни, а категории права выступают как образец, государственный масштаб поведения людей и оценки их поступков. Поскольку знания о правовой сфере

¹ Васильев А.М. Указ. соч. С.92.

общественной жизни лежат в основе этого масштаба, то одноименные категории права и правовые категории совпадают по своему содержанию. Но, объективируясь в категориях права, знания как бы застывают»¹. Таким образом, исследователь справедливо различает категории права, юридической практики и категории юридической науки.

Научные правовые категории имеют разное содержание и функциональное назначение. Часть из них способна выступать своеобразным методом дальнейшего познания правовых явлений, другие представляют собой отправные, опорные пункты в понятийном каркасе правоведения, третьи имеют преимущественно практически-прикладное значение.

Ввиду этого, с позиции функциональной характеристики ценность у научной правовой категории может быть весьма различной, но в итоге все они представляют собой социально-правовую ценность, обеспечивая развитие юридической науки.

Категории юриспруденции есть ее фундамент, на котором выстраивается вся ее понятийная система, без них не обходится ни одна отрасль юридического знания. Одновременно *научные правовые категории должны отвечать ряду требований*, иначе они теряют ценность в познавательном и прикладном аспектах. В частности, они должны: полно и всесторонне отражать исследуемый объект; быть сформированы в соответствии с признанными методологическими и теоретическими приемами познания; органически встроены в действующую систему понятий; определяться индуктивным способом с опорой на известные данные; быть логически выверены по содержанию и форме; учитывать связь с аналогичными категориями в системе законодательства и юридической практики и др.

В прикладном плане ценность научных правовых категорий сводится к тому, что они способны обеспечивать целостность, системность и

¹ Там же. С. 68.

рациональность права, а также облегчают процесс его применения и реализации в целом. Кроме того, правовые категории способствуют устранению и преодолению неупорядоченности и неопределенности фактических обстоятельств в социальной жизни. С их помощью в науке и на практике вырабатываются четкие квалификационные критерии и правила оценки фактов и событий, имеющих юридическое значение.

Категории юридической науки, законодательства и юридической практики совместно выступают важной составляющей в обеспечении интеграционных процессов в праве и правовой системе общества, снижают риск неоправданной или излишней дифференциации правовых предписаний. На их основе формируются общие нормативные правовые предписания, общие принципы правового регулирования. Как справедливо заметил Ж.Л. Бержель, юридической науке и практике просто необходимы общие понятийные конструкты и правила, которые выступают общим мерилом в оценке частных случаев, подпадающих под действие закона¹.

Проанализировав и обобщив накопленные в юридической литературе знания о категориях правовой науки, законодательства и юридической практики, может сделать *вывод о том, что их сущностными признаками являются положения следующего характера:*

- 1) правовые категории представляют собой предельно общие, фундаментальные понятия;
- 2) обладают свойством системности;
- 3) отражают наиболее общие и существенные закономерности возникновения, развития и функционирования правовых явлений;
- 4) органически входят в предмет теории государства и права, а также находят свое официальное закрепление в законодательстве и применение на практике;
- 5) являются правовыми ценностями;

¹ См.: Бержель Ж.-Л. Общая теория права / Под. общ. ред. В.И. Даниленко / Пер. с фр. – М.: Издательский дом NOTA BENE. 2000. С. 356-360.

- б) на основе их в науке и на практике вырабатываются исходные правила и принципы формирования и оперирования всеми иными частными понятиями, что служит в итоге цели развития юриспруденции, законодательства и юридической практики;
- 7) выполняют познавательную, практически-прикладную, регулятивную, оценочную, интеграционную функции, что в итоге и является содержательной стороной их ценности для общества в целом.

Подводя итог вышеизложенному, следует сформулировать определение правовых категорий. *Категории правоведения, законодательства и юридической практики (обобщенно можно их именовать правовыми категориями) представляют собой фундаментальные, предельно общие понятия, отражающие наиболее существенные закономерности возникновения, развития и функционирования государственно-правовых явлений, ценность которых заключается в методологическом обеспечении процесса дальнейшего движения к новым научно-теоретическим знаниям, в совершенствовании действующей системы законодательства и складывающейся юридической практики, в заложенных в них инструментально-регулятивных возможностях по упорядочению общественных отношений.*

§ 1.2. Правовые категории как формы отражения правовой действительности.

«Наука, - полагал П.Е. Недбайло, - начинается там и тогда, где и когда целенаправленное собирание, научная обработка, прежде всего, научная классификация фактов доводится до уровня их включения в систему понятий, в состав теорий, когда закономерности развития фактов получают отражение в научных определениях»¹.

Понятийная система теории государства и права, включая и ее категории, как уже отмечалось ранее, призвана отражать во всей полноте и многообразии реальную правовую действительность, ее закономерные связи и отношения. Без понятий и категорий правовой науки не представляется возможным изучение даже простейших правовых положений, юридических фактов, их сопоставление, классификация и иные теоретические операции с ними. Для более точного и полного понимания социальной ценности категорий юриспруденции необходимо обратиться к вопросу о том, как и каким образом они формируются и становятся способными отразить реальные связи и отношения между познаваемыми государственно-правовыми явлениями.

В современной литературе подобный теоретико-методологический вопрос рассматривается исключительно редко. Исследователи зачастую оперируют категориями как некими само собой разумеющимися средствами познания без анализа их глубинной сущности, истоков и способов формирования и дальнейшего развития. Лишь в редких современных работах обнаруживает себя более детальный подход в анализе указанных вопросов².

¹ Недбайло П.Е. Введение в общую теорию государства и права. Предмет, система и функции науки: Учебное пособие. Киев: Вища шк., 1971. С.148.

² См.: Лукашев М.А. Предмет правового регулирования как категория теории государства и права. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 5-6.

Далее для уяснения познавательной ценности категорий юридической науки полагаем оправданным краткое обращение к проблеме объекта и предмета науки, ибо аксиоматичным представляется отнесение категорий именно к предмету той или иной правовой науки.

Разграничение объекта и предмета научного исследования изначально стали проводить именно в трудах по философии науки¹. Рассматриваемое методологическое требование сформировалось еще в XIX веке и постепенно из философии проникло во все основные отрасли научного знания, включая и юриспруденцию. XIX и XX века ознаменовались бурным процессом дифференциации научного знания, число наук и научных направлений возросло многократно, что привело к ситуации, когда один и тот же объект окружающего мира стал изучаться сразу несколькими науками и даже различными их группами. С этого момента и стал актуальным вопрос о разграничении научных дисциплин посредством выделения не только их объекта, но и предмета исследования.

Отрасли научного знания в ходе их дифференциации и специализации приобретали собственные, отличные от других наук, средства и методологические подходы в познании, что позволило им с различных сторон раскрывать закономерные свойства порой одного и того же изучаемого объекта. Все это находило отражение и на развитие категориального аппарата наук, который также подвергся тенденции дифференциации. В итоге основным критерием для отграничения одной науки от другой становится не объект, а именно предмет исследования, в который и подлежат включению в качестве одного из центральных элементов специфические категории отдельно взятой науки. Закономерным итогом расширения многоплановых исследований одного и того же объекта окружающей нас реальности стала постановка проблемы соотнесения теоретических конструкций предмета и объекта науки, что и нашло свое

¹ См.: Косарева Л.М. Предмет науки. М., 1977; Щедровицкий Г.П. Заметки о понятиях «объект» и «предмет» // Философия. Наука. Методология. М., 1997.

выражение в качестве одного из основных вопросов современной методологии науки, включая и методологию юридической науки.

При этом следует учитывать относительную условность разграничения объекта и предмета науки. Имеется ввиду то обстоятельство, что объект и предмет науки не могут рассматриваться как абсолютно изолированный, отдельно существующий субстанция. Предмет исследования все же неразрывно связан с объектом, произведен от него, лишь в определенной степени демонстрирует нам специфику подхода к его изучению.

В гуманитарной сфере научного познания число наук изучающих один и тот же объект в виде общества просто огромно, что создает дополнительные сложности в их отграничении друг от друга. Данное многообразие гуманитарных дисциплин научного знания во многом объективно обусловлено сложностью исследуемого объекта, ибо общество является одной из сложнейших самоорганизуемых систем. Ввиду этого юриспруденции также вынуждена была воспользоваться концепцией объекта и предмета науки для более точного различения одной правовой дисциплины от другой¹.

Отметим, что существуют также представления, в которых отождествляется предмет и объект. Однако стоит признать их ошибочными. Справедливо высказывание О.А. Пучкова в том, что «объект существует независимо от науки, он существовал и до ее появления. Предмет науки, напротив формируется самой наукой. Одному и тому же объекту науки может соответствовать несколько предметов»².

На наш взгляд, признание объекта теории права в виде отдельно выделенного элемента, отличного от предмета, носит необходимый характер и обладает существенным методологическим значением. Посредством

¹ Тарасов Н.Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург: Изд-во Гуманит. ун-та, 2001. С.135.

² См.: Пучков О.А. Теория государства и права: проблемы и перспективы // Правоведение. 2001. №6. С.8.

указанных категорий определяется не только круг явлений, процессов окружающей действительности, но и проводится четкая градация сфер научно-правового исследования¹.

Большинство авторов поддерживают идею разграничения объекта и предмета юридической науки. К примеру, в понимании А.М. Васильева в качестве объекта науки теории государства и права выступает «вся сфера государственно-правовой жизни общества, т.е. государственно-правовая надстройка в целом», а в качестве ее предмета «выступает закономерное и необходимое, общее и существенное в данном объекте»². В том же ключе высказывается В.М. Сырых, отмечая следующее: «Объективная реальность, которая выступает началом теоретического познания и противостоит познанным закономерностям как своей бледной, неполной а иногда и искаженной копии, отраженной в форме понятий, категорий и иных абстракций, понимается как объект науки. Именно из потребности строгого отделения познанных закономерностей от самой объективной реальности, где эти закономерности действуют, а также последовательного применения материалистически истолкованной проблемы начала в научном познании в гносеологии формулируется принцип, требующий последовательного и строгого отличия объекта науки от ее предмета»³.

Объект есть то, что следует изучать посредством теоретических способов и приемов в рамках соответствующей науки. В ходе же изучения такого объекта наука наполняется теоретическими знаниями о нем, т.е. формирует в рамках уже собственного предмета систему понятий о характерных признаках, закономерностях его возникновения, функционирования и развития. В итоге научно-теоретическое познание будучи творческим процессом осмысления реального объекта правовой действительности воссоздает его мыслительную модель в виде конкретной

¹ См.: *Сырых В.М.* Указ. соч. С.80.

² *Васильев А.М.* Указ. соч. С. 18.

³ *Сырых В.М.* Указ. соч. С. 102.

системы понятий и категорий¹, которые и выступают непосредственным предметом той или иной юридической науки.

Постоянное стремление юридической науки ко все более полному и всестороннему изучению правовой реальности приводит ее к утверждению о сложной организации политико-правовой жизни, что, в свою очередь, влечет за собой дальнейшую дифференциацию правовых наук, концентрирующихся на изучении лишь того или иного аспекта (стороны) познаваемого объекта. Следствие подобных процессов выступает и усложнение предмета юридической науки, ядром которого как раз и выступают собственные специфические категории данной науки. Таким образом, категории являются ценными и в том плане, что фактически позволяют осуществить обособление предмета одной науки от другой. Научная категория становится важнейшим средством системной организации правовых наук.

«Вопросы о категориях теории права, отмечал А.М.Васильев, - естественно, не могут замыкаться в кругу чисто логических проблем. В то же время изучение категориального строя теории права требует определенного вычленения данных вопросов из всего комплекса теоретических проблем правоведения, рассмотрения их относительно самостоятельно, независимо от так называемого онтологического исследования права»². Исследователь правомерно увязывает ценность категорий и понятийного аппарата юриспруденции в целом с их методологической функцией, подчеркивая невозможность рассмотрения предмета науки в отрыве от его категориального состава.

При анализе категорий как особой логической формы отражения правовых явлений ряд ученых включают в нее не только собственно категории, но и термины и словосочетания, их обозначающие³.

¹ См.: Пучков О.А. Указ. соч. С.8-9.

² Васильев А.М. Указ. соч. С. 20.

³ См.: Головина С.Ю. Понятийный аппарата трудового права. Екатеринбург. 1997. С.71-72.

С подобной позицией можно согласиться лишь отчасти. Так, вполне справедливым можно считать утверждение о том, что право и раскрывающая его сущность теория не существуют вне языковых форм. Однако полагаем недопустимым отождествление лингвистического и семантического аспектов с теоретико-методологическим в понимании предмета юридической науки. Представляется, что семантический анализ не в состоянии заменить или подменить собой формально-логический анализ понятийного аппарата юриспруденции, выступающего важнейшей составляющей метода получения новых знаний в области социально-правовых явлений.

М.Л. Давыдова, обращаясь к вопросу о ценности категорий подчеркивает, что единство права как органической системы, не в последнюю очередь обеспечивается именно целостностью его понятийного аппарата¹. Важно учитывать тот факт, что категориальный аппарат юридических наук есть не только целостное, но еще и системное логико-юридическое образование, в рамках которого все категории находятся во взаимной связи и предметно-функциональном взаимодействии², поэтому для того, чтобы выяснить место категорий права в отражении правовой действительности, необходимо выяснить их соотношение с другими элементами понятийного аппарата, которые были названы нами выше, - понятиями и терминами.

Ранее нами подчеркивалось, что именно посредством функциональной ценности категорий становится возможным четкое отделение предмета одной науки от другой в системе юриспруденции. Однако не менее важно для уяснения природы и социальной ценности категории разрешить вопрос о механизме их формирования и трансформации. Одним из наиболее значимых

¹ См.: Давыдова М.Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии: монография. Волгоград. 2009. С.140.

² См.: Панов Н.И. Методологические основы формирования понятийного аппарата // Правоведение. 2006. № 4. С. 24.

средств отмеченного процесса выступает метод восхождения от конкретного к абстрактному и обратный ему прием в виде восхождения от абстрактного к конкретному. С помощью так называемой «абстракцией идей» получают прописку в юриспруденции новые категории, не имеющие ранее аналогов ни в правовой науке, ни в реальной юридической практике, а также не отражающие каких-либо реально существующих объектов. К примеру, так были образованы понятия «правовое государство», «законность», «правопорядок» и многие другие. Данные понятийные конструкты выступают в качестве категории-идеи, категории-цели, к достижению которых на практике надо стремиться, но в абсолютном виде достичь состояния правопорядка или строжайшей законности, как и соответствовать в полной мере идеалам правового государства невозможно. Однако ценность подобных категорий-идей для общества от этого не снижается. В той или иной мере все научные категории, будучи результатом теоретико-познавательной деятельности, выражают в самом общем виде сущностные стороны и закономерные связи реальных правовых явлений¹ или же желательные для общественного развития их состояния в качестве целевых ориентиров

Представляется необходимым упомянуть о выделении в юридической литературе и еще одной форме отражения правовой действительности – представлении о правовом понятии. Р.М. Нигматдинов считает, что следует отграничивать само правовое понятие и теоретическое представление о нем. Последние, как и понятие, представляет собой мысль о некоем предмете, но в отличие от понятия в представлении вычленяются не только характерные признаки, но и иные, «которые бросаются в глаза». При этом они не являются существенными. Как полагает автор, представление более полно отражает реальное явление или процесс, в нем содержится персонифицированное описание познаваемого конкретного объекта.

¹ Максимов С.И. Правовая реальность и опыт философского осмысления. Харьков. 2002. С. 143-161, 175-190.

Далее Р.М. Нигматдинов продолжая свою мысль, указывает на более субъективный характер представления в сравнении с научным понятием. Также исследователь утверждает, что в ряде случаев представления выступают лишь начальной стадией исследования определенного правового явления, на которой полученное знание еще лишено глубинного смысла и не отражает всей совокупности искомым существенных признаков объекта познания. В результате своих рассуждений автор приходит к выводу о том, что в научных исследованиях их присутствие должно быть сведено к минимуму, отдавая предпочтение более объективным и устойчивым формам отражения правовой действительности – понятиям и категориям¹. На наш взгляд, рассматриваемая позиция Р.М. Нигматдинова выглядит несколько противоречиво. С позиции исследователя, некие представления о понятиях есть, с одной стороны, более детальное и персонифицированное описание правового явления в теории, а, с другой, неполное, поверхностное отражение изучаемого объекта, не содержащее его сущностных признаков. Думается, что отдельное выделение наряду с самой категорией еще и представления о ней лишь запутывает существо дела и ничего нового не вносит в понимании понятийного аппарата правоведения.

Итак, что же представляют собой научные категории как формы теоретического мышления? Однако ни в философской, ни в специально-юридической литературе не обнаруживается четкого и общепризнанного ответа на данный вопрос. Так, философы заявляют: «Не существует общепринятого определения понятия»².

Широкое хождение имеет следующая дефиниция: «Понятие - это форма мышления, отражающая предметы и явления в их существенных признаках». Недостатком подобного определения служит самый общий его

¹ См.: *Нигматдинов Р.М. Проблема правовых понятий и оценочных категорий в гражданском процессуальном праве. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / Нигматдинов Р.М. Саратов, 2004. С. 25-26. (176 с.).*

² *Диалектика научного познания. М., 1978. С.354.*

характер, не позволяющий найти ответы на целый ряд вопросов: чем оно отличается от других форм мышления; каковы способы его образования и развития; каково его содержание и форма языкового выражения; как отграничить существенные признаки от несущественных при первоначальном формировании понятий и т.д.

Отмеченное определение мало пригодно для установления социальной ценности научных категорий и определения механизма утраты ими таковой, а также не показывает нам сложную внутреннюю структуру понятие и его включенность в целую понятийную систему¹.

Можно привести еще целый ряд абстрактных и излишне общих дефиниций научного понятия. В их числе: «Понятие - это мысль или система мыслей, обобщающая, выделяющая предметы или явления некоторого класса по определенным и в совокупности специфическим для них признакам» или «Понятие есть мысль, отражающая и фиксирующая существенные признаки вещей и явлений объективной действительности».

В качестве неудачных примеров чисто логического объяснения сущности и природы понятия, включая и его особую разновидность категории выступают: «Понятие - это суждение, предикатом которого является мысль о всеобщем в явлении» или «Результаты, в которых обобщаются данные его опыта, суть понятия». Еще менее пригодно для понимания научного понятия определение с указанием на мозговую деятельность: «Понятие - высший продукт мозга, высшего продукта материи». Поверхностным следует признать и такую дефиницию, как: «Теория - это всесторонне развитое и конкретизированное понятие, а понятие - абстрактное начало и способ построения теории»². При этом разнообразие определений не только не добавляет ясности в установлении вопроса о природе и ценности научного понятия, но и, напротив, весьма усложняет выстраивание его полноценного теоретического описания.

¹ Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления. М., 1989. С.87.

² Диалектика научного познания. М., 1978. С. 87.

Логическая универсальность понятия заключается в том, что с него начинается всякое логическое мышление. Каждое понятие отражает какое-то отношение, явление, какую-то связь закономерность, обобщая наши представления, взгляды, убеждения, оценки, что и определяет семантическую ценность понятия как формы мышления¹.

Правовые понятия являются центральной составной частью юридического языка, объединяющим все элементы его структуры и стилистические срезы в единое целое. Категории же, в свою очередь, есть ядро всей системы научных понятий, что вдвое повышает их синтезирующую ценность как в отношении правовой теории, так и юридической практики. В значительном числе случаев достаточно трудно разграничить понятия категории самой юридической науки от категорий системы законодательства и юридической практики. Большинство категорий имеют свое хождение одновременно и в научной юридической литературе, и на практике. Это обусловлено тем, что в ходе научной и практической деятельности работникам приходится сталкиваться с одними и теми же явлениями правовой жизни, которые получают отражение в соответствующих понятиях.

Категории законодательства традиционно рассматриваются в качестве семантических ядер, обеспечивающих функционирование как нормативных, так и правореализационных предписаний². Наряду с этим подчеркивается, что категории законодательства и юридической практики выступают наиболее абстрактной составляющей правового веления, в них концентрирована в обобщенном виде отражается правовая реальность³.

¹ См.: Юридическая техника: учебное пособие по подготовке законопроектов и иных нормативно-правовых актов органами исполнительной власти / Под ред. Т.Я. Хабриевой, Н.А. Власенко. М.: Эксмо, 2009. С.87.

² Чернобель Г.Т. Формализация норм права // Советское государство и право. 1979. №4. С.34.

³ См.: Кашанина Т.В. Правовые понятия как средство выражения содержания права // Советское государство и право. 1981. №1. С. 38.

Таким образом, между категориями юридической науки и категориями законодательства нет жесткого разделения, граница может иметь между ними лишь весьма условный характер. Нами уже ранее отмечалась диалектическая связь между ними и взаимное влияние в ходе их развития и функционирования.

Все юридические понятия независимо от их выражения в научных трудах или в законодательстве взаимосвязаны между собой. Зависимость категорий друг с другом может носить либо родовидовой, либо системно-функциональный характер. При родовидовом характере построения категорий последующее понятие включает в себя характеристику предыдущего¹.

В зависимости от места и роли в юридической науке и практике – правовые понятия, Н.И. Панов подразделяет на две группы, условно обозначая их «доктринальными» и «легальными». При этом под первыми он предлагает понимать юридические понятия, которые представляют собой результат познавательной деятельности, предназначены для целей непосредственного теоретико-правового исследования и составляют часть той или иной концепции юридической науки. Они выступают формой научного мышления, отражают ту или иную теоретически значимую информацию о правовых явлениях. Легальные же понятия находят свое непосредственное выражение в тексте нормативных правовых актов или иных юридических документах, составляя тем самым часть содержания нормативных, правоприменительных или правоинтерпретационных актов².

Т.Я. Хабриева классифицирует научные понятия по семантической значимости на: абстрактные и конкретные, единичные, собирательные и общие, абсолютные и относительные; по сфере употребления – на быденные понятия и правовые, подразделяя последние на родовые и видовые. При этом, на наш взгляд, родовые понятия следовало бы именовать

¹ См.: Головина С.Ю. Указ. соч. С.74.

² См.: Панов Н.И. Указ.соч. С. 24.

правовыми категориями, так как определяются ею как наиболее общие, определяющие то или иное явление одного рода от других родов и существенные признаки видовых понятий, то есть особые связи между понятиями. Кроме того, она выделяет также правовые понятия ключевого значения – общие понятия, при этом не совсем понятно, как последние соотносятся с родовыми понятиями. Логично было бы предположить, что общие понятия и являются родовыми понятиями по своей природе. Ценность общих родовых понятий заключается в том, что они позволяют охватить бесчисленное множество жизненных реалий, имеют обобщающее значение. При этом самыми общими понятиями она называет понятия общеправового характера по сравнению с понятиями отраслевыми и межотраслевыми¹.

Сущностные обобщения научного познания в форме понятий – это обобщение высшей теоретической деятельности, семиотически репрезентирующие не только определенные знания о настоящем, определенную оценочную мысль, но и, что так важно с практической точки зрения, возможность предвидения тех или иных событий, процессов, явлений. Как справедливо отмечает Т.Я Хабриева, понятие как главный интегральный фактор в познании оттачивает и уточняет результаты научного мышления, способствует их правильному, оптимальному осмыслению, пониманию, разумной системной классификации, их эффективному использованию при построении тех или иных теоретических конструкций, моделей, поведенческих нормативов².

В целях более полного определения сущности и природы правовых категорий следует рассмотреть чуть более детально вопрос о их соотношении с терминами. Так, термины многие ученые также включают в понятийный

¹ См.: Юридическая техника: учебное пособие по подготовке законопроектов и иных нормативно-правовых актов органами исполнительной власти / Под ред. Т.Я. Хабриевой, Н.А. Власенко. М.: Эксмо, 2009. С.87-94.

² См.: Там же. С.88.

аппарат теории права. Можно задаться вопросом насколько этот шаг является правомерным.

Под термином понимается слово или словосочетание, которое функционально призвано обозначать понятие или категорию для словесного его отграничения от других понятий в рамках определенной теории или группы таких теорий.

Фактически термин есть имя понятия или категории. Однако возможны ситуации, при которых выбранное слово или словосочетание имеет определенную самостоятельную смысловую нагрузку, что вызывает противоречие со смыслом, закладываемым в обозначаемом им научном или юрико-прикладном понятии. Следует согласиться с тем, что в подобных случаях приоритет необходимо отдавать научной или законодательной дефиниции понятия, а не изначальной смысловой нагрузке термина. Иногда в целях профилактики указанных ситуаций отдельные авторы в качестве терминов для вновь вводимых понятий выбирают термины, имеющие иноязычное происхождение и дают им определения¹.

Термин - это такое слово, относительно которого можно с полной ясностью сказать, какое понятие им обозначается. Иначе говоря, термину можно дать определение. Пока термин не определен, он остается словом с более или менее ясным понятийным содержанием. Словарь науки непрерывно обогащается новыми терминами, которые представляют большие трудности и лексикографам, и ученым-практикам, так как здесь часто встречается дублетность, когда несколько терминов обозначают одно понятие, и та непроясненность, спутанность понятийного содержания, о которой писал Гегель. Поэтому вновь возникшие термины нуждаются в логической переработке, средством которой и являются операции определения. Последовательное формирование категориально-понятийного аппарата юридической науки предполагает составление словаря науки,

¹ См.: *Егоров С.Н.* Аксиоматические основы теории права. С. 5.

четкое выделение еще неопределенных терминов, уточнение смысла отдельных дискуссионных или неясных, устранение дублирования в терминологическом наименовании понятий и категорий.

По авторитетному мнению А.С. Пиголкина, термин представляет собой слово или словосочетание, употребляемое в законодательстве в целях обобщенного наименования правового понятия, которому придается точный и формально определенный смысл, отличающийся функциональной устойчивостью¹.

Однако стоит отметить, что данное определение имеет усеченное значение, так как им охватываются не все юридические понятия, а лишь нормативно-правовые термины. Аналогичную позицию можно найти и в дефиниции правового термина, представленной Т.Я. Хабриевой, которая определила его следующим образом: слово (или определенное сочетание слов), унифицировано используемое в сфере правовых отношений, которое обозначает правовое понятие и отличается заданной моносемичностью, функциональной устойчивостью. Она специально подчеркивает, что главной функциональной чертой правовых терминов является то, что они отражают официальную волю законодателя, оказывая тем самым определенное нормативное значение на субъектов правовых отношений².

Д.И. Милославская выделяет ряд общих признаков, присущих всем юридическим терминам. В их числе автор называет точное соответствие выбранного слова и отображаемого им реального объекта правовой действительности, четко определенную сферу его применения, однозначность и независимость от контекста. Именно данные свойства, по

¹ Цит. по: *Давыдова М.Л.* Юридическая техника: проблемы теории и методологии: монография. Волгоград. 2009.С. 140.

² См.: *Юридическая техника: учебное пособие по подготовке законопроектов и иных нормативно-правовых актов органами исполнительной власти / Под ред. Т.Я. Хабриевой, Н.А. Власенко.* М.: Эксмо, 2009. С.97.

мнению Д.И. Милославской, позволяют термину выполнять функцию обозначения специального понятия или категории в юридическом тексте¹.

Юридические термины становятся предметом изучения юридической лингвистики, кроме того их осмыслением и выявлением их роли занимаются исследователи в рамках познания отдельных аспектов юридической техники.

Так же, как и понятия, юридические термины подвергаются классификации. Наиболее удачной с точки зрения теории права представляется классификация, данная М.Л. Давыдовой. Она классифицирует юридические термины по различным основаниям:

1) По **сфере применения** подразделяет юридические термины на нормативно-правовые и научные юридические термины (эта классификация аналогична классификации понятий Пановым Н.Н., приведенной нами ранее). При этом она отмечает, что в рамках этой классификации иногда указывают на: термины судебных решений, термины интерпретационных актов и термины договоров;

2) По **стилю изложения** юридические термины подразделяет на официальные, научные и обыденные (это скорее лингвистическая классификация, чем правовая);

3) По **степени распространенности** терминов выделяют общеупотребительные и специальные термины (специально-юридические и узкопрофессиональные);

4) По **источнику возникновения** – русскоязычные и иностранные (заимствованные);

5) Достаточно условным она признает классификацию терминологии по степени ее конкретности на однозначную и требующую толкования¹.

¹ Милославская Д.И. Типовые трудности семантической интерпретации юридического текста // Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул: Изд-во АГУ, 2000. 272 с. С. 108.

Рассмотрев наиболее существенные признаки правовых понятий и юридических (правовых) терминов, теперь необходимо выяснить, как они соотносятся с правовыми категориями в процессе отражения правовой действительности.

Вопросу сущности правовых категорий был посвящен первый параграф данной работы, поэтому, не повторяя всего вышеизложенного, перейдем непосредственно к соотношению правовых категорий и понятий.

Следует отметить их особую роль в отражении правовой действительности. Так, А. М. Васильев отмечает, что юридические категории призваны формировать качественную определенность и своеобразие правового мышления и правовой доктрины в целом. Категории, по мнению авторитетного ученого, заслуживают отдельного самостоятельного исследования в целях выяснения вопросов о том, как и в какой мере наличествующий в правоведении и законодательстве набор и структурные связи категорий полно и адекватно отражают реальные связи и свойства юридических феноменов, закономерности, обнаруженные в праве и правовой действительности.

При этом стоит согласиться с мнением А.С. Автономова относительно соотношения правовых категорий и понятий. Категории не сводимы к понятиям. И те, и другие служат инструментами познания, но функции их различны². В понятии раскрывается некоторое содержание, дающее знание не только о внешних особенностях объекта, но и о внутренних закономерностях его существования. Категория же, будучи нацеленной на организацию процесса познания, на выделение одного из узловых моментов этого процесса, выявляет законы существования обширной области действительности через раскрытие сущности объекта в его движении и, что

¹ См.: *Давыдова М.Л.* Юридическая техника: проблемы теории и методологии: монография. Волгоград. 2009. С.142-147.

² См.: *Автономов А.С.* Правовая онтология политики. К построению системы категорий. М.: Инфограф, 1999. С. 24 – 25.

обязательно, во взаимодействии с другими явлениями, составляющими некую целостность. Поэтому понятие - самодостаточно, хотя и может рассматриваться как элемент системы понятий, но не в этом проявляется ее сущность. Категория же всегда является частью системы категорий, и даже в каждой взятой отдельно от системы категории запечатлены свойства соответствующей системы.

Один и тот же термин может выступать и в роли категории, и в роли понятия. Причем понятие со временем может превратиться в категорию, но в этом случае существенно меняются его функции как инструмента познания, а также роль и место среди других инструментов познания. В то же время необходимо помнить, что в основе каждого понятия находится группа взаимосвязанных категорий, а содержательная интерпретация понятия означает выявление его категориальной структуры. Взаимоотношения между категорией и понятием носят диалектический характер. Особенностью правовых категорий выступает то их качество, что они в отличие от иных юридических понятий составляют фундаментальную, базовую и наиболее консервативную часть законодательства или юридической науки.

Именно юридические категории обеспечивают должную устойчивость понятийного аппарата юриспруденции, содействуют его целостности, осуществляют синтез правового знания, составляют основу науки теории государства и права как фундаментальной правовой науки.

При этом можно отметить чуть большую стабильность категориального аппарата юридической науки в сравнении с категориями законодательства, которое в последние годы отличается большим динамизмом и склонностью к постоянному изменению своего содержания.

На основании изложенного, мы можем сделать следующие **выводы** о том, что если рассматривать процесс отражения правовой действительности, то условно его можно представить в виде схемы: явление правовой действительности – правовая категория – юридический термин. Правовую категорию мы можем кратко охарактеризовать как сущностное обобщение

явления правовой действительности. Правая категория, выступает в этой цепочке центральным звеном, от правильного уяснения логико-семантического значения явления правовой действительности, выявления его основных свойств зависит их объективная отраженность в правовом понятии. Юридический термин вторичен по отношению к явлениям правовой действительности, он соотносится с правовой категорией как форма и содержание, и представляет собой слово или словосочетание, унифицируемо используемое для обозначения и юридикации правовых категорий, непосредственно отражающих отдельные явления правовой действительности, обладающее следующими признаками: четко определенная сфера их применения, наиболее точное соответствие слова и отображаемого им объекта действительности, независимость от контекста и однозначность.

В системной иерархии понятийного аппарата правовые категории, вобрав в себя все сущностные особенности правового понятия, и кроме того, несущие особую методологическую нагрузку, занимают главенствующее место в опосредовании явлений правовой действительности, что обуславливается особыми свойствами правовых категорий.

§ 1.3. Научные правовые категории как составляющие метода науки теории государства и права

Рассматривая правовые категории с точки зрения методологического подхода, необходимо, прежде всего, рассмотреть соотношение понятий метода и методологии теории права. Важнейшей задачей любой научной теории является сведение в единую систему всех знаний о познаваемом объекте, их интегрирование в единое целое. Выбор методов научного исследования предопределяется объектом и предметом науки. В рамках государственного-правового исследования объектом выступает правовая действительность, государственно-правовые явления которые находят свое отражение в правовых категориях.

Проблема метода и методологии познания обсуждалась еще в античной философии, которая впервые обратила внимание на взаимосвязь результата и метода познания. Считается, что именно древние греки ввели в научный оборот понятие метода («методос»). Тем самым они хотели подчеркнуть особое значение способа исследования окружающего мира, космоса. Древние греки рассматривали метод в качестве некоего подхода к изучаемым объектам, определенный поступательный путь в познании и установлении истины.

Систематическое развитие методов исследования и их изучения начинается лишь в Новое время. Так, Френсис Бэкон сравнивал метод познания с фонарем. Философ утверждал, что даже хромой, идущий с фонарем по дороге, опередит любого бегущего без дороги. С тех самых пор научно-теоретическое познание освоило не одним десяток методов. При этом отдельно взятый ученый в ходе исследования применяет, как правило, сразу определённый комплекс методов.

Метод научного познания должен отвечать ряду критериев с целью полного и объективного отражения законов бытия, учитывая одновременно специфику предмета изучения¹.

Необходимость рассмотрения этого вопроса определяется рядом обстоятельств. Одним из которых выступает тот факт, что метод выступает одним из элементов содержания предмета и самой науки теории права, а также опирается или вбирает в себя ряд исходных категорий. Однако данное положение трактуется далеко не столь однозначно в юридической литературе.

Еще А.А. Пионтковский в 1946 году писал: «Теоретическое исследование действующего права определяется практической потребностью. Изучение действующего права является необходимой предпосылкой для правильного применения норм права на практике. Уяснение методологии изучения нашего действующего права при наличии обширного и разветвленного социалистического законодательства выступает поэтому как важная проблема теории социалистического права. Методологические вопросы действующего права имеют непосредственное практическое значение, ибо методология изучения действующего права одновременно является и методологией практического применения норм действующего права»².

Несколько схожую позицию высказал в 1987 году В.И. Леушин, доведя его до уровня некоей аксиоматической установки в правоведении: «Любое научное исследование опирается на практику, рассматривает ее в качестве одного из оснований выдвигаемых выводов, нацелено непосредственно, или в конечном счете, на нужды практики. Во всяком случае, так должно быть»³.

¹ См.: Правовая политика как научная теория в историко-правовых исследованиях / Под ред. докт. юрид. наук, проф. О.Ю. Рыбакова. М.: Статут, 2011. С. 25-26.

² Цит. по: *Тарасов Н.Н.* Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург. 2001. С.178.

³ *Леушин В.И.* Юридическая практика в системе социалистических общественных отношений. Красноярск, 1987. С. 118.

Еще Гегель писал: «Метод есть не высшая форма, а душа и понятие содержания; одной из причин системного кризиса, переживаемого нашей страной, является методологический кризис»¹. «Смею вас заверить, - пишет Ю.П. Сеницын, - что экономическому и политическому кризису в нашей стране предшествовал кризис методологический. Более того, именно он их породил»².

Д.А. Керимов справедливо обращал внимание на «недостаточное внимание, уделяемое теорией правоведения специфике движения своего познания, формам и средствам познания права»³.

В своих работах А.М. Васильев следующим образом объяснял методологический кризис в отечественном правоведении. Ученый указывал, что «с конца 30-х годов и до середины 50-х годов творческое внимание к науковедческой оценке теории права, к анализу ее методологии и понятийного аппарата значительно ослабело... Лишь в 50-х годах возрождается творческий интерес к методологии правовой науки». Однако она развивается в те годы исключительно в русле марксизма, и в настоящее время методология права несет в себе его отпечаток.

Состояние методологии правовой науки зависит, как известно, в значительной мере от уровня ее развития на базе общей теории государства и права, которая, в отличие от иных отраслей юриспруденции, рассматривает государство и право не под углом зрения их отдельных сторон, элементов и проявлений, а в наиболее общем виде, в качестве единых и целых систем⁴.

В целом можно отметить, что и современная отечественная теория государства и права во многом опирается в качестве мировоззренческой

¹ Цит. по: *Гальперин Г.В., Королев А.И.* Методические и теоретические вопросы науки истории государства и права СССР. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. 103 с.

² *Сеницын Ю.П.* Муха на стекле // «Правда». 1993.14 апреля.

³ См.: *Керимов Д.А.* Философские проблемы права. М.: Мысль, 1972. 472 с. С.33.

⁴ См.: *Байтин М.И.* О методологическом значении и предмете общей теории государства и права // Государство и право.2007. №4. С.5.

основы на исторический материализм¹. По сей день трактовка основных правовых категорий опирается на соответствующий категориальный аппарат исторического материализма, который в свое время представил весьма целостную картину социальной жизни в отличие от многих иных философских воззрений².

В последние десятилетия на страницах юридической литературы появилась масса критиков и их критических замечаний в отношении марксизма. При этом даже сторонники рассматриваемого учения периодически указывают на его устаревание и не соответствие современным реалиям. Если последние предлагают те или иные варианты ревизионизма³, то противники ратуют за использование альтернативной методологии и пересмотр основных категорий правоведения⁴. В настоящий момент сложилась ситуация так называемого методологического «плюрализма» или постнеклассической рациональности, которая является вполне допустимой, но все же она не отменяет действующего требования о научной обоснованности выбора того или иного метода исследования⁵.

Смена методологических предпочтений в методологии юридической науки влечет за собой достаточно кардинальный пересмотр ее

¹ См.: *Байтин М.И.* Предмет и метод теории государства и права // Вопросы общей теории государства и права. Саратов, 2006. С. 17-18.

² См.: *Правовая политика как научная теория в историко-правовых исследованиях* / Под ред. докт. юрид. наук, проф. О.Ю. Рыбакова. М.: Статут, 2011. С. 25-26.

³ См., например: «Имеется настоятельная потребность в объективной оценке действительных недостатков и достоинств материалистической теории права, сформулированных основоположниками марксизма. Вполне понятно, что их работы в той или иной части устарели, не соответствуют современным политико-правовым реалиям. Но К. Маркс и Ф. Энгельс никогда не претендовали «на истину в последней инстанции», прекрасно осознавали исторически преходящий характер их теоретических положений и оценок социальной практики XIX в.» (*Сырых В.М.* Материалистическая диалектика как метод познания права и современность // *Современные методы исследования в правоведении.* Саратов, 2007. С. 162).

⁴ См., например: *Честнов И. Л.* Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности. СПб., 2000.

⁵ *Правовая политика как научная теория в историко-правовых исследованиях* / под ред. докт. юрид. наук, проф. О.Ю. Рыбакова. – М.: Статут, 2011. С. 25-26.

категориального аппарата и вызывает как следствие обесценивание целого ряда категорий.

Не углубляясь в существо проблемы смены методологии научного познания, поясним, что в любом случае замена марксистского учения должна быть в методологии равнозначной в той части, чтобы обеспечить адекватность описания правового бытия. В подтверждение этого приведем слова В.Н. Синюкова и Т.В. Синюковой о том, что «принципы и методы познания права основываются, в свою очередь, на онтологических аксиомах о специфике социальной реальности»¹.

Ряд авторов в качестве альтернативной замены марксизму выдвигают философию постмодерна и в первую очередь герменевтику, другие же вовсе предлагают целый набор современных направлений в философии от постструктурализма до феноменологии в качестве новой мировоззренческой базы отечественной юриспруденции². Третьи и вовсе призывают отказаться от теории государства и права и разрабатываемых ее категорий, ссылаясь на утрату ими какой-либо ценности³.

Исходя из всего вышеизложенного, в плане методов познания, отечественная юриспруденция находится в настоящий момент в принципиально отличающейся от советского периода развития ситуации. Современная методология правопознания приобрела весьма запутанной и многослойный характер, опираясь зачастую на взаимоисключающие друг друга мировоззренческие установки – то марксистской диалектики, то герменевтического «проникновения внутрь» изучаемого объекта.

В.М. Сырых наиболее обстоятельно проанализировал различные точки зрения авторов по вопросу состава отечественной методологии юридической

¹ Синюков В.Н., Синюкова Т.В. К обновлению методологии юридической науки // Современные методы исследования в правопознании. Саратов, 2007. С. 28.

² См.: Честнов И.Л. Общество и юриспруденция на исходе второго тысячелетия : Монография. СПб.: Общество «Знание», СПБИНВЭСЭП, 1999; Он же. Право как диалог к формированию новой онтологии правовой реальности. СПб., 2000.

³ Козлихин, И.Ю. О нетрадиционных подходах к праву // Правоведение. 2006. № 1. С. 31 – 40.

науки и пришел к выводу о существовании трех основных позиций в этой сфере:

- «компромиссная», представители которой, с одной стороны, признают необходимость пересмотра ряда положений марксистской трактовки сущности права, а, с другой, - полагают все же многие его положения, сохраняющими свое значение даже в современных условиях;

- «реформаторская», ориентированная на пересмотр и замену мировоззренческой основы правоведения на немарксистскую философию;

- «радикальная», включающая в себя точки зрения правоведов, оценивающих учение марксистов в качестве изначально несостоятельного и предлагающих не просто заменить методологию дальнейших государственно-правовых исследований, а кардинальным образом пересмотреть всю общую теорию права, заменив ее на совершенно новую¹.

В результате подобных подходов в настоящий момент предпринимаются многочисленные попытки по выведению из состава понятийного аппарата отечественной юридической науки целого ряда категорий, якобы утративших свою ценность, и во введении новых, образуемых на основе так называемой философии «постмодерна». Можно констатировать наличие тесной связи между содержанием методологии науки и процессом трансформации ее категориального аппарата, включая такие его формы, как обесценивание категорий и их исключение из состава научных теорий.

Однако наряду с данной есть и еще одна сторона связи между категориями и методами юридической науки. Широко распространенной является позиция, высказанная в юридической литературе, о том, что правовые категории являются неотъемлемыми составляющими метода теории права.

¹ См.: *Сырых В.М.* Логические основания общей теории права. В двух томах. Т.1: Элементный состав. М., 2000. С.18 - 20.

В самом общем виде под методом науки следует понимать единую совокупность или комплекс приемов, правил и средств, с помощью которых исследователь познает тот или иной предмет, интересующий его с теоретических позиций. Метод для науки имеет особое значение. В этой связи можно привести высказывание английского историка и социолога Г. Бокля: «Во всех высших отраслях знания самую большую трудность представляет не открытие фактов, а открытие верного метода, согласно которому законы и факты могут быть установлены.

Метод научного познания составляет относительно самостоятельный элемент общей теории права или любой иной юридической науки. По своему содержанию он являет собой набор способов познания предмета данной науки, ориентирующих, как следует поступить исследователю в ходе разрешения той или иной познавательной задачи.

Само понятие метода не однозначно определяется в трудах ученых-правоведов, что дополнительно осложняет проблему понимания категории как составной части методологии правоведения.

Среди различных взглядов на метод юридической науки выделим наиболее широко распространенные:

- под методом понимается способ или их совокупность, позволяющая надлежащим образом раскрыть предмет изучения;

- метод науки фактически отождествляется с ее методологией и определяется как процесс применения, обусловленный философским мировоззрением, совокупности приемов и методов исследования государственно-правовых феноменов¹;

¹ См.: Общая теория права и государства. Учебник / Афанасьев В.С., Братко А.Г., Герасимов А.П., Гойман В.И., и др.; Под ред.: Лазарев В.В. - М.: Юрист, 1994. С. 20 – 21. - 360 с.

- метод объявляется несводимым к некоему единичному числу, а всегда есть некоторое множество, а учение о методах научного познания представляет собой именно методология юриспруденции¹;

- под методологией правоведения понимаются не только правила и приемы научного познания, но и соответствующие средства практической деятельности - предлагается рассматривать ее в виде относительно самостоятельной науки о методах и способах познания права и его использования в практической деятельности²;

- метода познания права раскрывается в виде специфического мыслительного процесса, реализуемого в научной форме и направленного на предмет (объект) исследования в целях отыскания нового юридического знания, присоединения этих знаний к уже накопленным, их обоснования и ясного изложения в научных и учебных трудах³.

Однако в рассмотренных позициях не затрагивается интересующий нас вопрос о возможности трактовки правовых категорий в качестве составной части метода правового исследования. Необходимо определиться с решением проблемы о наличии либо отсутствия у научных правовых категорий методологической ценности.

Нам представляется бесспорность наличия способности у категорий юридической науки принимать определенное участие в проведении научных исследованиях, быть одним из важнейших средств по получению нового научного знания о тех или иных правовых феноменах. Можно утверждать, что при достижении определенного качественного состояния категория будучи составной частью теории может перерасти в метод в рамках

¹ Теория государства и права. Учебник для юридических вузов и факультетов. Под ред. В. М. Корельского и В.Д. Перевалова. М.: Издательская группа ИНФРА • М — НОРМА, 1997. С. 32.

² Шабалин В.А. Методологические вопросы правоведения. Саратов, 1972. С. 21.

³ См.: Бельский К.С., Зайцева Л.А. Методология и метод познания в праве (общетеоретические аспекты) // Юридическое образование и наука. 2010. № 3. С. 39.

юридической науки. Подобная позиция была озвучена в юридической литературе еще в 70-е годы.

В свое время А.М. Васильев, рассматривая вопрос о методологических возможностях категориального аппарата юриспруденции, отмечал, что в теории права «мнения о роли юридических понятий и категорий в системе правовых знаний весьма противоречивы. Наиболее рельефно этот вопрос поставлен при оценке их методологического значения».

С.С. Алексеев провел обобщение точек зрения по данной проблеме и выделил три основные позиции¹:

- отрицание за правовыми категориями методологической ценности;
- относительное признание методологического значения у категорий правоведения;
- безоговорочное придание категориям юриспруденции методологического статуса.

А.М. Васильев, признавая наличие указанных позиций, считал, что первая позиция преодолена и было бы вернее указывать лишь последние две². В настоящее время, на наш взгляд, можно предположить, что имеет право на существование лишь третья из указанных позиций, поскольку большинство исследователей признают самостоятельное методологическое значение правовых категорий и понятий, однако в рамках этой позиции рассматривают это значение либо как самостоятельного метода теории права, либо ограничиваются указанием их ограниченного методологического значения.

В.О. Тененбаум полагал, что теория и метод фактически есть тождественные понятия и что задачи методологии правоведения должны быть сведены к тому, чтобы «выделять основные моменты теоретической

¹ Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Курс лекций: Учебное пособие: В 4-х вып. Свердловск, 1963—1966. Вып. 4: Применение права; Наука права 1966. 203 с. С.135-136.

² Васильев А.М. Указ. соч. С. 61.

последовательности в изучении государства, охарактеризовать функции различных понятий в этой теоретической последовательности»¹.

В свое время А.А. Ушаков высказывал аналогичный тезис, созвучный идеям В.О. Тененбаума. Первый полагал, что теория советского законодательства есть общая часть юридической науки, которая выступает «в качестве метода, если советский законодатель сознательно опирается на него в процессе создания законов»².

Ряд других авторов, включая П.Е. Недбайло, В.А. Шабалина, В.К. Бабаева, признавали категории правоведения в качестве его особого метода наряду с диалектикой, общими и частными методами, применяемыми в ходе познания государственно-правовой действительности. Подобное утверждение обосновывали тем, что категории, равно как и правовая теория в целом, будучи формами отражения правовой реальности в мышлении, выступают одновременно в дальнейшем в качестве средств к получению нового правового знания. Однако сторонники данной позиции разошлись во мнении о том, какие же свойства придают категориям характер методологических инструментов познания.

В.А. Шабалин считал, что методологические функции присущи тем категориям юриспруденции, которые выражают классово-политическую сущность права и иных правовых явлений, одновременно указывая путь к получению нового знания о них. По мнению автора, такие общие понятия типа «норма права», «правоотношение», «правоспособность», «Юридическая ответственность» и т.п., «схватывающие внешние признаки, свойства в исторически преходящих по своему внутреннему социально-политическому смыслу правовых явлениях... в методологическом отношении недостаточны»³.

¹ Тененбаум В.О. Введение в общую теорию государства. Саратов, 1976. С. 67.

² Ушаков А.А. Методология советского правотворчества // Советское государство и право. 1979. № 12. С. 29–37. С. 30.

³ См.: Шабалин В.А. Методологические вопросы правоведения. Саратов, 1972. С. 29.

Схожую позицию занимал и В.К. Бабаев, полагавший, что методологической ценностью обладают лишь те категории теории государства и права, а также отраслевых правовых наук, которые имеют самый высокий уровень абстрагирования. При этом понятия «свидетель», «истец», «председательствующий», «ответчик» и иные методологической нагрузки не несут, а имеют исключительно практическое значение¹.

С точки зрения высказанной П.Е. Недбайло, такие категории юриспруденции как государство, право, орган государства, правопорядок, законность, договор и другие имеют важное методологическое значение, обладают значимой ценностью в плане продолжения дальнейшего исследования государственно-правовой действительности. Именитый ученый считал, что данного рода категории приобретают значение метода в силу того, что они в последующих научных исследованиях используются как средства получения новых знаний².

Думается, что в целом выше обозначенная позиция достаточно верно отражает и обосновывает наличие методологической ценности у категорий правоведения, что отличает их от иных «рядовых» понятий юриспруденции.

Однако аргументы, с помощью которых В.К. Бабаев, П.Е. Недбайло, В.А. Шабалин и ряд других ученых установили рамки по ограничению круга категорий, обладающих методологической ценностью, следует признать проблематичными. Думается, что методологическими возможностями по приращению нового знания о правовой реальности обладают все без исключения категории юридической науки, которые имеют общий характер, поскольку они все выступают отправными точками в познании, являются базой в понимании ключевых вопросов правоведения.

¹ См.: *Бабаев В.К.* Советское право как логическая система. М., 1978. С. 129. 212 с.

² *Недбайло П.Е.* Методологические проблемы советской юридической науки // Методологические проблемы советской юридической науки. Ред. колл. Бабий Б.М. и др. Киев, 1965. С. 14.

По данному вопросу А.М. Васильев высказал свою четкую и обоснованную позицию, согласно которой все правовые категории, сформулированные юридической наукой, подлежат включению в ее метод «благодаря тому, что в них подытожены содержательные, предметные знания о правовых явлениях, выступают ступеньками познания, опорными пунктами, через которые правовая наука движется к новым результатам в познании»¹.

Особо следует подчеркнуть тот факт, что методологическая ценность категорий правовой науки раскрывается лишь в тех исследованиях, в которых присутствует творческое и умелое их применение, что и приводит к новым юридическим знаниям. В тех же случаях, когда исследователь ограничивается повторением известных в юриспруденции тезисов и положений, то вряд ли возможно вести речь о реализации категориями их методологического потенциала, но это вовсе не означает его отсутствия у них как такового.

Методологическая ценность категорий наиболее явно прослеживается в рамках таких исследовательских процедур, как описание, объяснение и предсказание. Связь категорий правоведения с методами реализуется в рамках описательной и предсказательной функций правовой теории.

Правовые категории широко применяются в процессе объяснения наблюдаемых фактов, выдвижения гипотез в ходе исследования и в процессе проведения других процедур, используемых в описании и последующей систематизации обнаруженных фактов. Особенно важно учитывать то обстоятельство, что процесс такого описания осуществляется посредством комплекса специфических принципов-требований, составляющих содержание научного метода описания. В философии аксиоматично утверждение о том, что описание есть не только процедура, но и метод познания, который обладает собственной логикой, и «было бы ошибкой

¹ См.: *Васильев А.М.* Указ. соч. С.101.

сводить структуру описания к формально-логической структуре тех или иных его средств»¹.

Методологическая ценность правовых научных категорий реализуется также в ходе научного прогнозирования, в рамках которого они предстают в качестве фундаментальных оснований предвидения и инструментов описания прогноза. В ходе предвидения категории используются в соответствии с рядом требований индуктивного или дедуктивного характера, а также с привлечением специальных методов прогнозирования или общенаучных подходов.

Однако В.М. Сырых занимает иную позицию по данному вопросу и обосновывает свою позицию, которая выражается в том, что, будучи применимыми в ходе описания, объяснения и предвидения, категории реализуют теоретическую функцию, а не методологическую и выступают в виде теоретических, а не методологических инструментов научного познания.

В.М. Сырых отмечает, что познание с привлечением категорий осуществляется все же в рамках уже наличествующего теоретического знания, что не следует, по его мнению, трактовать в качестве реализации методологической функции категорий, поскольку имеет место лишь процесс овладения уже существующими теоретическими знаниями, а не открытие нового юридического знания. Кроме того, как указывает ученый, правила и принципы применения категорий в ходе процедур описания, объяснения и прогнозирования не содержатся в самих категориях, а включены изначально в структуру соответствующих научных методов, посредством которых и осуществляются данные процедуры. И наконец, В.М. Сырых приводит аргумент в плане того, что принципы оперирования категориальным аппаратом не выводятся формально-логически из наличных теоретических знаний. Для этого требуется проведение специальных исследований, что

¹ Халин С.М. Описание как общий метод научного познания // Философско-методологические вопросы естественнонаучного и социального познания. М., 1980. С. 12.

представляет собой отдельное научное достижение. На наш взгляд, в позиции глубокоуважаемого ученого, все же вкрадывается определенное противоречие. Одновременно автор не опровергает участие категорий в процессе дальнейшего получения нового правового знания, но предлагает именовать эту способность не методологической, а теоретической ценностью, что нам все же видится не вполне точным.

Представляется более точным утверждение о том, что категории правовой науки непосредственно связаны с приемами и принципами толкования права, которые составляют содержание всеми признанного частнопроводного метода исследования – формально-юридического. И уже по этой причине отрицать методологическую ценность правовых категорий фактически нецелесообразно.

С учетом изложенного, считаем, что категориям правоведения присуща действительная методологическая функция ввиду их способности не только отражать сущностные стороны и общие закономерности возникновения, функционирования и развития правовых явлений, но и продуцировать в ходе творческого оперирования ими нового юридического знания. Посредством перевода закономерностей права в категории и правила познания осуществляется разработка и совершенствование научных методов правоведения, используемых в процессе дальнейшего научного познания¹.

Так, Панов Н.И. обоснованно указывает, что методологическая ценность категорий юридической науки заключена в том, что они выступают в качестве средств познания государственно-правовых явлений. Именно с их помощью правовая действительность получает свое моделирование в теории, а также такая модель претерпевает соответствующие изменения по ее углублению и уточнению опять-таки посредством обращения к научным категориям.

¹ Панов Н.И. Указ. соч. С. 22.

На основе представленного анализа, полагаем возможным сделать ряд следующих **ВЫВОДОВ**.

Методологическая роль правовых категорий и понятий в настоящее время хотя и не является полностью определенной, но все же признается подавляющим большинством исследователей, что является позитивным моментом для развития теории и методологии права, поскольку в первой половине прошлого века такого единогласия среди представителей советской юридической науки не наблюдалось. Определяя методологическую ценность правовых категорий, следует отметить два момента: 1) необходимость признания правовых категорий и понятий в качестве особого специфического метода теории права; 2) обязательность учета влияния смены методов познания, замены мировоззренческой основы правовых исследований на изменение категориального состава правоведения, исключения одних и введение других.

Глава 2. Формирование, функционирование и трансформация правовых категорий

§2.1. Основные принципы формирования и изменения правовых категорий

Правовые категории не являются некими застывшими мыслительными конструктами науки и практики, а представляют собой подвижные логические формы отражения правовой действительности, подверженные постоянной трансформации вслед за быстроменяющимися социально-экономической, политической и правовой сферами общественной жизни. Именно на основе каких принципов происходит формирование категорий теории права, нам и предстоит выяснить, проанализировав непосредственно сам этот процесс, его сущность, пути и условия формирования и изменения правовых категорий, его основные направления, варианты.

Прежде всего, необходимо отметить, что, несмотря на относительную устойчивость и консервативный характер правовых категорий, они подлежат периодическому пересмотру, подвержены утрате своего ценностного содержания или напротив его обогащению. Категориальный состав как теории права, так и законодательства не может быть неизменным, раз и навсегда данным. В него время от времени вводятся новые категории, исключаются устаревшие, изменяется содержание или терминологическое их наименование, часть из них приобретает статус методологических средств, другая же наоборот утрачивает и т.д. О процессах формирования и трансформации правовых категорий в юридической литературе, к сожалению, мало имеется информации. Лишь отдельные авторы упоминали или упоминают о процессах исключения, отпадения исчерпавших себя категорий из понятийного состава правовых категорий в процессе развития юридического знания¹.

¹ См.: *Васильев А.М.* Указ.соч. С. 138-140; *Панов Н.И.* Указ. Соч. С.18-21.

Формирование нового правового знания идет непрерывно и интенсивность такого процесса лишь возрастает, что особенно наглядно проявляет себя сейчас в период развития информационного общества. При этом стоит отметить и тенденции по более широкому научному поиску, ведущемуся на стыке ряда юридических наук, о возрастании роли и значения использования методов и новейших подходов в философии, социологии, психологии и иных гуманитарных науках, что в итоге приводит к появлению новых ракурсов в рассмотрении государственно-правовой действительности, способствует количественному и качественному росту юридического знания.

Непомерно возросший поток социально-правовой информации, интеграция и дифференциация наук, появление новых методов научного поиска оказывают существенное влияние на весь категориальный аппарат современного отечественного правоведения.

Следует согласиться с А.М. Васильевым, который предлагал вести речь о четырех основных формах трансформации категориального аппарата юридической науки: формирование новых категорий; уточнение, углубление и развитие уже существующих; выделение из понятийного круга теории права категорий, не соответствующих ее фундаментальному уровню; исключение и обесценивание категорий либо устаревших, либо исчерпавших свой познавательный и иной потенциал¹.

Изменения, сопровождающие категориальный строй юридической науки, представляют собой не просто акты отражения движения, этапов ее развития, а выступают сигнализаторами кардинальной смены теоретических представлений о праве и правовой действительности.

Необходимо отметить тот факт, что процесс формирования правовых категорий фактически не отличается от общих, универсальных процедур конструирования таковых в иных отраслях научного знания и практической деятельности. По своей сути он представляет собой перманентно присущий

¹ См.: *Васильев А.М.* Указ.соч. С.140.

юридической науке процесс формализации знаний в виде понятийных конструкций наивысшего уровня абстрагирования для данной отрасли науки¹. Рассмотрение вопросов формирования категорий представляется весьма важным для раскрытия в последующем проблем приобретения и утраты ими социальной ценности в различных аспектах.

Процесс формирования правовых категорий всегда сопряжен с процедурами мысленного абстрагирования, отвлечения от одних нетипичных, несущественных черт явлений и выделения других – наиболее важных, сущностных признаков познаваемых явлений². Кроме того, формирование категорий связано с установлением в теории наиболее общих закономерных связей, существующих между правовыми явлениями.

Образование новой категории в правоведении есть длительный процесс, начинающийся с первоначального простого формирования первичного представления о явлении, далее плавно перетекающий в установление родовидового ее определения, увязку с иными категориями данной науки и завершающийся системно-структурным развертыванием ее сложного содержания, превращением ее в целую теорию, а затем и в метод научного исследования. Подобные последовательные этапы в развитии категории науки порой занимают не одно десятилетие, а то и столетия. В данном случае имеет место применение многообразных методов при изучении социально-правовых явлений, основным, общим из которых выступает диалектический метод научного познания³.

В итоге формализации и рождения категории одна и та же мысль о наиболее существенных признаках познаваемого объекта должна быть всегда выражена посредством одних и тех же языковых элементов, т.е. комплекса взаимосвязанных слов (терминов) и словосочетаний, располагаемых в одном

¹ См. подробнее: *Алексеев Б.Т.* Философские проблемы формализации знания. Л., 1981. С. 147-164.

² См., например: *Бабаев В.К.* Советская право как логическая система. М., 1978. С. 28-42.

³ См.: *Панов Н. И.* Указ. соч. С.18-20; *Нырков В.В.* Указ. соч. С. 34-43.

и том же порядке в целях полного и однозначного отражения объекта познания¹.

А.М. Васильев выделял несколько путей образования новой категории в составе теории права, в частности в качестве таковых он признает:

- результат изменения и развития самого объекта познания (в качестве примера он приводит формирование общенародного права);

- эквивалент нового в содержании теоретических представлений о правовой действительности. Образование некоторых категорий порой увязано с обобщением как ряда ранее существовавших теоретических воззрений, так и выводов, образованных к данному моменту времени отраслевыми правовыми науками. Знания последних, сформированные в ходе анализа отдельных жизненных ситуаций, при которых поведение субъектов правоотношений отвечает требованиям государственно-правовых предписаний либо нарушает их, подверглись обобщению, были теоретически осмыслены и выражены в теории как единый процесс юридической регуляции (в качестве примера ученый приводил категорию «механизм правового регулирования», кроме того сюда же можно отнести, на наш взгляд и категорию «правовой статус личности» и ряд других)².

Расширение и углубление правового знания вызывает к жизни тенденцию по выравниванию логического уровня категорий, которыми оперирует теория государства и права, что проявляется, например, в «уплотнении» категорий за счет выведения из ее состава отдельных понятий, а также включения их в иные отрасли правовой науки, с иным уровнем обобщения и другими теоретическими задачами. При всей гибкости и подвижности юридических категорий сам по себе, вне объективных потребностей понятийный аппарат юриспруденции не может трансформироваться, в противном случае мы будем иметь негативные формы

¹ Лукаевич Я. Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики / Пер. с англ.; Под общ. ред. П. С. Попова. М., 1959. С. 53.

² См.: Васильев А.М. Указ. соч. С. 140-142.

изменений категориального состава в виде его деградации, субъективного перестраивания, произвольного и хаотичного деструктивного обесценивания.

Поскольку правовым категориям присущи все признаки правовых понятий, то справедливы будут следующие условия, при соблюдении которых новые правовые категории могут быть включены систему правовых категорий, сформулированные И.М. Зайцевым применительно к понятиям, а именно:

- на определенном этапе развития теории возникает очевидная необходимость их внедрения, вызванная объективными потребностями правового регулирования или теоретико-методологического исследования;

- их содержание точно, в полном объеме и объективно отражает соответствующие правовые явления;

- они согласуются и органически вписываются в уже сложившуюся понятийную сеть юридической науки, законодательства и юридической практики¹.

Стоит также указать и на ряд условий, обозначенных Р.М. Нигматдиновым в качестве необходимых при формировании новых правовых категорий:

1. наличествуют существенные изменения социально-экономического или политико-правового характера, которые не могут получить надлежащего отражения в рамках уже имеющихся категориальных конструкций и в свете таких новых изменений применение аналогии не в состоянии в полной мере устранить теоретический пробел без введения новой правовой категории;

2. появление новой правовой категории должны быть научно обосновано и этому обязательно предшествует тщательное изучение наличия

¹ См.: *Зайцев И.М.* О природе правовых понятий // Некоторые философские проблемы государства и права: Сб. статей. Выпуск 2. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1974. С.83.

теоретических и практических потребностей в данной категории теории права¹.

Последние положения очень важны при формировании и изменении категориального аппарата теории права, а именно определяющее значение играет связь теории с эмпирией, и в данном случае нельзя говорить о первичности одного по отношению к другому, поскольку, как мы уже убедились, необходимость формирования новых правовых категорий может быть вызвана как тем, так и другим в равной степени.

В частности, вызванные необходимостью развития теории права, на основе «абстракции — идеи»² формируются новые понятийные образования в виде правовых категорий, не имевшие ранее аналогов ни в юриспруденции, ни в правотворческой практике. Данный метод в свое время был использован в ходе определения и введения в категориальный состав таких понятий, как: состав правонарушения, состав преступления, юридическая фикция, презумпция и многих других. В итоге вводятся категории, обладающие предельным смысловым значением в юриспруденции, обеспечивающие целостность и фундаментальность правовой теории, системность законодательства и единство юридической практики.

Отмеченная логико-гносеологическая операция по формированию категорий выступает одной из наиболее распространенных в правоведении. Зачастую в таких науках, как конституционное, административное, уголовно-процессуальное и иных изначально разрабатываются в качестве теоретических идеальных объектов не имеющих аналогов в правовой действительности и лишь после их воплощения в теории и законодательстве, на их основе возникают соответствующие правовые явления³. При этом стоит отметить, что указанные правовые категории более статичны, нежели

¹ См.: Нигматдинов Р.М. Указ. соч. С. 37.

² Кондаков П. И. Логический словарь-справочник. М., 1976. С. 187.

³ Панов Н.И. Указ. соч. С.19.

категории опосредующие объективированные явления правовой действительности, поскольку не зависят от ее изменения, кроме того можно выделить их прикладной характер и особую методологическую роль в познании явлений правовой действительности, и наиболее эффективным их правовом регулировании.

Углубление содержания и расширение объема теоретических знаний о праве возможно не только в ходе непосредственного формирования новых правовых категорий. Трансформация понятийного аппарата правоведения также осуществляется благодаря привлечению новых философских подходов, заимствованию новых методов из естественных или иных гуманитарных наук, в ходе обогащения его междисциплинарными правовыми исследованиями.

В формировании и трансформации категориального аппарата юриспруденции проявляют себя как количественная, так и качественная стороны приращения правового знания. Кроме того, мы можем сделать вывод о том, изменение правовых категорий может происходить следующим образом:

1) через увеличение их объема, другими словами через расширение круга объектов, отражаемых данной категорией, что одновременно сопровождается уменьшением ее содержания, сокращением количества признаков, составляющих ее определение;

2) посредством уменьшения их объема, что увеличивает их содержание и вызывает дополнение их дефиниций новыми признаками.

Указанные два основных пути трансформации категории в рамках формальной логики являются взаимосвязанными и могут периодически сменять друг друга или доминировать на определенном этапе развития правовой теории. Применительно к законодательству данные способы трансформации его категорий также используются, что отражается в соответствующих тенденциях его развития в виде либо унификации, либо специализации законодательства.

Следует согласиться с А.М. Васильевым и Н.И. Пановым в том, что данные приемы лежат в основе формирования и изменения так называемых «понятийных рядов» правоведения, в которых все категории находятся системной взаимосвязи в виде соподчинения и координации.

Родовидовые связи между категориями правоведения вызывают появление к жизни устойчивых их образований в виде понятийных рядов. Например, группа категорий «правоотношение», «субъекты права», «правоспособность», «дееспособность», «структура правоотношения», «объект правоотношения», «юридический факт» принадлежат одному понятийному ряду.

В современных условиях усиливающейся тенденции по интеграции научного знания не стоит сводить все трансформации категориального аппарата юридической науки к усилиям лишь ученых-правоведов. Нередки случаи введения новых категорий в юриспруденцию благодаря достижениям философии, социологии, политологии, психологии, лингвистики, экономики и иных наук.

Подчеркнем еще раз, что трансформация понятийного состава правоведения осуществляется фактически непрерывно. Однако это вовсе не означает, что все изменения категорий носят исключительно положительный, поступательный и эволюционный характер. Думается, что нередки случаи и обратного процесса по разрушению системных связей правовых категорий, их неверному истолкованию, неоправданному введению в понятийный строй либо исключению из него, по утрате ими теоретической и методологической ценности, что может быть обусловлено как субъективными, так и объективными факторами.

Так, в процессе развития категориального аппарата правовой науки, законодательства и юридической практики может иметь место и исключение из его состава категорий, переставших быть необходимыми, социально ценными или утративших свой связь с объективной правовой реальностью. Порой это обусловлено объективно в силу возникновения новых форм права,

его норм, появления новых видов правоотношений либо напротив исчезновением отражаемого категорией явления, его перерастанием в иной феномен и т.д. Отдельные понятия вовсе могут устареть в виду отмирания целых пластов, сфер общественной жизни. Оперирование «устаревшими» категориями в таких случаях сохраняет свою ценность лишь в рамках исторических исследований и соответствующих им наук¹.

Средствами решения проблемы формирования и изменения правовых категорий, максимально отвечающих требованиям объективной реальности и науки, может стать выработка основных принципов их формирования и изменения, которыми необходимо будет руководствоваться. На некоторых из них хотелось остановиться более подробно.

Далее представляется целесообразным в целях настоящего исследования сосредоточить свое внимание на вопросах принципов-требований формирования правовых категорий, соблюдение или же несоблюдение которых напрямую отражается на ценности подобных понятийных конструкций.

Категория «принцип» имеет довольно широкое хождение в отечественной юриспруденции и в действующей системе российского законодательства. Принципы в отношении теоретико-правовых исследований выступают отправной точкой всякой процедуры познания правовой действительности², некоей методологической базы правовой теории¹, объективного закона «движения материи и общества, а также явлений, включенных в ту или иную форму движения»³. Посредством формулирования принципов познания исследователи имеют четкие ориентиры проверки добываемого знания на объективность, достоверность, полноту, научно-практическую и теоретическую значимость. Опора на

¹ См.: *Васильев А.М.* Указ. соч. С. 145.

² См.: *Умаров Х.А.* Метод принципов в научном познании. Дисс. ...канд. фил. наук. М., 1992.

³ См.: *Братусь С.Н.* Предмет и система советского гражданского права. М., 1963. С. 135.

принципы общего характера позволяет ученым устанавливать их действительную сущность познаваемых явлений¹.

В повседневной же жизни категория «принцип» преимущественно используется для выстраивания линии поведения человека в определенных ситуациях. Особое значение принципов для любой деятельности людей подтверждает широко известное изречение Клода Гельвеция о том, что «знание принципов возмещает незнание некоторых фактов».

Поддержим точку зрения З.С. Байниязовой, определяющую принципы как общезначимую, фундаментальную основу различных сторон жизнедеятельности. «Принципы – системообразующий, ценностный компонент в духовно-нравственных, политических, экономических, правовых и иных структурах социальной жизни. Невозможно представить отсутствие принципов, скажем, в духовной сфере жизни людей. Без них неизбежна духовная деградация общества. Нельзя оставаться человеком, жить в обществе, игнорируя духовно-нравственные основы человеческого бытия: любовь, совесть, гуманизм, долг, стыд и другие непреходящие ценности»².

Исходя из вышеизложенного, определим принципы формирования и изменения правовых категорий как основные системообразующие, ценностные положения, являющиеся исходными при формировании и изменении правовых категорий. Среди них выделим:

Принцип достоверного отражения правовой действительности. В процессе научно-правового исследования весьма важно соблюдать меру правового опосредования и формализации в теории тех или иных юридических явлений. Реализация данного требования возможна благодаря опоре на достоверную аналитическую, статистическую и иную

¹ См.: Осипова М. В. Иерархия юридических ценностей в правовой системе Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 113.

² Байниязова З. С. Принципы правовой системы России: проблемы теории и практики / Под ред. В.Н. Синюкова. Саратов, 2006. С.9.

доказательственную информацию. Также следует опираться на прогнозные разработки уже апробированных результатов научных исследований, публичные обсуждения¹.

Принцип объективности отражения в правовых категориях знаний о закономерных связях и отношениях юридических явлений и процессов. Содержание вновь вводимых категорий должно точно, всесторонне и полно отражать наиболее существенные, фундаментальные признаки (свойства) правового явления, подлежащего регулированию. Здесь необходимо отметить, что внедрение, функционирование и дальнейшее развитие правовых категорий должно отвечать объективным законам юридического бытия. Однако полностью избежать субъективного характера в правовых категориях вряд ли возможно, ибо «любые правовые явления и процессы представляют собой синтез объективного и субъективного»². Однако в правовых категориях соответствующие явления должны быть отражены наиболее объективно.

Принцип научной обоснованности. Принцип научности выражается в использовании достижений науки, приемов и методов научного анализа в процессе формирования правовых категорий. При их разработке должны учитываться объективные потребности развития социальной жизни, обосновываться необходимость и целесообразность правового регулирования существующих правовых явлений, методологическое значение формируемых правовых категорий. Только в этом случае правовые категории будут эффективными в механизме правового регулирования.

Принцип согласованности. Правовая категория должна быть согласована и органически вписана в уже сложившуюся систему понятий юридической теории.

¹ См.: Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. М.: Формула права, 2010. 400 с.

² См.: Зайцев И.М. Указ. соч. С.85.

Принцип преемственности. Преемственность выражает неразрывность всего познания действительности как внутренне единого процесса смены идей, принципов, теорий, понятий, методов научного исследования. При этом каждая более высокая ступень в развитии науки возникает на основе предшествующей ступени с удержанием всего ценного, что было накоплено раньше, на предшествующих ступенях, в том числе и в правовых категориях, как идеальных ступках правовой материи, являющихся сосредоточением всего накопленного опыта при изучении и познании правовой действительности.

Кроме того, при формировании категорий теории права должны учитываться все принципы формальной логики построения понятий.

Таким образом, выработанные нами принципы могут стать средствами решения проблемы формирования и изменения правовых категорий, максимально отвечающих требованиям объективной реальности и науки.

§ 2.2. Обесценивание категорий права как форма их изменения

Следует признать, что не учитывать закономерностей исторического развития государственно-правовой действительности, не представляется возможным, так как новые общественные процессы и явления, возникающие на его основе, требуют научного правового осмысления и должны объективно находить отражение в новых правовых категориях, качественном изменении содержания старых или исключении, обесценивании исчерпавших себя категорий. Две первые формы развития правовых категорий нашли обоснование в предыдущем параграфе, последней будет уделено особое внимание в данном параграфе.

Обесценивание правовых категорий как процесс утраты ими своего значения и исключения их заслуживает отдельного рассмотрения, прежде всего потому, что уяснение природы, сущности объекта исследования невозможно при односторонности подходов и аспектов при его изучении. Цельное представление о правовых категориях, их свойствах и закономерностях, принципах их функционирования может быть получено лишь при синтезе всех знаний о них, в частности, и об обесценивании правовых категорий, как одной из форм их изменения. Однако, вопрос о природе самого явления обесценивания правовых категорий и по сей день остается открытым и дискуссионным, чем и обуславливается актуальность выбранной темы.

Кроме того, основываясь на познаваемых объективных закономерностях исторического развития правовой действительности, обесценивание юридических категорий позволяет глубже и точнее понять, а также оценить определенные социальные процессы, связанные с исчезновением каких-либо правовых явлений, утратой их социальной значимости и необходимости в правовом осмыслении, с точки зрения их правовой формы.

Исследование обесценивания правовых категорий будет способствовать и уяснению правосознания современного общества, которое непосредственно связано с политическим и нравственным сознанием и с помощью которого анализируется эффективность существующих на данном этапе развития государственно-правовых институтов, в том числе, и с точки зрения необходимости их функционирования в правовой действительности.

Обесценивание правовых категорий может также рассматриваться не только как способ, средство познания изменяющихся правовых явлений и процессов, но и как инструмент практического совершенствования правовой действительности. Уяснив, принципы и закономерности обесценивания правовых категорий, исследователь получает возможность не только углублять свои знания об уже существующих явлениях правовой действительности, но и прогнозировать, и моделировать их дальнейшее развитие.

Употребление понятия «обесценивание» правовых категорий не случайно, поскольку утрата ими своего значения и исключение их происходит, прежде всего, потому, что они утрачивают свою ценность. Поэтому для того чтобы уяснить смысл рассматриваемого нами явления, необходимо, прежде всего, обратиться к исследованию понятия ценности, и правовой ценности в отдельности, а также уяснению ценности правовых категорий.

По своей сути ценность есть категория универсальная и многомерная, охватывающая все сферы и уровни общественной жизнедеятельности. Использование ценностного подхода в рассмотрении того или иного явления требует применения оценки, т.е. теоретического раскрытия объекта в соответствии с выбранным масштабом и критериями социальной полезности, объективной или субъективной необходимостью, политической, экономической целесообразностью и т.п. Это позволяет обнаружить («снять») в сфере правового регулирования некий идеализированный слепок

(модель) аксиологических начал и отношений, которые имеют непосредственное оформление в правовых категориях¹.

Материалистическое же понимание ценностей возможно лишь в контексте взаимоотношений между субъектом и объектом. Итоговым субъектом оценки отношения «субъект-объект» или ценностного отношения выступает индивид или группа лиц, или общество в целом. Объектами ценностных отношений являются материальные предметы, социальные явления, их отдельные свойства, имеющие ту или иную степень социальной полезности для удовлетворения определенной группы жизненных интересов индивида. К примеру, объектами ценностных отношений могут выступать как нормативные установления целей, задач, принципов, норм-правил, презумпций и т.д., так и те феномены, социальные процессы, которые ими опосредуются или регулируются.

Категория «ценность» отражает необходимость и положительную значимость определенного объекта для субъекта. Ценность в теоретическом понимании представляет собой результат акта практического взаимодействия субъекта, обладающего определенным набором потребностей и интересов (субъективная предпосылка ценности), и объекта, обладающего рядом полезных свойств, способствующих удовлетворению таких интересов и потребностей (объективная предпосылка ценности). В ходе такого взаимодействия объект окружающего мира может быть признан в качестве ценности для субъекта. Вне практического взаимодействия субъекта и объектов окружающего мира последние остаются внешними, индифферентными к ценностному отношению.

В действительности отношение «субъект-объект» выступает видом социальной связи в силу признания объекта в качестве ценности, что свидетельствует о возможности и порой необходимости человеком освоить

¹ См.: *Бондарь Н.С.* Конституционные ценности - категория действующего права (в контексте практики Конституционного Суда России) // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 6. С. 1.

данную ценность. Иными словами, ценность есть объектно-предметная форма выражения социального отношения.

Еще одной характеристикой социальной ценности в материалистическом ее понимании выступает ее объективно обусловленный выбор субъектом в качестве таковой. Ценность всегда социально детерминирована, связана с реальной социальной действительностью, потребностями и интересами субъектов общественных отношений, является отражением изменяющегося социально-правового бытия.

Подлинная природа ценностей обязательно определяется степенью полезности того или иного явления для индивида или общества, его значимостью для удовлетворения ее интересов или общественных потребностей. Потребности же общества и отдельной личности в итоге объективно обусловлены уровнем развития социальных отношений.

Однако понимание природы ценностей должно включать в себя помимо объективного еще и субъективное начало, что не исключает различий в ценностной интерпретации тех или иных правовых явления со стороны отдельных индивидов, их объединений и организаций. Следует отметить, что субъективный момент в трактовке ценностей не должен превалировать над объективным, ибо подлинные ценности в конечном итоге вовлечены в социальный прогресс, им объективно обусловлены. Признание объекта в качестве социальной ценности напрямую зависит от конкретно-исторического периода развития общества, от того, в какой мере использование данного объекта включено в исторический, общественный прогресс, служит общему благу. Все это не исключает факта того, что подлинным ценностям могут противостоять мнимые.

Обозначенные общие исходный теоретико-методологические основы понимания природы социальной ценности применимы и в исследовании правовых ценностей, к числу которых, безусловно, следует относить и правовые категории как достижения юридической науки, итог развития

законодательства и юридической практики, способные удовлетворять разнообразные индивидуальные и общественные потребности.

Правовые ценности обязательно включены в реальные условия юридического бытия человека, играют заметную роль в его повседневной жизнедеятельности. Наиболее ярким примером правовых ценностей выступают права и свободы человека как фундаментальные начала построения всей системы права, обеспечивающие удовлетворения широкого круга основных потребностей индивида.

В широком смысле под правовыми ценностями можно понимать любые явления правовой действительности, которые положительно оцениваются личностью, обществом или государством. В юридической литературе предложено под ценностью понимать способность правового явления служить целью и одновременно удовлетворять интересы и потребности индивида и общества¹.

М.В. Осипова предлагает следующее определение юридических ценностей. Они представляют собой формально закрепленные и обеспеченные государством правовые явления, отражающие баланс общезначимых интересов и используемые в качестве ориентиров и средств удовлетворения социально значимых потребностей субъектов права, а также выражающие региональное, национальное или международное своеобразие правовой действительности².

Исходя из этого подхода, автор определяет ценность юридических категорий следующим образом. Юридические категории, даже напрямую не связанные с удовлетворением конкретных социальных потребностей, в итоге все равно предстают в качестве правовых ценностей. Категории представляют собой ценность не только с позиции достижений в праве,

¹ См.: *Масленников А.В.* Правовые аксиомы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С.43-45.

² *Осипова М. В.* Иерархия юридических ценностей в правовой системе Российской Федерации: Дис. ...канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С.77.

юридической науке и техники, но и как косвенное средство по удовлетворению конкретных потребностей общества и индивида. Изначально полезность и социальная значимость правовых категорий презюмируется.

Однако это вовсе не означает, что все категории юридической науки, законодательства и юридической практики в итоге обладают ценностным содержанием. Во-первых, они могут утрачивать его со временем, т.е. обесцениваться. Во-вторых, категории могут уже с момента их формирования не иметь какой-либо ценности в силу их дефектного характера, приобретенного благодаря нарушению принципов их определения и введения в понятийный строй, их теоретической или практической несостоятельности, отсутствия реального объекта отражения и т.д.

Категории, получившие свое официальное законодательное оформление являются ценностью в силу их регулятивных возможностей, поскольку выступают средством правового регулирования общественных отношений.

Они, будучи закрепленными в праве, содержат юридически значимую информацию о должном и запрещенном поведении, о критериях юридической квалификации действий и событий, способствуя тем самым удовлетворению интересов индивидов по координации своего поведения в соответствии с нормативно-правовыми предписаниями. Кроме того, легально закрепленные категории фиксируют основы правового положения конкретного субъекта или объекта в правоотношениях.

Для определения ценности правовых категорий необходимо установить те из их свойств, которые позволяют удовлетворять познавательные, юридико-практические, социальные, экономические и иные интересы субъектов. При этом важно учитывать, что все социальные ценности, включая и правовые, образуют определенную иерархию, выстраиваются в некую пирамиду, располагаемую от основания к вершине по мере возрастания степени ценности того или иного явления. К примеру, О.В.

Мартышин по широте охвата и степени значимости подразделяет правовые ценности на четыре уровня: универсальные, которые обладают особой значимостью во всех сферах социального бытия; ценности, имеющие мировоззренческий и этический характер; государство и право, являющиеся сами по себе ценностями; иные частноправовые ценности¹.

Исходя из обозначенной классификационной позиции правовые категории можно достаточно условно отнести к четвертому ценностному уровню. На наш взгляд, предложенная градация уровней больше имеет теоретический, умозрительный характер.

Далее обобщая наработки по вопросу о ценностном содержания правовых явлений и отражающих их категорий, укажем на ряд аспектов, в которых возможен анализ правовых ценностей:

- правовой ценностью выступают различного рода элементы, принципы, предписания-правила и иные составные части системы права в силу признания последнего социальной ценностью (так называемые ценности в праве);

- правовой ценностью также признаются все иные юридические феномены наряду с правом, которые в той или иной мере служат целям удовлетворения интересов и потребностей индивидов, социальных групп и общества в целом.

Таким образом, правовые категории по своей сути могут выступать относительно самостоятельной ценностью, закрепленной как в самом праве, так и сформированной в рамках той или иной теоретико-правовой доктрины. Это связано с тем, что именно в различного рода правовых категориях воплощается накопленный историко-юридический опыт, направленный на отыскание путей наиболее эффективного и полного отражения свойств отдельных явлений правовой действительности. Кроме того, правовые категории способны выражать преемственность диалектического развития

¹ См.: *Мартышин О.В.* Проблема ценностей в теории государства и права // Государство и право. 2004. № 10. С. 14.

правовой системы общества от одного его исторического этапа к другому, что и составляет «золотой фонд» юридической наук и практики, позволяя в концентрированном виде аккумулировать важнейшие общечеловеческие достижения и ценности в сфере правового регулирования¹.

Следовательно, ценность отмеченных категорий в данном ракурсе производна от выполняемой ими функции сохранения, распространения и воспроизводства значительной части социально-правового опыта, призванной обеспечить должное функционирование и развитие правовой системы².

Юридическая практика и доктрина в ходе тысячелетий накапливают знания, приобретающие со временем все более и более аксиоматичный характер, что в наиболее обобщенном виде находит закрепление в ряде центральных правовых понятий – категорий, которые наряду с правовыми аксиомами выступают в качестве важнейших средств правовой экономии. Именно при помощи категорий осуществляется формулирование правовых аксиом, что делает механизм правового регулирования экономным, более эффективным. О связи правовых аксиом, категорий и ценностного содержания права мы поговорим позднее в рамках отдельного параграфа настоящей работы

Наряду с этим в юридической литературе высказана точка зрения о наличии у правовых категорий эстетической ценности. В качестве примера можно сослаться на опыт экстраполяции критерия красоты в отношении правовых явления в рассуждениях В.М. Баранова, который подчеркивает следующее: «Красота – это максимальное соответствие формы (организации, структуры) явления его назначению в жизни человека, — это неосознанный

¹ См.: *Акимов А.И.* Указ. соч. С. 15; *Чечина Н.А.* Основные направления развития науки советского гражданского процессуального права. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. (104 с.) С. 92-93.

² *Философия: Учеб. / Под ред. А.Ф. Зотова, В.В. Миронова, А.В. Разина.* М., 2003. С. 464.

уровень оценки явления, язык сверхсознания и его освоение, элемент творчества и профессионализма»¹.

Как уже ранее отмечалось, правовые категории являют собой определенную историческую ценность, выполняя функции источников познания и освоения социальной действительности, источников теоретической информации о юридических явлениях, об исторических фатах того или иного общества определенной эпохи.

Являясь логическим итогом правового мышления, выражающего правовую ментальность, которая представляет собой определенную направленность правового сознания, они становятся и ее отражением. Значение правовой ментальности несомненно велико. «И если законодатель не понял или не захотел понять правовую душу народа, - пишет Р.С. Байниязов, - то получит политическую, нравственную, правовую «пощечину» от гражданского общества. Юридический «бойкот» со стороны правового менталитета квазиправовой политике государства есть закономерный итог такой стратегии, следствием которой является правовой паллиатив, юридический конформизм в поведении граждан, психологически и ментально не приемлющих правоимитационной деятельности государственной власти»². Это еще раз подчеркивает ценность правовых категорий.

Кроме того, правовые категории представляют и методологическую ценность, позволяя посредством их изучения познать особенности правовых явлений на определенном этапе развития, и т.п. Особую методологическую ценность в правоведении представляют, например, такие категории, как: сущность государства и права; форма права; форма государства; тип государства и права; правовая система общества; механизм государства; механизм правового регулирования и ряд других. Уяснив понятие ценности,

¹ Баранов В.М. Концепция законопроекта: учеб. пособие. Н. Новгород, 2003. С.97.

² Байниязов Р.С. Правосознание и российский менталитет // Правоведение. 2000. №2. С.33-36.

и правовой ценности в отдельности, а также выявив ценность правовых категорий и определив их место в системе юридических ценностей, мы можем рассмотреть условия обесценивания правовых категорий для определения сущности данного понятия.

Условия обесценивания правовых категорий тесно связаны с принципами обесценивания правовых категорий, а поскольку обесценивание правовых категорий рассматривается нами как форма их изменения, то ему будут присущи все принципы, выявленные нами для изменения правовых категорий. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что обесценивание правовых категорий может происходить вследствие недостоверного, необъективного отражения правовой действительности, несогласованности с другими правовыми категориями, при нарушении принципа научной обоснованности или принципа преемственности.

Условиями при этом могут выступать:

закономерный исторический процесс развития правовой действительности:

смена политического режима, и как следствие этого изменение правовой культуры и правосознания;

определенную роль при обесценивании правовых категорий может сыграть и правовой нигилизм;

влияние на данный процесс могут оказать и процессы глобализации и интеграции.

При этом необходимо отметить, что смена политического режима не всегда может сопровождаться полным распадом всех структур и элементов правовой надстройки. Существует научная позиция, согласно которой при смене одного типа государства другим не осуществляется правопреемства по той причине, что государство нового типа, отвергнув порядки прежнего строя, формирует свою кардинально образом отличающуюся систему государственно-правовых ценностей. В ходе подобной кардинальной перестройки на определенное время вся правовая система находится в

состоянии упадка, масштабного кризиса. Фактически она замещается в обществе так называемым «квазиправом» или «квазипорядком». Однако и в этих сложных условиях новая элита общества по-прежнему полагает ценными сами институты государства и права. Новые руководящие лица в государстве в той или иной мере вынуждены опираться на отвергаемое ими право в целях создания собственного¹. В этом проявляется принцип преемственности как обязательный фактор развития.

Более подробно все названные условия обесценивания правовых категорий будут рассмотрены нами в следующей главе.

Итак, *обесценивание правовых категорий мы можем рассматривать в нескольких аспектах.* В первом его понимании обесценивание правовых категорий можно рассматривать как форму их изменения, то есть как определенный процесс утраты ими своего значения и исключения их из категориального аппарата науки теории права. Кроме этого, обесценивание правовых категорий можно рассматривать и как результат этого процесса - утрата ими своего значения. С методологической точки зрения рассматриваемое явление можно охарактеризовать как способ, средство познания изменяющихся правовых явлений и процессов, а также практического совершенствования правовой действительности.

Исходя из вышеизложенного, попытаемся сформулировать предварительное понятие обесценивания правовых категорий. Под обесцениванием правовой категории следует понимать форму изменения правовой категории, представляющую собой процесс ее исключения из системы правовых категорий, вследствие утраты последней своего значения, ценности для теории права, выступающую способом, средством познания изменяющихся правовых явлений и процессов, а также практического совершенствования форм отражения правовой действительности.

¹ См.: Рыбаков В.П. Указ. соч. С.151-155.

§ 2.3. Жизнеспособность правовых аксиом как фактор обеспечения ценности правовых категорий

Рассматривая проблему обесценивания правовых категорий необходимо обратиться к исследованию жизнеспособности правовых аксиом, которые, как и правовые категории, несут в себе вековую ценность всего правового опыта, являясь «сгустками идеальной материи». Однако прежде чем приступить к этому, необходимо остановиться более подробно на понятии и сущности аксиом права, выявить их функции, ценность, а также определить соотношение со смежными категориями теории права.

Исследованию правовых аксиом посвящены работы С.С. Алексеева, Л.С. Явича, А.И. Экимова, Г.Н. Манова, А.В. Масленникова, А.Н. Балашова, Э.И. Мишутиной, Н.А. Чечиной, А.А. Ференс-Сороцкого. Сделанные ими выводы имеют огромное значение для развития учения о правовых аксиомах, однако в конечном итоге не приводят нас к единообразному пониманию сущности рассматриваемого явления.

Необходимо также отметить, что в юридической науке была высказана и достаточно негативная оценка самой постановки проблемы правовых аксиом.

К примеру, А.Ф. Черданцев полагал, что право, учитывающее и имеющее в своей основе теоретические положения есть все же не научная теория, а есть формально определенная система официально издаваемых или признаваемых государством норм. Ввиду данного тезиса, как утверждал ученый, ее нормы не следует рассматривать в качестве неких аксиом или теорем, ибо они не являются суждениями, доказывающими другие. Нормы права сами по себе не требуют каких-либо доказательств, ибо представляют собой законченные, сформулированные законодателем в завершенном виде

управленческие предписания¹.

Следует согласиться с Э.И. Мишутиной и А.Н. Балашовым, которые придерживаются мнения о том, что подобного рода излишне категоричные суждения, отвергающие идею существования правовых аксиом вряд ли оправданы. Безусловно, аксиомы в праве, как и его категории, имеют свою собственную специфику, которая сближает их с аксиомами в философии. Думается, что правовые аксиомы вряд ли стоит отождествлять с математическими аксиомами. Первые являются наряду с идеологией, государственным строем и другими важнейшими основаниями, на которые опирается право. Правовые аксиомы, как и правовые категории, аккумулируют в себя многолетний социально-правовой опыт, в обобщенном виде несут в себе все то ценное, что накопила правовая культура общества. В силу этого подобные суждения и категории не требуют подтверждения, ибо они многократно проверены в ходе длительной юридической практики. Это есть «простейшие юридические суждения эмпирического уровня»².

Как справедливо указал Масленников А.В., вопрос о сущности и природе аксиом в праве следует рассматривать исключительно с учетом ряда следующих обстоятельств, которые имеют важное значение для последующего анализа данного предмета дискуссии.

1. Правовые аксиомы есть достаточно сложный и многогранный феномен правовой действительности, который по настоящий момент недостаточно изучен отечественной юридической наукой.

2. Введение в научный оборот данной категории имеет особую ценность, но она до сих пор не получила своего общепризнанного определения.

3. Категорию «правовая аксиома» не подлежит отождествлению с аналогичной категорией математики и математической логики ввиду не

¹ См.: Черданцев А.Ф. Логическая характеристика права как системы // Правоведение. 1983. № 3. С. 16.

² Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Учебник. 2004. С. 348.

выводимости первых по правилам математики. Следовательно, правовые аксиомы в строго математическом смысле таковыми не являются.

4. Категория «правовая аксиома» отражает целый ряд реальных правовых явлений, демонстрируя наиболее существенные связи и отношения между ними, что свидетельствует о ее значительной познавательной, методологической и юридико-практической ценности.

5. Правовые аксиомы неоднородны по своему составу, что предполагает необходимость их классификации на следующие группы: аксиомы, выраженные в праве; аксиомы, выводимые из общих нормативных правовых предписаний и из общего смысла права; аксиомы юридической науки; аксиомы, рожденные в ходе правоприменительной практики. При этом необходимо отметить, что А.А. Ференс-Сороцкий не находит отличий между названными понятиями¹.

На наш взгляд, по данному вопросу достаточно аргументирована позиция А. В. Масленникова, который считает, что существенная разница в смысловых контекстах позволяет сделать вывод о том, что речь следует вести не об отражении расходящихся значений понятия «аксиома» или разных уровнях правового знания, а о различных явлениях, обозначаемых одним и тем же термином². Их общая принадлежность к сфере права несмотря на различие в выполняемых ими функциях позволяет именовать их в рамках одной общей категории «правовые аксиомы».

В объеме данной категории особое место отводится прежде всего аксиомам права. Последние не просто имеют отношение к праву, а непосредственно включены в него, представляя собой «сгустки» его материи, находят закрепление в законодательстве, объективируясь в правовых нормах и принципах.

¹ См.: *Ференс-Сороцкий А.А.* Принципы и аксиомы гражданского процесса: дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1989. С. 54 -66.

² *Масленников А.В.* Правовые аксиомы: Дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 27.

Относительно самостоятельной представляется нам и группа «аксиом в праве», которая содержит те из них, что по своей сути ближе к сфере религии, морали и политике. Такая группа аксиоматических утверждений вовлекается в правовую сферу, точнее, привлекаются в право с конкретной целью в исключительных случаях.

Отдельно подлежат рассмотрению и аксиомы научного, доктринально-правового характера, включенные непосредственно в содержание той или иной правовой теории. Отмеченные аксиомы близки по своей методологической ценности к правовым категориям. Кроме того, доктринальные аксиомы всегда выражены посредством оперирования правовыми категориями. Столь тесная их взаимосвязь и взаимное обеспечение позволяет повысить, с одной стороны, жизнеспособность правовых аксиом, а с другой – обеспечить методологическую и познавательную ценность самих правовых категорий.

Полагаем, что рассмотрение правовых аксиом в диалектической связи с правовыми категориями имеет принципиальное значение для их полного и всестороннего исследования как объектов ценностного социального восприятия.

Выступая в правовой теории идеальной категорией, обозначающей узловые суждения правовой материи, аксиомы имеют различные формы своего выражения, что создает дополнительные трудности в формировании их теоретической дефиниции¹.

Итак, обратимся непосредственно к определению данной правовой категории.

Слово «аксиома» имеет греческое происхождения, что означало у греков «считаю достойным, настаиваю, требую». В последствие оно приобрело и второе значение в виде «отправное, исходное положение отдельной теории, лежащее в основе доказательств иных положений данной

¹ См.: Масленников А.В. Указ. соч. С.27-28.

теории, в пределах которой оно принимается без каких-либо доказательств. В последнем значении аксиома есть бесспорная, не требующая доказательств практическая или научно-теоретическая истина¹.

Используемая с античных времен категория «аксиома» в российской юридической литературе стала упоминаться лишь в 60-е годы XX века, чем вызвала достаточно обширные дискуссии в среде правоведов. На наш взгляд, следует поддержать мнение сторонников выделения правовых аксиом ввиду особой ценности, отражаемых в них суждений и категорий.

Отметим еще раз, что однозначного понимания сущности рассматриваемого явления в науке не существует. Так, можно выделить несколько аспектов, которые ученые кладут в основу рассматриваемого понятия, признавая аксиомами.

1. Под аксиомами понимаются определенные нормы права, содержащие самые общие нормативные правовые установления, обладающие особой очевидностью и ясностью. Такого мнения придерживаются Н.А. Чечина, А.А. Ференс-Сороцкий и др. Так, Н. А. Чечина, специалист в области аксиом гражданско-процессуального права, предлагают следующую их дефиницию: «это такие гражданско-процессуальные нормы, которые, выражая содержание морали социалистического общества, устанавливают правила поведения лиц, участвующих в процессе, и регулируют отношения, складывающиеся в период и в результате осуществления правосудия по гражданским делам»². Не смотря на то, что данное определение отражает только определенную группу процессуально-правовых аксиом, из него отчетливо виден один из наиболее существенных их признаков, как особое ценностно-правовое содержание.

¹ Словарь иностранных слов / Под ред. А.Г. Спирина, И.А. Акчурина. 11-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1984. С. 22.

² Чечина Н.А. Основные направления развития науки советского гражданского процессуального права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. С. 88.

А.А.Ференс-Сороцкий провел специальное исследование процессуально-правовых аксиом и также сформулировал их авторское определение, согласно которому «правовые аксиомы — это правовые нормы, ставшие в результате проверки многовековой общественно-исторической практикой непреложными, исходными элементарными истинами - привычными и самоочевидными, вне которых невозможно существование права как социального явления»¹.

Соглашаясь по ряду моментов с представленными дефинициями, все позволим себе не согласиться с указанием на обязательное выражение правовых аксиом в непосредственном виде в нормативных правовых предписаниях. Наша позиция объясняется тем, что вряд ли можно все типы аксиом правового характера облачить в рамки нормы права с учетом того, что многие правовые аксиомы имеют многовековую историю и не принадлежат отдельно взятой правовой системе конкретного общества, а вырабатывались на протяжении тысячелетий многими цивилизациями.

Возможно А.А. Ференс-Сороцкий ведет речь об относительном характере неизменности содержания нормы права, содержащей правовую аксиому. По-видимому, автор и сам это понимает, поэтому, далее, конкретизируя определение применительно к гражданскому процессуальному праву, он указывает именно на неизменность содержания самих аксиом².

А.В. Цихоцкий аналогично указывает на нормативность аксиом. Однако он анализирует аксиомы в более узком смысле. При этом исследователь определяет в качестве правовых лишь те нормативные обобщения, которые не порождают конкретных процессуальных правоотношений, но позволяют обеспечить перевод доктринально выведенных категорий на язык права, что в итоге способствует обеспечению

¹ *Ференс-Сороцкий А.А.* Принципы и аксиомы гражданского процесса: дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1989. С. 7

² См.: Там же. С. 9.

единства юридической практики, экономит правовое время и юридические ресурсы¹.

С учетом изложенного, полагаем оправданным обращение внимания на форму и способ фиксации неизменного содержания правовых аксиом. Однако все это не означает абсолютную неизменность содержания правовых аксиом, ничего вечного быть не может. Как и правовые категории, правовые аксиомы подвержены объективному изменению их содержания. Действительно, они отличаются особой стабильностью в механизме правового регулирования, но данный факт не отменяет возможности их принципиальной трансформации для обеспечения объективных потребностей личности, социальной группы и общества в целом. Полагаем возможным изменение их ценностного содержания с течением времени.

А.А. Ференс-Сороцкий во многом справедливо указывает на такое свойство правовых аксиом, как их особая простота, ясность и очевидность их содержания, что формируется в ходе многолетней проверки практикой².

Следует лишь уточнить, что подобная ясность и простота относительно по отношению к различным группам субъектов их усвоения. К примеру, что достаточно очевидно для юристов-профессионалов, оказывается трудным для понимания гражданами, не обладающими специальными познаниями и навыками в области юриспруденции.

2. Аксиологическая трактовка правовых аксиом, акцентирующая внимание на их ценностном содержании. Данная точка зрения наиболее полном виде представлена в работе А.И. Экимова, который писал, что «по своему содержанию аксиомы - не что иное; как простые правила морали

¹ См.: Цихоцкий А.В. Приёмы законодательной техники при построении Гражданского процессуального кодекса//Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сб. статей в 2 т. Н. Новгород, 2001. Т.2. С.454-465.

² Ференс-Сороцкий А.А. Принципы и аксиомы гражданского процесса: дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1989. С. 56 – 57.

справедливости. В них отражается минимум условий, необходимых для совместной жизни людей»¹.

Схожую позицию занял и Г.В. Манов, определив правовые аксиомы в качестве самоочевидных, не требующих доказательства правовых истин, простейших исходных начал, складывающихся в ходе процесса обобщения многовекового социально-правового опыта реализации социальных отношений и взаимодействия людей с окружающей средой².

В дефиниции автора присутствует ряд слабых мест. Во-первых, она не содержит указания на привязку к праву, хотя в последующих рассуждениях автор обращает внимание на то, что «исходные по своему содержанию правовые положения только тогда приобретают аксиоматический характер, когда соотносятся с юрисдикционной деятельностью. Там, где отсутствует юстиция и сопутствующие ей понятия справедливости и законности, об аксиомах права речи быть не может».

3. *Понимание правовых аксиом через указание на специфику их формально-логического содержания.* Такого мнения придерживаются В.А. Четвернин, Ю.Е. Пермяков, Н.И. Матузов и А.В. Малько.

Так, Н.И. Матузов и А.В. Малько признают аксиомами «простейшие юридические суждения эмпирического уровня». В.А. Четвернин определяет аксиомы в качестве своеобразных «суждений о праве, которые принимаются без доказательства, как само собой разумеющиеся»³. Однако следуя подобной дефиниции остается неясным то, по какой причине они не требуют доказательств. К примеру для тех лиц, которые придерживаются отрицательного отношения к праву и его ценностям, являются носителями нигилистического правосознания, аксиоматичным представляется суждение, отрицающее всяческую ценность права как регулятора общественных

¹ Экимов А.И. Интересы и право в социалистическом обществе. Л., 1984. С.125.

² См.: Манов Г.Н. Аксиомы в советской теории права // Советское государство и право. -1986. № 9. С.36.

³ См.: Четвернин В.А. Лекции по теории права. Вып. 1. М., 2000. С. 50.

отношений. Полагаем риторическим вопросом о том, будет ли подобное утверждение подлинной правовой аксиомой.

По мнению Ю.Е. Пермякова, суть правовых аксиом исключительно сопряжена с логикой права, что позволяет ему излишне узко ограничить сферу их существования: «В наиболее абстрактном виде логические формулы права приобретают вид правовых аксиом, представляющих собой правила, по которым должны строиться правовые суждения»¹. В противовес позиции данного автора А.А. Ференс-Сороцкий утверждает, что «проблема правовых аксиом имеет не логический, а скорее аксиологический характер»². *На наш взгляд, отмеченные противоположные позиции ученых могут гармонично дополнять друг друга, устраняя тем самым односторонность их подходов к трактовке сущности правовых аксиом. Думается, что не следует отрывать ценностное содержание правовых аксиом от логической формы их выражения.*

4. Трактовка правовых аксиом в качестве основополагающих определений в праве. Указанная точка зрения фактически ставит знак равенства между правовыми категориями и их определениями, с одной стороны и правовыми аксиомами, - с другой.

Так, В.Н. Кудрявцев писал, что правовые аксиомы подлежат рассмотрению в юридической науке в качестве основополагающих определений тех или иных отраслей системы права. Авторитетный правовед считал, что в целях уяснения и применения нормы права необходимо устанавливать содержание содержащихся в ней категорий. В ходе данного процесса с неизбежностью субъекты сталкиваются с проблемой определения новых категорий, что становится возможным лишь благодаря обращению к исходным, аксиоматически признаваемым трактовкам общих понятий. В.Н. Кудрявцев с учетом таких положений давал следующую характеристику в отношении правовых аксиом как основных положений и определений

¹ Пермяков Ю.Е. Основания права. Самара, 2003. С. 390.

² Ференс-Сороцкий А.А. Аксиомы в праве // Правоведение. 1988. №5. С.31.

правовой науки: «Они не вызывают сомнений и не допускают иных толкований. Из них логически выводятся, на их основе определяются, разрабатываются все остальные категории правовой науки». Недостатком подобного определения аксиом является его излишне узкий характер. Однако для нас в этом утверждении имеется весьма важный момент, который объясняет тесную диалектическую связь проблемы правовых аксиом и ценности правовых категорий. Позиция В.Н. Кудрявцева критикуется в юридической литературе за попытку точного следования математическому определению понятия аксиомы в юриспруденции. Критики утверждают, что математика гораздо в меньшей степени, чем юридическая наука и право, увязана с общественной деятельностью людей. Она выражает тезисы и положения, существующие независимо от воли и желания человека и, в то же время, как и право, тесно связано с развитием социума и зависит от общественных потребностей¹.

5. Понимание правовых аксиом как отправных принципов права, одновременное определение их в качестве предпосылок формирования фундаментальных оснований системы права.

В свое время Л.С. Явич отмечал, что «в принципе права любого типа должны быть заложены идеи, которые отражают несомненно специфику правового регулирования, то, что подчас именуют правовыми аксиомами (элемент истины, не требующей доказательств)»². Другими словами, правовед полагал, что аксиома есть некая идея правосознания, истинность которой не требует дополнительного доказывания, а ее функциональным назначением выступает формирование идеологических предпосылок для выражения принципов права.

Несколько схожее утверждение можно обнаружить и у С.С. Алексеева, отмечавшего, что аксиомы присущи не только самой юридической науке, но

¹ Кудрявцев В.Н. О программировании процесса применения нормы права // Вопросы кибернетики и права / Под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1967. С. 16.

² Явич Л.С. Общая теория права. Л., 1976. С. 150.

и могут сопровождать ряд принципов права и, прежде всего, отраслевые¹. По мнению, именитого ученого, объективная основа правовых аксиом зиждется в общих закономерностях, существенных свойствах специально-юридических принципов. Их нарушение может приводить к тому, что право утрачивает свои сущностные черты в качестве воли, возведенной в закон. По мнению С.С. Алексеева, правовыми аксиомами в той или иной отрасли системы права могут выступать основополагающие определения. Автор доказывал, что аксиомы выражают сущностные свойства самого права, затрагивая его основополагающие принципы установления и функционирования. Однако здесь возникает вопрос о том возможно ли отождествление принципов и аксиом права?

На наш взгляд для целостного теоретического восприятия правовых аксиом в качестве особых правовых ценностей необходимо их четкое отграничение от иных смежных правовых конструкций, к числу которых принадлежат принципы, фикции и презумпции.

Решение обозначенной задачи осложняется тем, что при рассмотрении того или иного отправного суждения в качестве правовой аксиомы существенную роль могут играть субъективные факторы. Ярким примером чего может выступать вполне очевидное и весьма аксиоматичное суждение в рамках либерального понимания права следующего вида: «Разрешено все, что прямо не запрещено законом». Однако оно может восприниматься сторонниками иных учений о праве в качестве «известного расхожего мнения»². Аналогичным образом могут быть интерпретированы и такие утверждения, как: «каждый считается невиновным, пока не доказано обратное»; «незнание закона не освобождает от ответственности». При этом существенная часть правоведов именуют их то презумпциями, то

¹ См.: *Алексеев С.С.* Проблемы теории права: В 2 т. Свердловск, 1972. Т.2. С. 111-112.

² *Масленников А.В.* Правовые аксиомы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 12.

принципами, то аксиомами.

В итоге в теории зачастую подчеркиваются черты сходства между данными категориями, но упускаются из вида существенные различия. Следует учитывать наличие взаимосвязи между аксиомами и принципами в праве, что вытекает из самой сущности последнего. Общее между аксиомами и принципами заключено в том, что данные категории выступают основополагающими идеями права, имеют универсальный характер и выражают в концентрированном виде его социальную ценность. Методологическая и синтезирующая ценность аксиом, принципов и категорий права состоит еще и в том, что они являются отправными началами, из которых разворачиваются все иные его положения¹.

Однако, несмотря на черты сходства, аксиомы, категории и правовые принципы не тождественны друг другу. Именно аксиомы вбирают в себя отправные идеи, характерные преимущественно для большинства правовых систем мира. Принципы же имеют более узкую сферу своего хождения и привязаны, как правило, к системе права конкретного государства в определенный исторический период времени. Категории же выступают средством, формой логического изложения содержания как аксиом, так и принципов права. Другими словами, правовые категории могут быть составными частями и принципов, и аксиом. Те правовые категории, которые позволяют раскрыть содержание правовой аксиомы обладают особой социальной ценностью, что и позволяет рассматривать нам в настоящей работе данные правовые конструкции в рамках единой диалектической связи. Кроме того, жизнеспособность правовых аксиом напрямую определяет степень ценности ряда правовых категорий, сопряженных с ними. Для подобного рода диалектически взаимосвязанных аксиом и категорий в праве и юридической науки присущи общие закономерности как приобретения ими ценностного содержания, так и его

¹ Балашов А.Н., Мишутина Э.И. К вопросу о значении правовых аксиом // Юрист. 2007. № 7. С. 60 – 63.

утраты.

По мнению Н.А. Чечиной, аксиомы предстают как более конкретные утверждения по сравнению с принципами¹. Нам представляется такая позиция не вполне точной. На наш взгляд, нередки случаи, когда аксиомы носят более общий характер и могут выражать собой несколько правовых принципов. В качестве примера приведем следующую аксиому: «без сторон нет суда». В последней наличествуют сразу несколько отправных суждений, составляющих содержание таких принципов права, как: диспозитивность и состязательность сторон в гражданском процессе. В этой связи полагаем справедливым утверждение А.В. Масленникова, по словам которого «аксиомы - более широкое и абстрактное понятие, охватывающее сформулированные учеными-юристами фундаментальные идеи и идеалы, отражающие достижения правовой мысли и практического опыта»².

О связях аксиом и принципов правового характера А.А. Ференс-Сороцкий пишет, что аксиома есть выражение общечеловеческого содержания права, а его принципы представляют собой отражение его классовой сущности. Такая точка зрения позволяет объяснить тот факт, что аксиомы права обеспечивают преемственность различных исторических эпох его развития, а принципы права имеют более подвижный характер и различаются содержанием в разных типах права³. Однако необходимо помнить о диалектике их связи, принципы права все же строятся на основе правовых аксиом, способных отражать как экономическо-политические, так и моральные основы жизни общества.

Целесообразность соотнесения аксиом и категорий в праве и правовой науке на первый взгляд вызывает сомнения, ведь аксиомы фактически есть неопровержимые истины, тогда как правовые категории могут иметь

¹ См.: Чечина Н.А. Указ. соч. С. 45.

² Масленников А.В. Указ. соч. С.13.

³ См.: Ференс-Сороцкий А.А. Принципы и аксиомы гражданского процесса: дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1989. С. 13.

ошибочное содержание, искажать отражаемую правовую реальность. Однако в тех случаях, когда возникает насущная необходимость придать особую правовую ценность той или иной категории юридической науки или практики, когда ее содержание желают распространить на значительное число случаев, то им придается некое значение аксиом. Однако стоит согласиться с позицией о том, что аксиомы не выполняют ряда функций правовых категорий, а, следовательно, их не стоит смешивать с ними. Это различные по своей природе явления.

Фикция - это общеобязательное положение, которое в действительности может и не существовать. Фикция может применяться и в качестве меры ответственности. Аксиома представляет собой очевидное положение, которое существует в действительности и не требует дополнительных обоснований. Таким образом, аксиомы имеют много общего с принципами, презумпциями и фикциями, что выражается в их глубинных связях, неразделимости; данные категории нельзя противопоставлять, хотя и следует различать.

Обобщая выводы проведенного анализа дефиниций правовых аксиом, необходимо отметить следующее. Как известно, все дефиниции удачны лишь в той или иной мере. Но, о проанализированных нами, следует сказать, ни одно из них, на наш взгляд, не может быть выделено как достаточное и адекватное для определения сущности правовых аксиом, на что есть свои причины.

Прежде всего, это недостаточная изученность такого сложного и многоаспектного социально-правового явления как правовые аксиомы, не позволяющая выделить и описать своеобразие их правовой природы. В юридической литературе, как правило, акцентируются, «общие» свойства аксиом: истинность, отсутствие необходимости в доказательствах, очевидность, а также содержатся указания на «внешние», очевидные признаки их связи с правом (например, объективация содержания аксиом в

нормах и принципах права). Внутренняя же связь аксиом с правом, объективная необходимость аксиом для права исследована недостаточно.

Думается, что специфика правовых аксиом определяется самими особенностями права, выражение в них его наиболее существенных свойств, приобретенных им в ходе тысячелетней юридико-практической и теоретическо-научной деятельности. В связи с этим правовые аксиомы, выражающие существенные черты права, будучи формально выраженными в его нормах и отправных принципах, обретают особую социальную ценность и дополнительный авторитет вследствие еще и их законодательного закрепления. Правовые же категории, которые обеспечивают логико-смысловое выражение аксиом и принципов в праве, в свою очередь, также приобретают повышенное ценностное содержание.

С учетом изложенного полагаем возможным предложить собственное уточненное определение категории «правовая аксиома». *Под правовой аксиомой можно понимать определенное отправное суждение, выраженное в праве или в юридической науке либо вытекающее из их общих положений, которое, в концентрированном виде выражает особо ценный социально-правовой опыт, функционально направлено на обеспечении принципа экономии в правовом регулировании и в логико-смысловом выражении сопровождается использованием центральных правовых категорий.*

К числу основных функций, выражающих социальную ценность правовых аксиом, по нашему мнению, следует отнести следующие: регулятивную, оценочную, ориентационную, компенсационную, дидактическую, информационно-воспитательную, стимулирующую, теоретико-методологическую, а также практически-прикладную.

Регулятивная функция правовых аксиом состоит в том, что они напрямую или косвенно, конкретизируясь в содержании ряда специальных норм права, участвуют в регулировании общественных отношений. Одновременно они реализуют и ориентационную функцию, что проявляет

себя в том, что аксиомы, в отличие от чисто регулятивных предписаний права и его принципов, несут в себе самые общие установки для лучшей ориентации субъектов в правовом пространстве.

Компенсационная функция аксиом сопряжена с их возможностью восполнять отдельные пробелы в правовом регулировании, что позволяет компенсировать отсутствие той или иной конкретной правовой нормы.

Аксиомы, будучи наиболее очевидными и интуитивно понятными предписаниями правового характера, имеющими наиболее краткую и доступную форму их текстуального изложения, с успехом выполняют и информационно-воспитательную функцию в отношении граждан, не обладающих специальными познаниями и навыками в области юриспруденции. Например, воспитанию активно способствуют такие аксиомы, как: «договоры должны всегда соблюдаться», «каждый считается невиновным, пока не доказано обратное», «один свидетель — не свидетель», «без вины нет ответственности» и многие другие.

Совершенно прав В.Г. Графский, давая характеристику важной роли аксиом в процессе обучения студентов применению формально-юридического метода в целях надлежащего уяснения и толкования законодательных правовых предписаний и правил юридической техники¹. Правовые аксиомы выступают в качестве особого инструмента техники толкования и применения права, выражают саму логику права и в удобной форме позволяют донести до сознания обучающихся основные «тонкости» механизма правового регулирования. Кроме того, аксиомы в яркой образной форме отражают специфику юридического языка, делая его лаконичнее и яснее. С учетом изложенного, можно констатировать наличие у правовых аксиом дидактической функции.

Наряду с этим аксиомам присуща также функция стимулирования социально активного правомерного поведения. Можно с уверенностью

¹ См.: *Графский В.Г.* Всеобщая история права и государства: учеб. для вузов. -М., 2000. -С.12-13.

утверждать, что аксиомы обладают существенно большим «творческим потенциалом», чем нормы права, позволяя выбирать той или иной вариант действия согласно общему духу права. Особенно данный тезис применим к аксиомам правоведения. Сам факт придания какому-либо утверждению статуса аксиоматичного дает пищу для творческих размышлений и является импульсом к проверке его на прочность и истинность, что влечет за собой выдвижение новых идей и положений в науке и практике.

Оценочная функция правовых аксиом выражена в ходе практической деятельности, которая использует их в качестве мерила истинности других правовых предписаний, а также в юридической оценке реальных жизненных ситуаций¹.

В функциях правовых аксиом проявляется и их ценность, аналогично ценности правовых категорий. Правовые аксиомы несут в себе и ценность «в составе права», как его элемент, фрагмент; обладают эстетической ценностью, представляют историческую ценность и, несомненно, методологическую ценность.²

Выявив сущностные особенности и юридическую ценность правовых аксиом, мы можем рассуждать о жизнеспособности аксиом права, если они представляют собой устойчивые «идеальные сгустки материи», отражают «вечные» ценности, то могут ли они изменяться? В данном вопросе необходимо уделить внимание проблеме устойчивости этих правовых явлений, а именно выяснить чем она обеспечивается.

Аксиомы выражают общечеловеческое содержание права. Вот почему возможна преемственность между аксиомами самых разных исторических эпох, которая как раз и является залогом стабильности аксиом права.

Исходя из данного принципа, А.А. Ференс-Сороцкий отказывается от такого свойства правовых аксиом как изменчивость. По его мнению,

¹ См.: *Масленников А.В.* Правовые аксиомы: Дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 45-50

² См. *Ференс-Сороцкий А.А.* Указ. соч. С. 30.

преемственность есть процесс сохранения определенных структурных и содержательных элементов права. Преемственность в праве объясняется в конечном итоге социальной преемственностью в экономике, политике, культуре. Наибольшая степень преемственности наблюдается в процессуальных отраслях. Объясняет он это особенностями процессуальных отношений, которые представляют собой форму применения норм материального права. Процессуальное право в меньшей степени, в сравнении с материальным правом, зависит от экономического, политического или социально-культурного содержания правоотношений¹. Таким образом, уже изначально в природе правовых аксиом заложена их повышенная жизнеспособность как инструмента обеспечения преемственности в праве и правовой науке.

Однако анализируя исторический процесс и правовую реальность, можно прийти к выводу, что в современной правовой жизни обозначилась очень опасная тенденция – нарушение аксиом права в законодательной и правоприменительной практике, отказ от них, их пересмотр в правовой теории. Аксиомы права – самоочевидные, не имеющие альтернатив в пределах права, подтвержденные многовековой социально-исторической практикой правовые решения. Пересматривается то, что всегда и еще совсем недавно, на нашей памяти было самоочевидно безусловно аморальным, что влечет и свои изменения в праве. В качестве примера обесценивания правовой аксиомы он приводит обесценивание очевидной аксиомы права – защиты человеческой жизни, признание человеческой жизни священной и неприкосновенной. Кажется, действующее законодательство построено на этой идее – отказались от смертной казни даже для явных преступников, но это лишь с одной стороны, с другой же – в ряде стран разрешены аборты. Право на аборт рассматривается как неотъемлемое права каждой женщины. До 1917г. в течение многих веков аборт был запрещен и рассматривался как

¹ Ференс-Сороцкий А.А. Указ.соч. С. 73-74.

уголовное преступление против жизни – это было аксиомой. Споры идут по поводу легализации эвтаназии, которая впервые легально была введена гитлеровской Германией, где по закону об эвтаназии были уничтожены тысячи душевнобольных людей.

Это негативное проявление обесценивание правовых аксиом, но изменение правовых аксиом может идти и по положительному руслу. Преимущественно правовые аксиомы ассоциируются с изречениями наиболее известных древнеримских юристов – афоризмами, концентрированно выражающими вековую юридическую мудрость. Однако нахождение же иных схожих аксиоматичных утверждений в праве и юридической науке сопряжено с рядом сложностей и приводит порой к нулевым результатам за редким исключением. В качестве последнего можно привести правовые аксиомы выделенные Г.Н. Мановым:

- право реализуется в трех формах в правотворчестве, правоотношениях и правосознании, а четвертой не существует;
- право выражает волю господствующего класса и обеспечивает защиту его интересов;
- право отражает степень культурного прогресса социума и не может быть выше достигнутого им уровня экономико-политического развития.¹

На наш взгляд, упомянутые в качестве аксиом автором положения не отвечают их статусу, а выступают лишь общим описанием определённых закономерностей, которые имеют действие лишь в отношении определенной правовой системы конкретного исторического периода развития. Часть из данных положений уже опровергается современной юридической наукой и практикой.

Следует обратить внимание на тот факт, что система аксиом права обогащается в процессе исторического развития новыми аксиомами, за счет включения в нее качественно новых аксиом или переходе в их число других

¹ См.: Манов Г.Н. Аксиомы в советской теории права// Советское государство и право. 1986. № 9. С. 30, 31-32, 35.

смежных явлений. Вполне возможен и обратный процесс. Вспомним классическую формулу: «нет преступления без наказания». В истории развития уголовного права весьма длительное время данное положение носило характер аксиоматического. Затем последовало внедрение в практику условного осуждения, постепенно теснившего наказание и все более ослабляющее связь преступления и наказания. Таким образом, в итоге произошедших изменений в сфере нормотворчества и правоприменения положение (за преступлением следует наказание) утратило свою аксиоматичность и приобрело вероятностный характер презумпции, который к тому же в скором времени возможно еще более ослабеет, что связано с влиянием набравшего обороты института освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям¹.

Показателен в этом смысле и еще один пример, приведенный Кругликовым Л.Л. относительно перехода из статуса аксиомы в статус презумпции положения о том, что общественная опасность личности возрастает при повторении преступления, наличии судимости, при систематичности преступных актов и совершении деяний в виде промысла. Уголовно-правовое значение приведенной аксиомы выразилось в признании повторения квалифицирующим и общеотягчающим обстоятельством. Такой подход в законодательстве был сохранен до 1926г. Когда в результате введения в ст. 47 УК оговорки следующего содержания «При этом, суд вправе, в зависимости от характера первого преступления, не признавать за ним отягчающего значения». Нетрудно видеть, что на место аксиомы пришла опровержимая презумпция. В 1996 году все было возвращено на свои места, однако уже в 2003 году последовали кардинальные изменения, в результате которых законодатель опять отказался от аксиоматичности данного положения².

¹ См. подробнее: *Кругликов Л.Л.* Проблемы теории уголовного права: Избранные статьи, 2000-2009гг. – Ярославль: ЯрГУ, 2010. С. 200-205.

² См.: подробнее: Там же. С. 206-209.

Таким образом, мы можем констатировать, что аксиомы, так же, как и правовые категории, не смотря на их устойчивость, все же подвергаются изменениям, в том числе и обесцениваются. Кроме того, необходимо отметить, что аксиомы, презумпции и фикции находятся в тесной взаимосвязи, и при возникновении определенных условий возможно их взаимозамещение. К числу таких условий, думается, справедливо отнести те же условия, при которых происходит изменение правовых категорий, а именно:

закономерный исторический процесс развития правовой действительности:

смена политического режима, и как следствие этого изменение правовой культуры и правосознания;

определенную роль при обесценивании правовых категорий может сыграть и правовой нигилизм;

влияние на данный процесс может оказать и процессы глобализации и интеграции.

Глава 3. Условия, формы и последствия обесценивания правовых категорий в современном российском обществе

§ 3.1. Методологический и функциональный аспект обесценивания правовых категорий

Ценностный подход в исследовании права и иных правовых явлений используется в юриспруденции в последние годы весьма активно и вполне продуктивно. В качестве особых ценностей рассматриваются как само право, так и закрепленные в нем принципы, инструменты, включая аксиомы, презумпции, права человека, служащие удовлетворению каких-либо потребностей отдельных индивидов, социальных групп, общества и государства в целом¹. Однако аксиологический подход в меньшей степени характерен для исследований собственного понятийного аппарата юриспруденции, а также для рассмотрения сущности понятий законодательства.

В данной области налицо наличие определенного пробела в знаниях науки теории государства и права. Саморефлексия в юриспруденции не затрагивает вопросов зачастую о ценности вырабатываемых в ней учений, понятий и категорий, не обращается к проблеме обесценивания как формы трансформации правового знания. Остаются без ответа вопросы о том: как и почему утраивают собственную ценность те или иные понятия правоведения и системы права; в каких аспектах проявляется ценность правовых

¹ См., например: *Ветютнев Ю.Ю.* Аксиология правовой формы: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 200 с.; *Зорькин В.Д.* Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 3 – 14; *Исаева Н.В.* Конституционные ценности в правовой идентичности личности: к постановке проблемы // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 16. С. 2 - 5; *Мартышин О.В.* Проблема ценностей в теории государства и права // Государство и право. 2004. № 10. С. 5 - 14; *Мишина И.Д.* Нравственные ценности в праве: Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999; *Неновски Н.* Право и ценности. М., 1987; *Телегина В.А.* Правосудие как социально-правовая ценность: вопросы теории. Дис. ...канд. юрид. наук. Саратов, 2006 и др.

категорий; исчерпывается ли последняя исключительно гносеологической или практической ценностью, или же имеются иные грани ее выражения; каким образом трансформация понятийного аппарата юриспруденции влияет на переустройство системы права и наоборот; и вообще возможен и необходим ли ценностный подход в изучении процессов формирования и развития правовых категорий.

Наибольшую ценностную окраску в общей теории государства и права имеют такие категории, как «права человека», «правовое государство», «принцип равенства», «справедливость», «правовое государство», «гражданское общество», «верховенство закона», «федерализм», «принцип гласности» и др. В целом же в той или иной степени наличием ценностного содержания характеризуются как собственные понятия юриспруденции, так и тесно связанные с ними категории, используемые в законодательстве и юридической практике.

Можно задаться вопросом: имеют ли категории права и юриспруденции доопытное происхождение? Думается, что вряд ли. Как показывает исторический экскурс в проблему категоризация права и знаний о нем происходила не одномоментно, поэтапно и постепенно. При этом большая степень категоризации характерна для самого правоведения¹. *В системе законодательства и права число категорий изначально и по настоящий момент существенно меньше, чем в системе юридических наук, что обусловлено спецификой научного познания, в ходе развития которого продуцируется огромное количество понятийных конструкций, часть из которых дублирует друг друга, раскрывает различные грани одного и того же явления. В виду данного обстоятельства динамика процесса обесценивания категорий имеет большую интенсивность в правовой науке по сравнению с аналогичным процессом в праве и юридической практике.*

¹ См.: Хижняк С.П. Юридическая терминология: формирование и состав / Под ред. Л.И. Баранниковой. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1997. С. 72 и др.

Обесценивание правовых категорий следует рассматривать в ряду иных форм трансформации понятийной системы права и юриспруденции. Так, заслуживает пристального внимания точка зрения А.М. Васильева по данному вопросу, согласно которой им было предложено выделять четыре основных варианта изменения категориального аппарата теории права:

- формирование новых правовых категорий;
- уточнение, углубление и развитие имеющихся категорий теории права;
- отпочкование от теории права категорий, не соответствующих ее логическому уровню;
- исключение, обесценивание устаревших, исчерпавших себя категорий¹.

Несколько иной подход к выделению видов изменения юридических понятий и терминов использует С.П. Хижняк. В частности, он называет такие формы семантических изменений, как:

- сужение значений понятий и терминов;
- расширение их значения;
- детализация понятий;
- исчезновение (исключение) понятия или термина;
- метафорический перенос;
- метонимический перенос и др.²

Кроме того, достаточно сложный процесс изменения правовых категорий можно рассматривать в следующих аспектах: гносеологическом, методологическом, ценностном (аксиологическом), практически-прикладном, социокультурном, логическом, лингвистическом и иных. При этом следует помнить о некоторой условности разграничения указанных

¹ См.: *Васильев А.М.* Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юрид. лит., 1976. С. 140.

² См.: *Хижняк С.П.* Указ. соч. С. 75.

подходов в исследовании одного и того же объекта. К примеру, в ходе изучения трансформации категорий юридической науки с позиции ценностного подхода вполне явственно просматривается и методологический ракурс проблемы. Речь идет о том, что обесценивание категорий правоведения, с одной стороны, может иметь в качестве своей субъективной причины (или условия) методологические просчеты исследователей в ходе ее разработки и внедрения в понятийную систему, ненадлежащее применение или вовсе игнорирование методологических средств познания, а, с другой стороны, определенная правовая категория может со временем в силу объективных обстоятельств (например, в виду исчезновения самого объекта отражения) утрачивать свою методологическую ценность в части или полностью в плане снижения собственных возможностей для дальнейшего развития знания об отражаемого объекте, а также в отношении уменьшения или утраты способности генерировать на своей основе новые понятия об иных правовых явлениях (например, из-за исчерпания со временем имеющегося методологического потенциала понятия).

В процессе развития системы понятий общей теории права или иной юридической науки с определенной долей постоянства наблюдается исключение из ее состава категорий, переставших быть необходимыми или же невостребованными в виду их методологической, идеологической, прикладной несостоятельности. При этом изменения в самом праве и правовой действительности приводят к соответствующей трансформации отражающих их понятий в юридической науке. Исчезновение определенного правового феномена объективно влечет и обесценивание сопутствующего понятия. Такие категории сохраняют лишь некую историческую значимость, а из действующего категориального аппарата юридической науки выпадают. Например, лишь в истории правовой мысли сохраняется значение за понятиями сословного, божественного права и иными. На данное обстоятельство справедливо обратил внимание А.М. Васильев, указывая на перманентное изменение понятийного аппарата теории права посредством

его уточнения, в результате чего он фиксирует современные достижения научного юридического знания и освобождается от категорий и понятий, не имеющих реальных аналогов в правовой действительности или утративших методологическую и гносеологическую ценность по иным причинам¹.

Аналогичную точку зрения высказывает и С.П. Хижняк, приводя следующий пример: «В то же время после Октябрьской революции из юридической терминологии исчезли термины церковного права, которые входили в группу терминов со значением преступного деяния (ересь, раскол) и из значения термина преступление исчезла сема «грех», присутствовавшая в качестве возможной в значении некоторых терминов»². Зачастую одной из причин переоценки правовых категорий выступают изменение социально-экономической формации, а вслед за ней идеологии в науке и на практике. Ввиду этого утратили свою ценность категории «спекуляция», «диктатура пролетариата», «социалистическая законность», «коммунизм».

В продолжение сказанного отметим и тот факт, что методологический ракурс рассмотрения *проблемы обесценивания правовых категорий* предполагает также *обращение и к вопросам следующего рода*: как и в каких формах социально-правовые ценности входят в научное юридическое знание; способствуют ли они развитию правовой науки или же деформируют ее, внося излишний субъективный момент в исследования. Методологический срез ценностного содержания категорий и иных форм научного познания весьма важен, что находит подтверждение не только в юриспруденции. Так, в общефилософском плане данное обстоятельство подчеркивается Л.А. Микешиной следующим образом: «Присутствие ценностей в науке в самых разнообразных явных и неявных формах — это объективная данность, не сводящаяся к заблуждениям и ошибкам, что подтверждается практикой научного знания и вековым опытом философско-рефлексивного, логико-методологического и эпистемологического анализа научного знания и

¹ См.: Васильев А.М. Указ. соч. С. 145.

² Хижняк С.П. Указ. соч. С. 76.

познавательной деятельности»¹. Далее автор еще более убедительно отмечает: «Рассмотрение логико-методологических аспектов проблемы «наука и ценности» поставило новые задачи как перед эпистемологией в целом, так и перед методологией научного познания как относительно самостоятельной областью эпистемологии и философии науки»².

В виду недостаточной разработанности рассматриваемой проблемы в отечественной юриспруденции представляется целесообразным предпринять собственную попытку определения *обесценивания правовых категорий в методологическом аспекте*. Под обесцениванием научной правовой категории в данном ракурсе следует понимать такую форму ее изменения, при которой осуществляется исключение ее из понятийной системы юридической науки, вследствие утраты последней своего методологического и гносеологического значения либо происходит снижение ее ценности для теории права в качестве способа, средства познания изменяющихся правовых явлений и процессов, а также наблюдается уменьшение числа возможностей по совершенствованию с ее помощью иных форм отражения правовой действительности. В отношении же категорий системы законодательства и понятий, используемых в юридической практике на первый план выходит не методологический, а практически-прикладной аспект утраты ими ценностного содержания, что составляет хотя и взаимосвязанную, но все же отдельную проблему для рассмотрения.

За последние два десятилетия существенно возрос объем правовой информации, который формируется как правовой наукой, так и юридической практикой. В новейший период истории развития отечественной правовой системы мы становимся свидетелями колоссального умножения числа международных договоров, нормативных правовых актов, судебных решений, имеющих важный прецедентный характер, актов с нормативно-

¹ Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 12.

² Там же.

правовым содержанием, исходящих от корпораций и саморегулируемых организаций. Другими словами, поток юридически значимой информации, образуемый социально-правовой практикой, продолжает существенно усложняться и качественно, и количественно, что с особой остротой ставит проблему его упорядочения и систематизации. В деле обеспечения единства и системности правовой информации одну из главенствующих ролей играют именно юридические категории. Ситуация осложняется и тем обстоятельством, что в юридической науке наблюдается своеобразный «бум» в области внедрения все новых и новых категорий и иных понятий, призванных отразить сущность и основные закономерности государственно-правовых явлений. Однако ценность всевозможных понятийных новаций в юриспруденции и социально-правовой практике далеко не всегда является очевидной. Порой, напротив, излишняя, избыточная и необоснованная категоризация правовой информации представляет собой «антиценность», ценность со знаком «минус», что влечет за собой обесценивание уже существующих правовых категорий и (или) вновь вводимых. К сожалению, проблема обретения и трансформации ценностного содержания правовых категорий не привлекла по настоящий момент должного внимания в юридической литературе.

Вопрос о ценностном характере правовых категорий весьма тесно связан с проблемой их функционирования. Именно надлежащая реализация функций правовыми категориями составляет основу их ценностного содержания. Данная закономерность прослеживается не только в отношении понятийного аппарата юриспруденции, но и наблюдается в отношении любого общественного явления, подлежащего рассмотрению с позиции аксиологического подхода. Так, Ю.Ю. Ветютнев обоснованно утверждает: «Социальный институт, который лишен ценностного содержания, не

обладает жизнеспособностью, поскольку его функционирование не будет поддерживаться коллективными усилиями общества»¹.

В данном случае мы видим диалектическую связь между ценностным содержанием того или иного объекта и процессом его функционирования. С одной стороны, нарушение в функциях, осуществляемых определенной доктринальной правовой категорией, ведет к утрате ею ценностного содержания. С другой стороны, категория, уже лишенная ценностного характера, как правило, становится не востребована в государственно-правовых исследованиях и ее функционирование в понятийной системе правоведения практически прекращается, что ускоряет процесс ее забвения. Схожая ситуация прослеживается и с категориями законодательства. Последние обладают ценностью, в первую очередь, благодаря способности оказывать прямое или косвенное регулятивное и иное воздействие на поведение людей. В этом проявляется управленческий аспект их ценностного содержания. В противном случае, неспособность категории права выступать инструментом юридического регулирования автоматически сводит на нет ее ценностное содержание. Однако необходимо учитывать и тот факт, что правовые категории имеют полифункциональную природу, что требует комплексного подхода в обнаружении их ценностной составляющей.

Функциональный сбой в понятийной системе правоведения и юридической практики может носить единичный характер, локальный, системный, междисциплинарный характер. В любом случае нарушение в функционировании категорий приводит в определенной степени к снижению их ценности в научных исследованиях, на практике, в социально-культурном плане. Обесценивание категорий зачастую связано с функциональными нарушениями в их формировании или дальнейшем развитии. На наш взгляд, нуждается в дальнейшем осмыслении вопрос о связи пар «функция -

¹ Ветютнев Ю.Ю. Аксиология правовой формы: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 4. 200 с.

дисфункция», «ценность - обесценивание» в отношении категорий правопонимания. При этом ценность категорий может определяться как в отношении отдельной личности, коллектива, группы исследователей, научного сообщества, профессионального юридического сообщества или общества в целом. В функциональном плане обесценивание категории может иметь место, например, при отрицательном результате защиты диссертации, в которой содержится разработка определенной новой категории. Неприятие научным сообществом подобной категории и дальнейшее неиспользование подобной категории в функциональном плане в последующих научных исследованиях ведет к ее обесцениванию в гносеологическом и методологическом аспектах. В случае, когда та или иная категория не в состоянии реализовывать определенные функции, можно вести речь об утрате или снижении ее ценностного содержания. В личностном плане категория может быть ценной в виду получения ученой степени ее разработчиком, удовлетворения личных амбиций ученого, его потребностей в творчестве, карьерном росте и т.д. При этом ценностная оценка той или иной категории зависит от мировоззренческой позиции ученого, его приверженности той или иной школе права.

Отрицательный результат в ходе защиты диссертации может свидетельствовать об обесценивании отстаиваемой в работе категории для научного сообщества, но для самого соискателя она по-прежнему может иметь ценность. В рамках различного правопонимания изменяется и ценностное отношение исследователя. К примеру, если ученый является приверженцем естественно-правовой школы, то для него понятие закона менее ценно по отношению к понятию естественного права. Для представителя нормативного правопонимания будет иметь место прямо противоположное ценностное восприятие указанных категорий.

Обозначенное обстоятельство выводит нас на *проблему соотношения субъективного и объективного в ценностном содержании правовых категорий*. Диалектика субъективного и объективного в рассмотрении

информационной ценности категорий законодательства и иного нормативного материала весьма точно раскрывается Ю.В. Кудрявцевым: «...«присвоение» той или иной функции конкретному нормативному материалу осуществляется адресатом (или исследователем с точки зрения адресата) и потому содержит субъективный момент. В то же время само выделение этих функций как таковых носит объективный характер: функции, как представляется, отражают действительный характер правовой информации, функциональную «гибкость» правовых норм и их текстуального выражения, их способность удовлетворить различные информационные потребности»¹.

Продолжая данную мысль, отметим, что правовые категории приобретают ценностное содержание при непосредственном участии сознания субъекта, который и привносит элемент субъективной оценки в вопрос пользы и значения определенного юридического понятия. Порой субъективный характер ценностного содержания категорий ускользает от нашего понимания и в результате «... не отдаем себе отчета в том, что мы, субъекты наблюдения, являемся источником ценностных критериев, а не вещи и люди – объекты этого наблюдения»².

Однако правовые категории как ценности имеют и объективное содержание, что обусловлено формированием коллективного отношения к ним со стороны отдельного научного коллектива, научного юридического сообщества, а также общества в целом. В итоге та или иная юридическая категория обретает свое ценностное содержание не только благодаря индивиду с его субъективным подходом, но и в силу некой усредненной оценки коллективом людей в ходе обширной социально-правовой практики. Ввиду чего, следует согласиться с мнением Ю.Ю. Ветютнева о существенном характере коллективного момента в итоговом результате процесса

¹ Кудрявцев Ю.В. Нормы права как социальная информация. М.: Юридическая литература, 1981. С. 46. 144 с.

² Радбрух Г. Философия права. М.: Международные отношения, 2004. С. 11. 240 с.

формирования ценности правовых явлений, включая и категорий, их отражающих. «Ценности объективны в той мере, в какой они сохраняют свою групповую принадлежность. В этом смысле для конкретного человека различаются, с одной стороны, его собственные, субъективные ценности, а с другой стороны – ценности той социальной группы (общности), к которой он принадлежит. Последняя категория ценностей по отношению к нему выступает как нечто внешнее, в некотором смысле принудительное, а значит, объективное»¹.

Не вдаваясь далее в дискуссию о соотношении объективного и субъективного в ценностной характеристике правовых категорий, полагаем небезынтересным более детальное обращение к проблеме собственно функциональной ценности именно категорий юриспруденции и категорий законодательства, последние в отличие от доктринальных юридических понятий обладают определенной спецификой, что проявляется, в первую очередь, в их регулятивно-управленческой направленности по сравнению с доминирующей гносеологической ценностью у научных правовых категорий.

К примеру, ценность понятий юридических наук проявляет себя в следующих выполняемых ими функциях: познавательной, методологической, идеологической (воспитательной), социально-культурной, интегрирующей; практически-прикладной (праксиологической)².

В рамках познавательной функции ценность доктринальных правовых категорий раскрывается в их способности содействовать изучению и отражению основных закономерностей возникновения, развития и функционирования юридических явлений. Методологическая (или ее еще именуют теоретико-методологической) функция рассматриваемых категорий проявляет себя в возможности посредством их использования обнаруживать

¹ Ветютнев Ю.Ю. Аксиология правовой формы: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 22. 200 с.

² См.: Сырых В.М. История и методология юридической науки: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. С. 126 – 127, 291 – 299. 464 с.

новое знание о государственно-правовых феноменах, в их применении в качестве методов дальнейшего познания юридической действительности. Идеологическая ценность понятий правоведения состоит в том, что они представляют собой инструмент психологического, воспитательного воздействия на лиц, усваивающих готовое юридическое знание в процессе обучения или в рамках иной осуществляемой ими социально-правовой практики. Социально-культурная функция категорий юриспруденции сопряжена с их включением в качестве важнейшей составляющей в накапливаемый положительный социально-правовой опыт, который, в свою очередь, выступает частью как правовой, так и общесоциальной культуры. И наконец, практически-прикладная (праксиологическая) функция наиболее общих понятий юридической доктрины прослеживается в формировании на их основе или при их непосредственном использовании научным юридическим сообществом конкретных предложений по совершенствованию системы законодательства, правоприменительной и иной юридической практики. Именно последняя функция наиболее тесно увязывает между собой доктринальные правовые категории и понятия законодательства.

Последние имеют свою собственную специфическую функциональную ценность, что можно обнаружить, обратившись в следующем параграфе настоящей работы к установлению основных функций, реализуемых категориями законодательства и юридической практики.

С учетом изложенного, представляется обоснованным и продуктивным в плане дальнейшего изучения проблем понятийного аппарата юриспруденции и законодательства совместное применение аксиологического и функционального подходов в определении его ценностного содержания, а также для более полного объяснения динамики обретения или утраты ценностной составляющей правовых категорий. Думается, что более детальное рассмотрение функций правовых категорий на уровне общей теории государства и права, их теоретическая дифференциация

по отношению к понятиям самой юридической науки и категориям законодательства восполняет определенный пробел в понимании вопросов функциональной природы определения действительной ценности данных тесно взаимосвязанных групп юридических понятий.

§ 3.2. Информационно- управленческий и технико-юридический аспекты обесценивания категорий права и законодательства

Обращаясь к вопросу об информационной ценности правовых категорий, в первую очередь, необходимо определить саму возможность и необходимость выделения ценностного содержания в понятийном аппарате законодательства и права в целом. Наибольшее распространение ценностный подход получил в изучении самого права и аккумулируемых им нравственных идеалов – свободы, равенства, справедливости, порядка и др. Ценность права раскрывается благодаря отмеченным первичным, естественным, базовым категориям.

Однако применение аксиологии в юриспруденции предполагает также не менее важный ракурс ценностного измерения правовых явлений – функциональный или его еще именуют как инструментальный. Речь идет о наличии собственной ценности того или иного характера у различных элементов структуры права. Так, В.Г. Графский, отмечая целесообразность и продуктивность подобного рассмотрения многообразного внутреннего содержания права, указывает на необходимость учета ценностного восприятия субъектами норм, принципов, институтов, фикций, символов и иных структурных элементов норм и институтов права. При этом исследователь отдельно высказался за возможность ценностного восприятия правовых понятий: «Так, широко известные правовые конструкции и термины (например, преступление и наказание, истец и ответчик) могут восприниматься и как словесные символы для более удобного и понятного обозначения некоторых общественных ситуаций или обычаев, привычных форм общения или характерных конфликтов»¹.

¹ *Графский В.Г.* Традиции и обновление в праве: ценностное измерение перемен // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление / Отв. ред. В.С. Нерсесянц. М.: Институт государства и права РАН, 1996. С. 75.

Н. Неновски интегрируемые посредством законодательства и иных юридических форм базовые социальные ценности определил в качестве ценности права, а функциональные средства его структурного содержания обозначил как ценности в праве¹. Следовательно, понятия законодательства и юридической науки можно отнести к ценностям именно второй группы – ценностям в праве.

Схожей позиции по рассматриваемой тематике придерживается и О.В. Мартышин. По его мнению, в социальном устройстве можно выделять универсальные, первичные и инструментальные, вторичные ценности. К примеру, согласно рассматриваемой точке зрения любое отношение, принцип или правило могут выступать в качестве своего рода инструментальной ценности, которая производна, подчинена универсальным ценностям. Обращаясь к ценностному восприятию явлений в юриспруденции, автор указывает: «Применительно к государственно-правовым явлениям инструментальные ценности можно назвать правовыми или юридическими. Между ними также существует иерархия»².

При этом О.В. Мартышин делает представляющую для нас интерес оговорку о том, что более верно относить к разряду ценностей не любую норму права, а лишь ту, которая устанавливает принцип, отправное начало выходящее за рамки данной нормы или содержащего ее института. По мнению правоведа, ценностное содержание имеет норма, обладающая качеством критерия для оценки других правовых явлений. По логике автора нормы-дефиниции в праве следует отнести к таким ценностям, ибо они выходят за рамки отдельной нормы или института и призваны служить фундаментом, как правило, для достаточно обширной сферы правового регулирования – например, понятия «истец», «преступление», «уголовная

¹ См. подробнее: *Неновски Н.* Право и ценности. М., 1987. С. 65.

² *Мартышин О.В.* Проблема ценностей в теории государства и права // Государство и право. 2004. № 10. С. 7.

ответственность», «договор», «исковое заявление», «вина», «суд», «ответчик» и т.д.

В качестве итога изложения своей позиции в отношении аксиологического подхода в теории государства и права О.В. Мартышин обоснованно выделяет три основных взаимосвязанных аспекта трактовки категории «ценность» и соответствующие им группы ценностей:

- универсальные, мировоззренческие, которые применимы практически во всех сферах общественной жизни;
- право и государство как ценности;
- частные, инструментальные правовые ценности¹.

В юридической литературе можно проследить и иную методологическую интерпретацию аксиологического подхода. В частности, в своих работах Ю.Ю. Ветютнев трактует ценности не с материалистических позиций, а в качестве компонента сознания, представляя их как идейно-эмоциональные комплексы: «Специфика ценностей заключается в том, что они представляют собой результат развитого концептуального мышления, которое обнаруживает не только сам предмет заинтересованности, но и ее культурные основания, а также подыскивает для них точное словесное обозначение. Ценности – это идейно-эмоциональные комплексы, при помощи которых происходит передача значимого опыта в ходе социальной коммуникации»². В рамках данной трактовки категории юридического мышления выступают средством передачи особо ценного правового опыта, накапливаемого в ходе юридической практики. В качестве ценности предстает в итоге не столько само правовое явление, представляющее определенный интерес в сознании субъекта, коллектива или общества, а его терминологическое и дефинитивное обозначение.

¹ См.: Мартышин О.В. Указ. соч. С. 14.

² Ветютнев Ю.Ю. Аксиология правовой формы: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 3.

Таким образом, можно с определенной долей уверенности констатировать, что в юриспруденции вопрос о ценностном содержании категорий права и законодательства имеет право на постановку.

Продолжая рассмотрение аксиологического подхода в изучении права, представляется важным учитывать еще ряд предлагаемых в юридической литературе классификаций правовых ценностей. К примеру, среди них можно назвать: деление на ценности частного права и ценности публичного права; разграничение индивидуальных, групповых (коллективных) и общеправовых ценностей¹; подразделение правовых ценностей на положительные и отрицательные²; выделение ценностей-целей в праве, ценностей среднего уровня, определяющие степень развития и тип правовой культуры личности и общества, а также ценностей-средств, применяемых в механизме правового регулирования³.

Классификация ценностей в праве позволяет отразить в теории их многообразный состав, но все же не отвечает на ряд вопросов о природе ценностного содержания правовых явлений, обретении и утрате ими ценности, а также о критериях и формах ее проявления. Думается, что вопрос о ценностном характере правовых категорий весьма тесно связан с проблемой их функционирования. Именно надлежащая реализация функций правовыми категориями составляет основу их ценностного содержания. Данная закономерность прослеживается не только в отношении понятийного аппарата юриспруденции и законодательства, но и наблюдается в отношении любого общественного явления, подлежащего рассмотрению с позиции аксиологического подхода. В подтверждение данного положения приведем следующее высказывание: «Ценность права и интегрируемых правом социальных ценностных ориентации наиболее ощутима в их внешних

¹ См.: *Графский В.Г.* Указ. соч. С. 77.

² См.: *Ветютнев Ю.Ю.* Указ. соч. С. 21.

³ См.: *Бабенко А.Н.* Правовые ценности и освоение их личностью: Автореф. дисс. ...докт. юрид. наук. М.: Академия управления МВД России. 2002. С. 12.

проявлениях в процессе функционирования права...»¹. Схожую мысль обнаруживаем и в работе Ю.Ю. Ветютнева, в которой утрата ценности социального явления увязана с нарушением в его функционировании: «Социальный институт, который лишен ценностного содержания, не обладает жизнеспособностью, поскольку его функционирование не будет поддерживаться коллективными усилиями общества»².

Далее перейдем к рассмотрению непосредственно проблемы функциональной ценности именно категорий системы права и юридической практики.

Последние имеют свою собственную специфическую функциональную ценность, что можно обнаружить обратившись к установлению основных функций, реализуемых категориями законодательства и юридической практики. Законодательные понятия в комплексе выполняют следующие функции, что и составляет центральный момент в понимании их ценностного содержания:

- регулятивную, выступая в роли особого вида правовых норм, норм-дефиниций;
- инструментально-техническую как средство и особо значимый прием законотворческой и правоинтерпретационной техники³;
- интеграции нормативно-правового материала, обеспечения единства и системности законодательства;
- концептуально-идеологическую посредством понятийного выражения центральных положений закона;
- стратегического планирования дальнейшего развития законодательства, составляя важнейшую часть федеральных программ

¹ Графский В.Г. Указ. соч. С. 85.

² См.: Ветютнев Ю.Ю. Указ. соч. С. 4.

³ См.: Баранов В.М. Очерки техники правотворчества. Избранные труды. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2015. С. 240.

правотворческой деятельности на среднесрочную и долгосрочную перспективу¹;

- политическую посредством согласования интересов различных социальных групп и политических сил, что находит проявление в консенсуальном установлении единого смысла наиболее общих понятий системы законодательства;

- информационно-управленческую, которая представляет собой единство трех подфункций: ориентирующей, благодаря которой осуществляется информирование адресатов правовых норм, содержащих дефиницию понятия, об условиях или предпосылках выбора и реализации в дальнейшем того или иного варианта поведения; моделирующей (программной) подфункции, в ходе реализации которой категории позволяют уточнить для адресата само правило поведения, сокрытое в диспозиции нормы права; прогностической подфункции, содействующей учету адресатом последствий результатов своих действий, что характерно для понятий законодательства, касающихся юридической ответственности и государственного поощрения;

- восполнения и преодоления пробелов в законодательстве, а также его конкретизации, являясь средством аналогии закона и аналогии права наряду с общими принципами права (при этом необходимо учитывать тесную связь категорий законодательства и закрепленных в нем принципов, поскольку первые во многом определяют содержание последних, и наоборот);

- стабилизации и унификации системы нормативно-правовых актов, что выражается в создании посредством введения общих категорий унифицированной терминологической системы законодательства и единой дефинитивной ее составляющей.

С учетом изложенного можно предложить следующее определение рассматриваемых категорий. В самом общем виде *категории права и*

¹ См.: Там же.

юридической практики представляют собой наиболее общие понятия, вырабатываемые в ходе практической юридической деятельности, получающие формальное закрепление в официальных правовых документах в целях регулирования общественных отношений, а также способствующие обеспечению единства системы законодательства и юридической практики. При этом законодательно закрепленные категории самым тесным образом связаны с доктринальными правовыми понятиями, являются во многом взаимным порождением друг друга, что одновременно не отменяет наличия между ними некоторых различий.

В рамках одного диссертационного исследования не представляется возможным детальное рассмотрение всех моментов функциональной ценности категорий права и юридической практики, а посему полагаем возможным сконцентрировать свое внимание на информационно-управленческой функции правовых категорий и соответствующем моменте их ценностного содержания и его утраты.

Вполне очевиден тот факт, что любая категория законодательства и юридической практики представляет собой средство права как особой знаковой системы, выполняя тем самым информационную и коммуникативную функции, неся в себе определенную смысловую и информационную нагрузку. Категории, получившие официально выражение в законодательстве и иных документальных правовых формах, содержат социально ценную информацию о должном, допустимом и запрещенном вариантах поведения, что в свою очередь позволяет субъектам социальных отношений действовать на практике с учетом данных правовых требований. Наряду с этим легально закрепленные категории несут в себе информацию о правовом статусе участников правоотношений, о возможных средствах и способах реализации и защиты субъективных прав, о наличествующих юридических обязанностях субъектов права и ответственности за их неисполнение. Данные категории составляют основу коммуникационного

взаимодействия субъектов и участников юридической практики, без которой существование последней вряд ли возможно.

Можно задаться вопросом – что же дает обращение к информационной функции правовых категорий для более полного понимания их ценностного содержания? Далее представим ответ на обозначенный вопрос.

Категория как особый вид правовой информации характеризуется следующими существенными моментами:

- ее нормативно-управленческое содержание в виде соответствующей легальной дефиниции, накладывает ограничения на любую другую трактовку данного понятия в ходе юридически значимой деятельности, т.е. субъект ограничен в возможности выбора иного варианта определения данной категории за исключением законодательно закрепленного;

- в ряде случаев субъект права обязан учитывать легальную трактовку той или иной категории законодательства под угрозой наказания, что характерно для понятий, сопровождающих императивные нормативно-правовые предписания;

- несет в себе информацию об обязательных условиях, средствах и способах достижения субъектом правомерных целей, что характерно для категорий управомачивающих и поощрительных нормативных правовых предписаний;

- сообщает адресату необходимую информацию о порядке, последовательности совершения определенных юридически значимых действий и о последствиях нарушения такого порядка, что характерно для категорий процессуального права и ряда процедурных норм;

- обладает двойственным информационным характером, что выражается в различном правовом статусе противоположных сторон правоотношения, одна и та же категория противоположным образом оценивается управомоченной и обязанной стороной правоотношения, государственно-властным субъектом и подчиняющимся ему гражданином или юридическим лицом;

- степень ценности, содержащейся в ней информации, варьируется в зависимости от уровня правосознания, использующего ее субъекта (наибольшую ценность и полноту усвоения информации, содержащейся в правовой категории, можно наблюдать в отношении профессиональных участников юридической практики, а для лиц с обывденным правосознанием содержание ряда законодательных понятий и вовсе не имеет информационной ценности в силу недостаточности юридических знаний);

- ее ценность в информационно-управленческом плане определяется иерархическим строением системы законодательства, что также предполагает большую информационно-управленческую ценность категорий конституционного права, чуть меньшую понятий иных базовых отраслей российского права и подчиненный им характер всех иных легальных дефиниций;

- по сравнению с другими видами правовой информации категория наряду с принципами права содержит наиболее общие сведения о юридических явлениях, отличается наивысшей степенью обобщения нормативно-правового материала, что означает наличие у нее особой, повышенной ценности для субъектов юридической практики по сравнению с обычными нормами права – правилами поведения;

- обретение и утрата ею информационно-управленческой ценности связана с моментом вступления в действие и прекращением действия соответствующего нормативного правового акта или иного формально-юридического источника, а также ее ценность сопряжена с действием нормативных правовых актов и иных юридических документов в пространстве и по кругу лиц;

- ее информационное и регулятивное обесценивание может иметь место ввиду социально-правового устаревания, отставания от уровня развития определенной группы или рода общественных отношений, регулируемых правом с опорой на данную категорию;

- измерение ее ценности сопряжено с рядом трудностей, что характерно и для иных видов социальной информации, что требует использования в комплексе социологического, системного, функционального, аксиологического и формально-юридического методов;

- основным объективным критерием ее информационно-управленческой ценности выступает ее способность «уничтожать» неопределенность в механизме правового регулирования, а также способность обеспечивать единство, системную целостность нормативно-правовой материи, субъективные же критерии оценки категории весьма многообразны и не поддаются строгому количественному и качественному описанию.

Исследование информационной ценности правовых категорий с необходимостью выводит нас на проблему методики ее измерения. Теоретическое осмысление сущности, видов, функций и параметров измерения ценности правовой информации в наиболее полном виде, на наш взгляд, представлено в работе Ю.В. Кудрявцева¹. Положения, содержащиеся в его исследовании, могут быть использованы и применительно к измерению информационной ценности категории права и юридической практики.

По справедливому и обоснованному мнению автора, количественное измерение ценности правовых категорий, как и иного вида правовой информации, способствует решению следующих задач:

- унифицировать ее определение и создать единый масштаб измерения, обеспечить также оценку «информационного качества» всей системы нормативных правовых актов;

- создать ряд условий для более эффективной автоматизированной обработки правовых категорий;

- обеспечить один из этапов социологического исследования функций и качества правовых категорий;

¹ См.: Кудрявцев Ю.В. Нормы права как социальная информация. М.: Юридическая литература, 1981. С. 5 – 10 и др.

- сократить число и объем дефиниций законодательных понятий, унифицировать понятийный аппарат системы нормативных правовых актов;

- содействовать учету информационных потребностей адресатов правовой информации, подбору оптимальной формы доведения до сведения адресатов дефиниции правовой категории — в виде полного текста нормативного акта или его части, указания адреса размещения текста документа, выдержки из текста или перефразирования для удобства понимания определения законодательной категории¹.

Подводя итог изложению вопроса об управленческо-информационной ценности категорий права и юридической практики, необходимо отметить непрерывный процесс количественного умножения и качественного усложнения понятийного аппарата российского законодательства, который со все большей остротой ставит вопрос о необходимости научно-обоснованного определения всех основных моментов ценностного содержания правовых понятий, нахождения оптимального числа категорий для той или иной отрасли законодательства, выбора надлежащей юридической формы их закрепления, а также критериев и правил их формирования в правотворческой практике и применения на практике. Отдельной относительно самостоятельной проблемой в научно-практическом плане является задача по мониторингу понятийной системы действующего законодательства, которая не может быть решена без надлежащего теоретического осмысления ценностного содержания правовых категорий.

Ценность и обесценивание категорий в правотворческой, правоинтерпретационной и иной юридической деятельности.

В истории развития российской правовой системы наблюдается непрерывный процесс количественного роста и качественного усложнения понятийного аппарата законодательства, что существенным образом

¹ См.: Кудрявцев Ю.В. Указ. соч. С. 101 – 102 и др.

актуализирует вопрос о необходимости научно-обоснованного определения правил и критериев оценки юридических категорий в правоинтерпретационной деятельности, а также установления их ценностного содержания и его влияния на процесс толкования норм права. Отдельной относительно самостоятельной проблемой в научно-практическом плане является задача по уяснению и разъяснению смысла легально закрепленных понятий в деле системного толкования предписаний законодательства, которая не может быть решена без надлежащего теоретического осмысления вопросов оценки и ценностного содержания правовых категорий.

Излагая вопрос о значении правовых категорий в процессе толкования норм права сразу же необходимо выделить два основных аспекта данной проблемы. Первый из них касается анализа возможностей использования доктринальных (теоретических) понятий, вырабатываемых юридической наукой, в практической правоинтерпретационной деятельности. Второй аспект предполагает рассмотрение специфики толкования собственно легально закрепленных понятий, напрямую выраженных в тексте законодательства. Предлагаем сконцентрировать внимание именно на последнем моменте заявленной проблематики.

В процессе правоинтерпретационной деятельности следует учитывать два вида дефиниций правовых категорий в законодательстве – номинальные и реальные. Специфика первых заключается в перечневом способе изложения определения понятия. К примеру, в налоговом законодательстве имеет место номинальная дефиниция категории «физические лица» - это граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства. В той же отрасли законодательства используется и реальные определения правовых категорий. Так, под индивидуальными предпринимателями предписывается понимать физических лиц, зарегистрированных в установленном законом порядке и осуществляющих предпринимательскую деятельность на началах риска без образования

юридического лица в целях извлечения прибыли (ст. 11 Налогового кодекса РФ).

При этом в литературе обоснованно предлагается также анализировать в процессе толкования структуру дефиниций правовых категорий, которая включает в себя две части – определяемое и определяющее¹. Истолкование понятий предполагает использование по-меньшей мере двух способов – грамматического (языкового) и логического. Последние неразрывно связаны между собой, что не отменяет их относительно самостоятельного значения в правоинтерпретационной деятельности. В данном случае можно привести следующее высказывание, весьма точно поясняющее причину и суть различия указанных способов: «Хотя понятие и слово, суждение и предложение находятся в неразрывном единстве содержания и формы, но это единство не есть их тождество»². Само же толкование категории законодательства представляет собой процесс раскрытия его смысла интерпретатором посредством развертывания соответствующей дефиниции (как сжатого суждения) в совокупность взаимосвязанных более детальных суждений о содержании, признаках и объеме анализируемого понятия.

Ценность законодательной категории в правоинтерпретационной деятельности заключена в том, что категория будучи результатом синтеза целого ряда суждений и умозаключений о важнейших средствах правового регулирования, составляет наряду с иными подобными понятиями смысловое ядро системы нормативных правовых актов, которое во многом предопределяет понимание иных компонентов, предписаний законодательства. В юридической литературе ценностное содержание легально закрепленных категорий раскрывается в таких характеристиках, как:

¹ См.: Кнапп В., Герлох А. Логика в правовом сознании / Пер. с чешск. М., 1987. С. 291.

² Черданцев А.Ф. толкование права и договора: Учебное пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. С. 53. (381 с.). С. 112.

- особая смысловая, сконцентрированная информационная нагрузка законодательной дефиниции, выражает наиболее устойчивые, повторяющиеся связи правовой действительности¹ (гносеологическая ценность);

- уяснение смыслового содержания правовых категорий служит неотъемлемым средством обеспечения функционирования норм-правил поведения в праве, законодательная категория выступает способом формализации норм права (функциональная² или формализационная ценность³);

- посредством правовых категорий обеспечивается системное единство нормативных предписаний в праве и законодательстве⁴, «главная функция дефиниции – обеспечить единообразие в понимании правовых велений не только конкретного нормативного акта, но и всего законодательства»⁵ (систематизирующая ценность);

- законодательные категории, будучи вспомогательным инструментом в процессе правового регулирования, выступая своеобразными «трафаретами» в деле юридической квалификации реальных жизненных обстоятельств, не имеют самостоятельного регулятивного знания⁶, но все же незримо сопровождают процесс применения права и иные формы его реализации, что находит отражение в правоинтерпретационной деятельности

¹ См.: *Вопленко Н.Н.* Общая теория реализации права и правоприменительная деятельность следователя // Проблемы применения правовых норм на предварительном следствии. Волгоград, 1982. С. 7.

² См.: *Чернобель Г.Т.* Формализация норм права // Советское государство и право. 1979. № 4. С. 34.

³ См.: *Бабаев В.К.* Правовая система общества // Общая теория права. Нижний Новгород, 1993. С. 93.

⁴ См.: *Кашанина Т.В.* Правовые понятия как средство выражения содержания права // Советское государство и право. 1981. № 1. С. 38.

⁵ См.: *Давыдова М.Л.* Нормативно-правовое предписание. Природа, типология, технико-юридическое. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. С. 81.

⁶ См.: *Давыдова М.Л.* Нормативно-правовое предписание. Природа, типология, технико-юридическое. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. С. 79; *Горшенев В.М.* Нетипичные нормативные предписания в праве // Советское государство и право. 1978, № 3. С. 117.

соответствующих субъектов и позволяет вести речь о регулятивной ценности подобных категорий.

В рамках правоинтерпретационной техники соотношение словесной формы и смыслового содержания понятия выражается в ряде моментов:

- отдельные понятия, число которых в законодательстве весьма значительно, терминологически отражены соответствующей словесной группой (например, «административная ответственность», «субъект преступления», «материальная ответственность работника», «право граждан на участие в управлении делами государства», «банкротство физических лиц» и т.д.);

- дефиниции законодательных категорий в отличие от понятий юридической науки содержат лишь тот набор признаков, который является достаточным для целей правового регулирования, что предполагает по возможности достаточно краткую словесную формулировку;

- в языковой форме зачастую выражается не все содержание правовой категории, а лишь определенная его часть, что приводит к различной степени точности и полноты словесного закрепления дефиниции понятия и как следствие создает трудности в правоинтерпретационной деятельности;

- для правильного истолкования отдельных законодательных категорий недостаточно знания общеупотребительного значения термина, что требует обращения к системному способу толкования – поиску связей между целым рядом правовых понятий в целях нахождения их точного смысла в юридическом плане;

- нормативно закрепленные понятия взаимосвязаны между собой, их смысловое значение раскрывается интерпретатором друг через друга, одно понятие служит инструментом для установления объема и содержания

другого, что свидетельствует о наличии целой категориальной системы нормативно-правовой материи¹;

- связи между законодательными категориями оформляются зачастую посредством целого ряда отсылок (ярким примером чему служит отсылка, предусмотренная ст. 11 Налогового кодекса РФ, согласно которой понятия и термины семейного, гражданского, и иных отраслей законодательства, используемые в данном Кодексе, применяются в том значении, в каком они используются в этих отраслях законодательства за исключением случаев, прямо оговоренных настоящим Кодексом);

- одно и то же слово или словосочетание может обозначать различные по смыслу понятия законодательства – к примеру термин «премия» имеет отличную смысловую нагрузку в гражданском и трудовом праве, термин «залог» - в уголовном процессуальном и гражданском праве;

- возможны случаи выражения одного и того же понятия в тексте законодательства рядом равнозначных слов-синонимов, что вряд ли стоит приветствовать в плане точности и однозначности выражения воли правотворческого органа;

- для легального закрепления понятий зачастую используется специально-юридическая терминология, не имеющая аналогов в обиходной речи – например, эвикция, эмансипация, виндикация, экстрадиция, правоспособность, дееспособность и т.д.;

- в нормативно-правовой системе наличествуют категории различной степени определенности, включая оценочные понятия, имеющие самый общий характер, а составляющие их признаки являются частично определенными (например, «легкий вред здоровью», «существенный вред», «добросовестность», «разумность», «уважительная причина», «порочащие

¹ См.: *Давыдова М.Л.* Нормативно-правовое предписание. Природа, типология, технико-юридическое. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. С. 76; *Хижняк С.П.* Юридическая терминология: формирование и состав. Саратов, 1997. С. 24 и др.

сведения», «соразмерный срок»), что предполагает возможность достаточно широкого усмотрения со стороны интерпретатора¹.

Законодательные понятия и их дефиниции выступают подлинной ценностью в практическом плане лишь при соблюдении ряда условий и правил в ходе их толкования, что обеспечивает в итоге правильное применение норм права и достижение целей правового регулирования. Таким образом, правила и средства толкования легальных категорий выступают важнейшей гарантией обеспечения их ценности в юридической практике. Напротив, нарушение правил и процедур по толкованию правовых категорий снижает их практическую ценность, а в случае систематического их игнорирования и вовсе приводит к обесцениванию категориального аппарата законодательства в правоприменении.

В обобщенном виде можно выделить следующие основные требования к процессу толкования правовых категорий, гарантии (условия) их практической ценности:

- закрепленная в нормативном правовом акте дефиниция понятия имеет приоритетное значение по сравнению с его значением в обыденном языке;

- следует признавать недопустимым перенос в ходе интерпретации определенного законодателем значения понятия для одной отрасли права в другую без достаточных оснований (в любом случае необходимо убедиться в отсутствии препятствий для подобной аналогии, особенно при наличии отраслевой специализации правовых понятий);

- при отсутствии нормативно закрепленной дефиниции категории, используемой в законодательстве, приоритет следует отдавать ее определению, изложенному в актах официального толкования или же ее устоявшемуся значению, представленному в иных формах юридической практики;

¹ См.: Черданцев А.Ф. толкование права и договора: Учебное пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. С. 53. (381 с.). С. 114.

- в целях обеспечения стабильности и определенности понятийного аппарата законодательства его категориям надлежит придавать тот смысл, в котором они использовались в момент принятия (или издания) нормативного правового акта¹ (в данном случае речь идет о нежелательности так называемого «приспособления», «подгонки» законодательных дефиниций в ходе их толкования под изменившиеся со временем общественные отношения, интерпретатор не должен подменять собой законодателя).

Однако несмотря на требование о стабильности понятийных конструкций законодательства, следует согласиться с М.Л. Давыдовой и Л.С. Явичем в том, что не следует считать правовые категории абсолютными и неизменными ценностями, «понятийными аксиомами»². Диалектика их развития сопряжена с нахождением определенного баланса между двумя тенденциями – стабильностью, определенностью и изменчивостью, адаптивностью.

При этом следует поддержать идею о том, что в абстрактном характере дефиниций значительного числа категорий законодательства заложена их способность сохранять свою практическую и функциональную ценность на протяжении достаточно длительного времени. Вопрос об утрате ими ценности возникает преимущественно лишь в случаях неспособности рассматриваемых категорий служить средством удовлетворения существенным образом изменившихся потребностей личности, общества и государства.

Рассмотрение вопроса о значении правовых категориях в правоинтерпретационной деятельности тесным образом соприкасается с проблемой разграничения их оценки и ценностного содержания. В целом

¹ См.: *Черданцев А.Ф.* толкование права и договора: Учебное пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. С. 53. (381 с.). С. 143.

² *Давыдова М.Л.* Нормативно-правовое предписание. Природа, типология, технико-юридическое. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. С. 76; 13. *Явич Л.С.* Право развитого социалистического общества. С. 39–40.

можно констатировать, что не всякая оценка ведет к установлению ценности правовых категорий. Инструмент оценки категориального аппарата законодательства может преследовать различные цели. Так, А.Ф. Черданцев обоснованно указал на наличие неаксиологических форм оценки понятий в ходе юридической квалификации, сопоставления факта с определенной нормой права, сравнительные количественные оценки при установлении параметров вреда здоровью, существенности размера имущественного ущерба и т.д.¹ Оценка далеко не всегда выражает отношение субъекта или их сообщества к тому или иному правовому явлению, категории с позиции ценностного подхода. Однако именно через оценку как особый мыслительный акт мы получаем отражение ценностного содержания правовых категорий (речь идет именно о законодательно закрепленных понятиях) с целью выяснения их способности удовлетворять определенные потребности личности, общества и государства в ходе правового регулирования.

Различие между оценкой и ценностью заключается еще и в том, что оценка может быть как положительной, так и отрицательной, но ценность законодательных категорий не может характеризоваться в качестве отрицательной². Ценность сама по себе рассматривается как исключительно положительный итог оценки категории на предмет возможности удовлетворения посредством ее использования тех или иных социальных потребностей. Те же категории, которые не имеют такой способности или утратили ее по каким-либо причинам, не представляют собой ценности, не несут в себе ценностного содержания. На практике возможны случаи негативного действия со стороны законодательно выраженных категорий, имеющих дефект формы или содержания. Однако данное обстоятельство не позволяет утверждать о наличии у них некоей ценности.

¹ См.: Черданцев А.Ф. толкование права и договора: Учебное пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. (381 с.). С. 197.

² См.: Тугаринов В.П. Теория ценностей в марксизме. Л.: ЛГУ, 1968. С. 13.

В юридической литературе нет единства мнений по данному вопросу. Так, Ю.Ю. Ветютнев, напротив, исследуя аксиологическую природу права, полагает целесообразным выделение у юридических явлений и отражающих их понятий наряду с положительной и отрицательной ценности: «Объективное понимание социальной ценности права прежде всего требует последовательной дифференциации различных аксиологических характеристик этого явления культуры. В первую очередь необходимо разграничить положительную и отрицательную ценность права – оба этих аспекта, бесспорно, присущи ему, как и любому другому институту»¹.

Думается, что ценностный подход в анализе того или иного предмета преследует все же иную функцию. Ценностный анализ, в первую очередь, предполагает отыскание таких свойств у правовых категорий, которые позволяют удовлетворять социальные потребности. Те же понятийные конструкции, которые утрачивают указанную способность, более точно полагаем трактовать в теории и на практике в качестве утративших социальную ценность. С учетом изложенного, представляется целесообразной и более точной постановка проблемы обесценивания правовых категорий, а не их рассмотрение в качестве понятий с отрицательной ценностью. Обесценивание категорий законодательства проявляет себя и в ходе правоинтерпретационной деятельности, что выражается зачастую в невозможности их точного и однозначного толкования в силу дефектов формулировки, их несоответствии потребностям юридической практики и изменившимся общественным отношениям, коллизионности их дефиниций и т.д.

Продолжая раскрытие вопроса о соотношении оценки и ценности правовых категорий, следует обратить внимание и на то обстоятельство, что более верным полагаем вести речь о выделении именно критериев оценки

¹ Ветютнев Ю.Ю. Аксиология правовой формы: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 5. 200 с.

категорий, а не критериев самого ценностного содержания. Критериями оценки правовых категорий выступают различного рода образцы, шаблоны и стандарты, складывающиеся в ходе того или иного вида юридической деятельности. Кроме того, сами понятийные конструкции законодательства используются в качестве своеобразного инструмента оценки, юридической квалификации фактических обстоятельств, что наиболее ярко можно продемонстрировать на примере таких оценочных понятий, как «добросовестность», «разумность», «заведомо ложная информация», «развратные действия», «существенные нарушения» и др. Способность правовых категорий служить масштабом оценки в рамках правоинтерпретационной деятельности составляет относительно самостоятельный момент содержания их практической ценности.

В отношении проблемы определения критериев нахождения самой ценности правовых категорий следует пояснить, что в этом деле наиболее целесообразно обращение к вопросу об их функциональных возможностях. Именно в способности категорий законодательства выполнять определенные социально-юридически значимые функции и кроется их ценностное содержание. Таким образом, важнейшим критерием определения уровня ценностного содержания той или иной правовой категории выступает ее способность служить средством удовлетворения социально-правовых потребностей. В отношении же правоинтерпретационной деятельности ценность законодательных категорий устанавливается посредством оценки их функциональных возможностей в деле наиболее полного и точного установления смысла нормативных правовых предписаний. Правила же и требования к процессу толкования правовых категорий являются средствами, гарантиями обеспечения их ценности в процессе правоинтерпретации и правоприменения.

§ 3.3. Обесценивание правовых категорий как закономерный исторический процесс развития российской правовой действительности

Обесценивание правовых категорий представляет собой не одномоментный результат, а являет собой весьма длительный процесс разворачивающийся в ходе исторической трансформации социально-правовой действительности. Как обретение ценностного содержания правовой категорией, так и его утрата зачастую обусловлены объективными причинами, коренящимися в экономическом, политическом, социально-культурном преобразовании российского общества. Подобный вариант обесценивания правовых категорий следует признавать закономерным и естественным этапом в развитии понятийного аппарата законодательства и юридической науки.

Справедливыми в данном отношении представляются утверждения ряда исследователей о зависимости юридических ценностей от конкретно-исторических условий: «Ценности в процессе развития человеческого общества изменяются, теряют очертания; то, что было ценно на определенных этапах, при других обстоятельствах утрачивает свое значение»¹. В качестве примера можно привести еще одно схожее утверждение: «Характер и состояние правовых ценностей общества как структурного ядра правовой культуры существенно зависят от действия долговременных исторических факторов, определяющих тип и общую конфигурацию традиции правопонимания»².

В целом в юридической науке ставится вопрос и о прогрессивной направленности исторического развития правовых ценностей, их социально-экономической обусловленности. Прогресс права и содержащихся в нем

¹ *Балаяни М.С.* Фундаментальные правовые ценности современного общества: автореф. ... дис. ... на канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2007. С. 6. 25 с.

² *Пшидаток В.Е.* Трансформация правосознания и правовых ценностей в условиях становления демократии и гражданского общества в современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.01. Ростов-на-Дону, 2007. С. 9. 30 с.

категорий по сути неотделим от социального прогресса. *Социальная ценность правовых понятий переменная величина, как и их «антиценность».* Действительная ценность правовых категорий имеет объективный характер, хотя и отягощена активным участием субъектов, формируется благодаря и в ходе их сознательной деятельности. Этот тезис подтверждается следующими обстоятельствами: 1) свойство права и его категорий служить средством удовлетворения потребностей и реализации интересов субъектов даны объективно в силу существования самого общества и генеральной потребности в упорядоченности составляющих его социальных отношений; 2) интересы и потребности индивидов, их групп и общества в целом имеют материально обусловленный характер.

При этом следует придерживаться позиции о необходимости разграничения самого акта сознательно-волевой оценки той или иной правовой категории на предмет ее способности выступать действенным инструментом удовлетворения потребностей и собственно ее социальной ценности в объективном плане. Оценка категории права как отдельный акт принадлежит сфере правосознания, который порой получает и материальную форму воплощения в правоинтерпретационном акте, в договоре или ином юридическом документе. Подобный отдельный акт имеет зачастую субъективную оценку того или иного понятия права. Однако если брать сумму таких актов оценки в течение длительного времени, то можно вывести объективно присущее ценностное содержание понятия, что уже не принадлежит исключительно сфере сознания отдельного индивида. Правосознание лица, применяющего право, адвоката, обычного гражданина может содержать субъективное отражение объективно существующей ценности правовой категории. Между субъектом и правовой категорией, взятой в целях удовлетворения его потребностей в познании права, в целях защиты своих законных интересов и иных, устанавливается ценностное отношение, которое может измеряться от положительного до отрицательного значения.

Далее рассматривая вопрос об оценке, ценности и ценностном отношении к правовым категориям, необходимо обратить внимание еще на один немаловажный нюанс, который обоснованно выделил в своей работе Н. Неновски: «Поскольку ценности проявляются в реальном человеческом бытии, многие авторы отождествляют ценность с ценностным отношением. Однако между этими двумя понятиями можно обнаружить разницу. Говоря «ценность», мы подразумеваем прежде всего обращенные к человеку и нужные ему свойства предмета; говоря «ценностное отношение», подразумеваем отношение субъекта к объекту, в рамках которого предмет может быть не только ценностью, но и антиценностью или нейтральным в аксиологическом смысле. Если ценностное отношение тесно связано с ценностью, то оценочное отношение – с оценкой. Первое отличается объективным характером, второе - субъективным»¹.

Оценки в юридической деятельности имеют самый разнообразный характер, используются они и в юридической науке. Ярким примером оценки выступает правовая квалификация содеянного в ходе правоприменительной деятельности. Оценка имеет место в научно-познавательной деятельности исследователя, производящего оценку наблюдаемого явления, формируемой правовой категории, выявленной закономерности в государственно-правовой реальности. Сама по себе оценка не формирует ценности и не лишает ее в отношении используемой правовой категории. Ценностное содержание правовых категорий оформляется в течение многократного ее использования в практической деятельности людей. То же самое можно утверждать в отношении обратного процесса – в виде утраты категорией собственной ценности.

В практическом плане наряду с социально-экономическим развитием общества важным критерием ценности или обесценивания правовой категории выступает и судебная, правотворческая и иная юридическая

¹ Неновски Н. Право и ценности: Пер. с болг. / Вступ. Ст. и пер. В.М. Сафронова; под ред. В.Д. Зорькина. М.: Прогресс, 1987. С. 27. 248 с.

практика. Каждый новый виток в развитии последней вносит новые ценностные критерии, меняет содержание старых в отношении правовых категорий. При этом нельзя исключать борьбы различных ценностей в праве и юридической деятельности. Столкновение ценностей и установление их баланса в правовой сфере общества также имеет исторически и объективно обусловленный характер. Именно в ходе подобной борьбы ценностей в праве были выработаны такие правовые категории, как «право частной собственности», «право на жизнь», «право на судебную защиту», «право на участие в управлении делами государства» и многие другие.

Указанные общеправовые ценности и отражающие их категории не существуют вне времени и социального пространства, они неотделимы от соответствующего конкретно-исторического периода развития общества. Диалектика обретения и утраты ценности правовыми категориями подчиняется общей закономерности социально-экономического и политико-правового развития социума. Обесценивание категорий с необходимостью сменяется трансформацией их содержания, заменой новыми понятиями, что не исключает между ними определенной степени преемственности. В качестве примера можно назвать трансформацию идей и понятий правового государства и прав человека, которые наполняются изменяющимся ценностным содержанием в зависимости от дальнейшего развития общественных отношений. Правовые категории и элементы их ценностного содержания, связанные лишь с отдельно взятой эпохой или конкретным обществом, при переходе к следующему этапу развития или в рамках другого общества могут обесцениваться, превращаться в «неценности», изменяться или предаваться забвению. Так, понятия крепостного права при переходе к капиталистическому типу права и государства утратили свою социальную ценность и остались лишь в виде историко-правовых памятников предыдущей эпохи. В свое время та же участь постигла такое правовое понятие, как «плановый договор», при переходе от социалистического типа экономики к рыночной.

В рамках исторических закономерностей меняются и обесцениваются не только отдельные правовые категории, но и их система в целом. В системе их иерархического построения в ценностном отношении возможна существенная системная перестановка. При этом не исключен и регресс в ходе поступательного развития категорий права и юридической науки.

История становления и развития человеческого общества свидетельствует о том, что на ранних этапах ценностные критерии вовсе не обозначались в отношении социальных явлений и отражающих их понятий. Правовые нормы и содержащиеся в них категории были не отделимы от религиозных и мифических представлений и предписаний. Ценность большинства социальных явлений и вовсе не подвергалась сознательному осмыслению и ценностному восприятию. Прогресс в правовой системе ознаменовался в том числе и тем, что правовые категории стали выражать и ценностное отношение к соответствующим юридическим феноменам на основе теоретического рационального мышления.

Кроме того, право и его категории следует оценивать, как определенный исторический тип, призванный обслуживать конкретный тип социально-экономических отношений. По верному утверждению Н. Неновски, «оценка права в свете отношения «базис – надстройка» позволяет нам увидеть историчность права»¹. Таким образом, можно заключить, что критерий ценностной оценки права и правовых категорий имеет относительный характер с точки зрения естественно-исторического процесса развития общества. В свою очередь, право является конкретно-историческим понятием с постоянно меняющейся ценностной сущностью. Отдельные правовые категории (например, демократия, права человека, избирательное право, судебная защита, право на жизнь и др.) могут быть ценными для одних обществ с высоким уровнем социально-экономического развития и не

¹ Неновски Н. Указ. Соч. С. 238.

имеющим ценностного содержания для других, находящихся на более низких ступенях социальной эволюции.

Проблема обесценивания правовых категорий ввиду исторической трансформации самого общества, его интересов и потребностей в определенной мере затронута и в трудах иных зарубежных исследователей. Так, Харт и ряд других авторов в своих работах отмечали тот факт, что раз и навсегда данные юридические понятия не способны сохранять свою ценность на протяжении длительного промежутка времени как для теории права, так и для юридической практики¹. Они рано или поздно становятся бесполезными, не имеющими ни функциональной, ни содержательной ценности в силу собственного «устаревания». При этом юриспруденция не может обойтись без четких и ясных категорий, отражающих правовые явления. Харт полагал «открытость» одним из наиболее фундаментальных признаков-требований эмпирических правовых понятий. Определенную степень «гибкости», «неопределенности» правовых категорий зарубежный автор считал в ряде случаев своеобразным «достоинством».

Схожей позиции придерживался и У. Черрон, полагая, что неопределенность понятия может быть ценной в законах, регламентирующих гражданские права, но одновременно и социально-вредной в законодательных актах, устанавливающих запреты. Следовательно, по мнению У. Черрона, в Конституции США ее авторы оставили ряд ключевых понятий в достаточной степени неопределенными, предвидя необходимость их нового толкования в изменяющихся исторических условиях в целях учета возможного появления новых нужд и потребностей развивающегося американского общества. По словам исследователя «Конституция – это формальный «идеал», содержание которого раскрывается в истории»².

¹ См.: Юридические понятия и язык права в современных зарубежных исследованиях. Научно-аналитический обзор / Отв. ред. Н.Н. Разумович. М.: ИНИОН АН СССР, 1986. С. 34. 71 с.

² Там же. С. 35.

Примером «устаревания», обесценивания содержания правовой категории в зарубежной юридической литературе выступает практика использования понятия «жестокое и необычное наказание». В 19 веке данная категория использовалась в американском законодательстве посредством перечневого определения ее объема. Под жестоким и необычным наказанием понимались – четвертование, сожжение заживо, распятие, колесование и иные жестокие способы лишения жизни. Однако с течением времени указанные наказания перестали применяться, что сделало понятие «жестокое и необычное наказание» ненужным, неценным для практики. В этой связи в начале 20 века Верховный Суд США определил рассматриваемую категорию как оценочную, представляющую собой нравственную оценку. «В своем толковании Суд исходил из того, что формальный идеал этой статьи – обеспечить гуманное отношение к преступникам, защитить достоинство личности в любых исторических условиях»¹. В уточненном виде категория «жестокое и необычное наказание» стала широко применяться в качестве идейной основы принципа гуманизма юридической ответственности в судебных решениях, что явилось ярким примером обесценивания старого содержания правового понятия и его своевременную трансформацию в целях соответствия новым историческим условиям жизни общества.

В отношении же правовых категорий уголовного права У Черрон полагал недопустимой неопределенность их содержания. К примеру, у правоприменителя не должно быть каких-либо сомнений в трактовке того, какие деяния уголовный закон относит к преступным. В отношении ряда понятий публичного права «гибкость» их содержания не является ценной, напротив, она подлежит исключению. В случае «устаревания» содержания категорий публично-правового характера наиболее желателен путь их своевременного законодательного изменения или исключения.

¹ Charron W. Some legal definitions and semiotics: Toward a general theory. *Semiotica The Hague*. 1980. Vol. 32. № 1/2. Pp. 35 – 51.

В зарубежной юриспруденции представлены и иные точки зрения на «текучесть» правовых понятий. В частности, Э. Макай в работе «Неясные понятия в праве или экономия неточности» указал на тот факт, что законодатель преднамеренно устанавливает в праве «гибкие» понятия в целях последующего использования в отношении них судебного усмотрения. Исследователь обосновал позицию о необходимости «неопределенных» понятий для «уменьшения издержек при функционировании правовой системы»¹. В соответствии с данной позицией правовые категории с «гибким» содержанием не требуют постоянного законодательного уточнения, позволяют экономить усилия законодателя благодаря возможности текущего их уточнения в ходе судебной практики. Таким образом, фактически осуществляется решение проблемы по предотвращению обесценивания правовых категорий в ходе исторического развития общества.

Особо следует подчеркнуть то, что далеко не любое обесценивание правовых категорий можно признать в качестве некоего отрицательного процесса. Утрата правовой категорией ценности в ходе эволюционного развития общественных отношений является естественной и закономерной. Следовательно, в подобном случае присутствует естественно-исторический процесс трансформации понятийной системы в праве и юридической науке. Объективно обусловленное обесценивание правовых категорий является не деструктивным, а, напротив, - конструктивным моментом в правовой действительности. В результате обесценивание категорий предстает как диалектический процесс, сочетающий в себе отрицательные и позитивные стороны социально-правовой эволюции.

Весьма близко соприкасается с рассматриваемой проблемой явление правового нигилизма, имеющего своим содержанием отрицание правовых ценностей. Однако не всякое отрицание ценности правовых идей и категорий

¹ Цит. по: Юридические понятия и язык права в современных зарубежных исследованиях. Научно-аналитический обзор / Отв. ред. Н.Н. Разумович. М.: ИНИОН АН СССР, 1986. С. 36.

следует признавать социально- вредным. По этому поводу Н.И. Матузов весьма точно указывает: «Когда нигилизм становится естественным (объективным) отрицанием старого, заскорузлого, реакционного (например, рабства, крепостничества, всех форм деспотизма, порабощения и т.д.), он перестает быть нигилизмом, равно как отрицание многих мрачных и даже трагических страниц из нашего недавнего прошлого, прежде всего, в государственной и политико-правовой сферах жизни общества, вполне справедливо и оправданно, т. к. представляет собой неизбежный процесс обновления, тем более, когда речь идет об эволюционном развитии»¹. Согласно данному авторитетному мнению, речь идет об объективном отрицании ценности социально «устаревших», обесценившихся категорий, имевших в свое время правовое выражение. Нигилистическим отрицанием ценности правовых категорий будет лишь то, которое неоправданно исторически изменившимися потребностями и интересами общества.

Весьма важно проводить четкую грань между своевременным обнаружением ценностной утраты содержания той или иной правовой категории по объективным причинам и волюнтаристским «сломом» ценностного категориального каркаса права и юриспруденции. Первый момент имеет конструктивную природу, а второй – крайне деструктивную. Постепенная эволюционная трансформация ценностного содержания правовых категорий есть естественный исторический процесс, ход которого неизбежен. При этом желательно прибегать к цивилизованным формам подобных трансформаций посредством достижения общественного компромисса интересов, использования законодательных процедур по смене понятийных конструкций на практике, а в юридической науке – путем должной научной дискуссии, надлежащего теоретического обоснования. Ошибки в данном деле чреваты расширением сферы проникновения правового нигилизма в сознание отдельной личности и

¹ Матузов Н.И. Правовой нигилизм как образ жизни // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 4(87). С. 18. (С. 17 – 33).

общества в целом. Тотальное же отречение от ранее установленных правовых ценностей чревато полным «бессилием» права, его «вырождением», что, конечно же, является недопустимым шагом в социально-правовом обустройстве. Другими словами, требуется, чтобы созидательные начала уравновешивали разрушительные силы в процессе государственно-правовой эволюции.

Возникают вопросы: в каком соотношении надлежит рассматривать процесс обесценивания правовых категорий и правовой нигилизм; всякое ли обесценивание правовых категорий вызывает к жизни правовой нигилизм; каким образом последний оказывает влияние на трансформацию правовых категорий; каковы причины и условия ценностного отрицания правовых категорий в сознании человека и др. Данные вопросы станут предметом рассмотрения следующего параграфа настоящей работы.

§ 3.4. Взаимосвязь обесценивания правовых категорий с правовым нигилизмом

В современных условиях развития российского общества значимость изучения ценностного содержания правовых категорий и его утраты особенно актуально ввиду неразвитости правового сознания значительной части населения. Правовой нигилизм глубоко укоренился не только в сознании граждан, но и в менталитете государственных служащих, что вызывает особые опасения и требует своевременного научно-теоретического осмысления и точного реагирования со стороны государства и его правовой политики. Состояние осознания правовых ценностей у россиян далеко от требуемого идеала и сопровождается зачастую устойчивой мотивационной установкой на противоправное поведение. Проблема ценности правовых категорий как фундаментальной основы правосознания является нам в новом свете, когда мы обращаемся к вопросу о глубине и широте охвата правовым нигилизмом групп и слоев российского общества с позиции безопасности государства, обеспечения правопорядка и законности в стране.

Вопрос о взаимном влиянии и соотношении процесса обесценивания правовых категорий и правового нигилизма не привлек должного внимания в отечественной юридической литературе. В основном исследователи сосредоточили свои усилия на изучении понятия, причин, видов и форм проявления правового нигилизма¹. Проблема утраты категориями

¹ См., например: *Алтутнина И.С.* Правовой нигилизм в системе понятий теории правовой культуры общества // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 7. С. 91 – 93; *Белкин Л.М.* Генезис правового нигилизма в контексте теорий бюрократизма // Государство и право. 2013. № 10. С. 13 – 22; *Вороненков Д.Н.* Правовой нигилизм и правовой идеализм: (Теоретико-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Моск. юрид. ин-т МВД России. М., 1999; *Гуляихин В.Н.* Формы правового нигилизма в России // Личность. Культура. Общество. М., 2004. Вып. 3 (23). С. 254—263; *Ефремов А.П.* Особенности деятельности правоохранительных органов в условиях массового правового нигилизма // Использование зарубежного опыта в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. СПб., 1995. Ч. 1. С. 84—89; *Зрячкин А.Н.* Правовой нигилизм: причины и пути их преодоления: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук.

юридической науки и практики ценностного содержания, на наш взгляд, в полной мере не может быть раскрыта без рассмотрения ее связи с правосознанием личности, профессиональных юристов и общества в целом. Лишь в незначительном числе работ затрагиваются отдельные аспекты данной тематики¹.

Особый ракурс подобная проблематика имеет еще и ввиду наличия в современном научном знании психологической теории ценности. Последняя напрямую увязывает ценностный характер предметов и явлений с закономерностями формирования и функционирования психики человека².

В рамках науки теории права наиболее близкой к рассматриваемой тематике является работа В.Е. Пшидатока, в которой автор особо выделяет взаимную обусловленность состояния правосознания и правовых ценностей. При этом исследователь следующим образом раскрывает детерминанты

12.00.01. Саратов, 2007; Он же. Правовой нигилизм как отличительная черта российской бюрократии // Правовая культура. 2012. № 2 (13). С. 92 – 98; *Карнаушенко Л.В.* Правовой нигилизм как дисфункция соционормативной системы трансформирующегося российского общества // Общество и право. 2016. № 4 (58). С. 197 – 200; *Кузьмич Е.С.* Правовой нигилизм и проблемы его преодоления // Вопросы теории права и государства. М., 1998. Вып. 1. С. 90—95; *Матузов Н.И.* Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // Правоведение. 1994. № 2. С. 14—21; Он же. Правовой нигилизм и правовой идеализм как явления российского политического менталитета // Право и жизнь. 2002. № 47. С. 5—38; Он же. Правовой нигилизм как образ жизни // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 4(87). С. 17 – 33; Он же. Правовой идеализм как оборотная сторона правового нигилизма // Государство и право. 2013. № 10. С. 5 – 12; *Полищук Н.И.* К вопросу о влиянии правового нигилизма на эволюцию права // Современное право. 2007. № 2. С. 43 – 49; *Потякин А.А.* Правовой нигилизм как вариант современного российского правосознания // Общество и политика. СПб., 2000. С. 342—360; *Терехов С.Ю.* Истоки правового нигилизма в России // Право: вопросы истории и теории. Владимир, 1997. С. 76—78; *Туманов В.А.* Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе // Государство и право. 1993. № 8. С. 52—58 и др.

¹ См.: *Бочкарев А.И.* Девальвация общечеловеческих ценностей в среде двойных стандартов // Экономика образования. 2015. № 2. С. 7 – 10; *Мусаелян Л.А.* Девальвация международного права: Феноменология и доктринальные факторы возникновения правового нигилизма и двойных стандартов в международных отношениях // Философия. Психология. Социология. 2014. № 4(20). С. 5 – 13; Он же. Девальвация международного права: цивилизационные, формационные и геополитические факторы кризиса международного права // Философия. Психология. Социология. 2015. № 1(21). С. 16 – 25; *Победкин А.В.* О ценности процессуальной формы в условиях правового нигилизма // Вестник Московского университета МВД России. № 2. 2012. С. 46 – 48 и др.

² См.: *Алишев Б.С.* Психологическая теория ценности (системно-функциональный подход): автореф. дис. ... докт. псих. наук. Казань, 2002. 33 с.

правового нигилизма и утраты правовых ценностей в российском обществе: «Россиянам как культурной общности, являющейся носителем специфического правового менталитета, традиционно присущи синкретизм и этикоцентризм правопонимания, ориентирующий на малозначимость и регулятивную недостаточность ценностей формального права, что объективно служило и служит внутрикультурным фактором девальвации правовых ценностей в личном и общественном сознании и распространения правового нигилизма»¹.

Следует согласиться с тем, что факторами, содействующими распространению правового нигилизма в российском обществе выступают не только особая правовая ментальность граждан, но и что не менее значимо и своеобразный «дефицит» юридических ценностей, формируемый недостаточной правовой информированностью граждан, «непрозрачностью» деятельности органов государственного управления, отстранением населения от решения наиболее важных государственно-правовых задач. Кроме того, государственная власть в лице отдельных органов и должностных лиц демонстрирует лишь формально-декларативное провозглашение целого ряда правовых ценностей, порой не обеспечивает их надлежащую защиту и спекулирует ими в собственных узкогрупповых интересах.

Преодоление подобной тенденции в распространении правового нигилизма в обществе и девальвации ценности ряда значимых правовых категорий и институтов представляется весьма длительным и трудоемким процессом, опорой которому должны служить устойчивое социально-экономическое развитие государства, подлинное формирование структур гражданского общества и выработка устойчивого стереотипа правомерного поведения у граждан и должностных лиц самого государства. Наличествующее же в настоящий момент процесс неоправданного

¹ *Пшидаток В.Е.* Трансформация правосознания и правовых ценностей в условиях становления демократии и гражданского общества в современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.01. 2007. С. 9. 30 с.

обесценивания отдельных правовых категорий лишь усложняет форму деформации правосознания как рядовых граждан, так и профессиональных юристов.

Более опасной представляется тенденция возрастания роли правового нигилизма в качестве мотивационного фактора в совершении правонарушений, что делает проблему изучения обесценивания правовых категорий еще более актуальной задачей для современного российского государства. Именно надлежащая система правовых категорий, отражающая базовые ценности, идеи правового государства и гражданского общества, способна выступить ядром, интегрирующим элементом правосознания, остановив его дальнейшую деформацию. В этой связи обоснованно утверждение следующего характера: «Степень актуализации правовых ценностей на уровне общества и личности является детерминирующим фактором динамики правосознания и правового поведения, определяя направленность и характер их изменения в ходе институционально-правового реформирования общества и в ситуации связанного с переходным периодом временного ослабления правового контроля. Отсюда вытекает значимость укрепления правовых ценностей, развития на массовом уровне представлений о социальной ценности права для формирования правового пространства демократического гражданского общества и правового типа государственности»¹.

Проблема ценностного содержания права и его категорий в увязке с явлением правового нигилизма поднималась еще в 80-е годы прошлого столетия болгарским правоведом Н. Неновски. Автор справедливо указывал, что право и его понятийный аппарат характеризуются необходимостью тетического и аксиологического обоснования. По его мнению, тетически обоснованными являются те нормативные правовые предписания, которые проистекают из авторитета государственной власти. Однако подлинно

¹ *Пушдаток В.Е.* Указ. Соч. С. 8 – 9.

ценными нормы права становится лишь в ходе признания их социальной ценности гражданином и обществом. В государствах же с диктаторскими режимами законы, закрепленные в них нормы и категории, предстают в качестве «голового» долженствования, имея при этом лишь тетическое обоснование благодаря авторитету государственной власти и возможности государственного принуждения.

Ввиду этого, как доказывал Н. Неновски, в авторитарных и тоталитарных государствах формируются объективные и субъективные предпосылки для утверждения и распространения различных форм правового нигилизма¹. Таким образом, в обществах с отмеченными политическими режимами подлинные общечеловеческие ценности утрачивают свое значение, а на смену им государство в своей политике и в праве закрепляет нормы и категории, не содействующие удовлетворению действительных интересов граждан и общества, что и вызывает по отношению к ним сознательное отрицание. Подобные «неправовые» законы тоталитарной власти, не имеющие подлинного ценностного содержания, обесцениваются в глазах граждан и вызывают к жизни явление правового нигилизма.

Вопросы психологического восприятия ценности правовых категорий, в первую очередь, связаны с возможностью последних служить действенным средством удовлетворения потребностей и реализации интересов различных групп и слоев общества. В данном случае верным представляется следующее утверждение: «Несовпадение ценностного (ценности) и деонтического (юридические обязанности или, более обще, юридически должное) в сознании большинства людей – вот психологический корень правового нигилизма»².

Отдельно следует выделить проблему исторических традиций, правового менталитета, культуры в связке с ценностным отношением к

¹ См.: Неновски Н. Право и ценности: Пер. с болг. / Вступ. Ст. и пер. В.М. Сафронова; Под ред. В.Д. Зорькина. М.: Прогресс, 1987. С. 216 – 217 и др. 248 с.

² Там же. С. 217.

праву. Так, многие исследователи характеризуют российское общество как традиционно и исторически склонное к нигилистической форме осознания права и его ценности, что, по их мнению, актуализирует вопросы правового воспитания граждан в целях искоренения правового нигилизма и повышения уровня их правосознания. На наш взгляд, подобный подход лишь в незначительной части отражает истинные причины утраты ценностного содержания правом в глазах россиян. Наиболее значимыми условиями и факторами правового нигилизма граждан в России выступают не традиции, а реальные условия социально-экономической жизни значительного их числа, неспособность удовлетворения собственных интересов посредством закона и иных юридических инструментов, коррупция в органах государственной власти, недоступность для многих по финансовым причинам квалифицированной юридической помощи, бюрократизм, излишняя судебная волокита, низкий процент реального исполнения судебных актов и иные схожие негативные явления социально-правовой действительности.

Безусловно, ценность и обесценивание правовых категорий надлежит рассматривать в более широком формате, в том числе и в рамках правовой культуры общества в целом. Именно общий уровень правовой культуры в обществе может демонстрировать действительный характер ценности права и правовых категорий. Право само является одной из важнейших составляющих культуры, его ценностное содержание под особым углом преломляется в общекультурном пространстве. В случае же утраты большинством категорий права ценностного содержания, оно перестает быть частью культурного достояния общества, превращаясь одновременно с расширением правового нигилизма в социальную «антиценность», что особенно характерно для обществ с тоталитарным и авторитарным политическими режимами.

В данной связи уместно согласиться с позицией, согласно которой не может включаться в содержание культуры то, что является античеловечным. Ценность права и его категорий в тоталитарном обществе сводится на нет, а

значительная их часть можно оценить как «антикультуру». Правовая и общесоциальная культура уже изначально предполагают ценностный критерий для включения или исключения из них определенных явлений и категорий¹. Н. Неновски определял процессуальные нормы и категории инквизиции, диктаторские и реакционные законы в качестве не относящихся к культуре явлений, называя их одновременно «юридической антикультурой»².

При этом далеко не всегда граждане подобных обществ осознают антиценностное содержание действующих при диктаторском режиме законов и правовых понятий и даже, напротив, у них в определенный момент времени может доминировать такая форма искаженного правосознания как правовой идеализм с его преувеличением ценности права, наделения его «сверхъестественными» способностями по удовлетворению интересов личности и общества.

В таком случае перед нами прямо противоположный обесцениванию правовых категорий процесс в правосознании. Речь идет, об идеалистическом завышенном ценностном ожидании от действия права, а его категории осознаются в обществе как некие «сверхценности», имеющие всеильный характер. На наш взгляд, российскому обществу в не меньшей степени присущ и правовой идеализм, при котором введение в оборот какой-либо новой категории законодателем, высшим органом исполнительной власти или высшей судебной инстанцией рассматривается как абсолютное благо, непоколебимая ценность, некий общесоциальный идеал.

До настоящего момента в рамках данного параграфа проблема правового нигилизма рассматривалась преимущественно в отношении ценности и обесценивания категорий законодательства и юридической практики. Наряду с этим можно рассматривать в аналогичном ключе и проблему нигилистического отношения к научным юридическим понятиям в

¹ См.: *Тугаринов В.П.* Природа, цивилизация, человек. М., 1978. С. 59 и др.

² *Неновски Н.* Указ. Соч. С. 232.

рамках доктринального правосознания. В частности, далеко не все категории юриспруденции одинаково оцениваются учеными-правоведами. Многие понятийные конструкции, используемые в юридической литературе, получают далеко неоднозначную экспертную научную оценку, что может приводить к их методологическому и гносеологическому обесцениванию и даже исключению из понятийных рядов правоведения. Зачастую в отношении сомнительных в научном плане юридических понятий исследователи выражают свою критическую оценку, содержащую скепсис в отношении ее теоретико-методологической или практической ценности.

Возникает вполне правомерный вопрос о возможности выделения в доктринальном правосознании искаженных форм в виде правового нигилизма или правового идеализма. Как правило подобная градация форм проводится в отношении обычного (обыденного) или профессионального уровней правосознания. При этом предполагается, что доктринальное правосознание является столь высоко развитым, что ему, по-видимому, не присущи отмеченные пороки. На наш взгляд, в действительности это не совсем так. К примеру, в 17-18 веках, да и по сей день, имело и имеет широкое распространение и высокий авторитет естественно-правовая школа, отличительной чертой которой выступает вера в непоколебимость естественных и неотчуждаемых прав человека. Права человека, конечно же, являются высшей ценностью в обществе и государстве, о чем провозглашают и Конституции большинства стран мира. Однако реальная юридическая практика изо дня в день свидетельствует о попрании данных прав в развитых и не вполне развитых государствах, что ни может не свидетельствовать об определенной доли идеализма естественно-правовой доктрины и основанном на ней доктринальном правосознании.

Школа узко нормативного понимания права, напротив, делает уклон в отрицание ценности каких-либо прав, невыраженных напрямую в законе или ином нормативном правовом акте, что можно трактовать как своеобразную

форму отрицания ряда общечеловеческих ценностей, а также негативную оценку всякого права, не исходящего напрямую от государства или с его санкции. Думается, что нигилизм и идеализм свойственен и научному уровню правосознания, отдельных правовым теориям, взглядам ученых-правоведов. Еще одним примером выступает историческая школа права, переоценивающая роль и ценность обычая как источника права и отрицающая всякую ценность прав человека в принципе. Все это позволяет ставить проблему нигилизма в правовой доктрине, в сознании правоведов. Следовательно, обесценивание научных правовых категорий имеет прямое соприкосновение с правовым нигилизмом в науке.

Подчеркнем, что не всякое отрицательное, критическое отношение к той или иной научной категорией следует сразу же объявлять формой проявления доктринального правового нигилизма. Объективно обусловленное, обоснованное теоретически и практически критическое отношение к определенному научному понятию юриспруденции вряд ли следует относить к правовому нигилизму. В противоположность этому огульное, ничем не обоснованное отрицание научной правовой категории исследователем или научной школой, или значительной частью научного сообщества юристов уже можно причислять к доктринальному правовому нигилизму как негативной составляющей научной деятельности в сфере юриспруденции. Однако в рамках юридической науки порой весьма сложно провести четкую разделительную линию между искренним заблуждением исследователя, непроверенной гипотезой, критическим высказыванием в виде сомнения о ценности того или иного понятия, истинным, доказанным критическим положением и сознательным отрицанием подлинного ценного научного юридического знания.

При всей условности границ между оправданной научной критикой и доктринальным правовым нигилизмом все же можно назвать примеры последнего с определенной уверенностью имевшие место быть в недавней истории российского правоведения и наличествующие в настоящий момент.

Так, в советской юридической литературе необоснованно и нигилистически отрицались ценность таких научных и практических юридических понятий, как «частная собственность», «частное право», «правовое государство» и многие другие. Подобное доктринальное правосознание, на наш взгляд, можно признавать искаженным и близким к правовому нигилизму. В современный период истории развития отечественной юридической науки необоснованно слышны призывы к отрицанию ценности многих категорий и методологических установок материалистической диалектики, что также можно отнести к формам проявления доктринального правового нигилизма. В 90-е годы в юриспруденции ставилась под сомнение какая-либо ценность категорий «государственная собственность», само определение понятия права в увязке с государством, всячески принижалась ценность самого государства в трудах целого ряда правоведов, что порой было ничем не обоснованно и не соответствовало реальной юридической практике. В целом несмотря на весьма высокий уровень отечественного доктринального правосознания оно все же не свободно от таких пороков как идеализм и нигилизм. Далеко не всегда правовые научные категории обоснованно и доказательно признаются не имеющими ценностного содержания в методологическом, теоретическом, практически-прикладном плане. Окончательное решение вопроса о допустимом уровне критичности научного мышления в отношении того или иного правового понятия вырабатывается самим ходом исторического развития юриспруденции. Лишь по прошествии длительного времени юридическая наука способна дать объективную оценку ценности той или иной категории, а также правомерности критического отношения к ней.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что, с одной стороны, правовые категории, не отвечающие потребностям и интересам личности, общества, являются одной из важнейших предпосылок формирования и распространения правового нигилизма. С другой стороны,

правовой нигилизм граждан, а в особенности государственных служащих, способен обесценить содержание даже подлинно демократичных законов и установленных в них правовых понятий. При этом субъективно переживаемое в сознании личности или общества отношение к правовым категориям и отражаемым в них ценностям имеет непостоянный характер, зависит отряда факторов, многие из которых преходящи в силу непрекращающегося социального развития, о чем уже шла речь отчасти в предыдущем параграфе настоящей работы. Обесценивание правовых категорий и правовой нигилизм представляют собой тесно соприкасающиеся явления правовой действительности. Увеличение одного из данных явлений сопровождается, как правило, расширением сферы действия другого. Особо следует подчеркнуть то обстоятельство, что правовые категории составляют ядро развитой формы правосознания человека и общества, представляют собой его системный каркас. В случае же искаженной формы правосознания правовые категории либо утрачивают свое доминирующее значение в устремлении правовой активности личности, либо вовсе отторгаются сознанием индивида, лишаются всякой ценности при мотивации поведения, которое зачастую начинает существенным образом расходиться с предписаниями права.

Ценностное восприятие правовых категорий преимущественно протекает и получает свое первое проявление именно в правосознании. Как точно отмечал Н. Неновски, «... оценки, ценности, правовые нормы относятся к сфере правосознания, образуют его сложную структуру»¹.

Следовательно, обесценивание правовых категорий как психический процесс составляет одну из важнейших частей правового нигилизма. Однако не всякое обесценивание правовых категорий влечет за собой нигилистическое отношение. В случае объективной утраты той или иной правовой категории ценностного содержания в силу естественно-

¹ Там же. С. 186.

исторического развития возможна своевременная законодательная, судебнно-интерпретационная или научно-теоретическая корректива ее содержания и приведение тем самым его в соответствие с изменившимися социальными интересами и потребностями, что предупреждает ее негативную ценностную оценку в правосознании личности и общества. Обесценивание категорий в сознании индивида может быть обусловлено и чисто субъективными факторами, к числу которых можно отнести: недостаточную правовую информированность; юридическую безграмотность; неверные теоретические или «жизнейские» представления о праве и его понятиях; криминогенными установками личности; коррупционными устремлениями и т.п. В последних случаях правовой нигилизм как устойчивая характеристика правосознания индивида и мотивационная установка к противоправному поведению может продуцировать по цепочке дальнейшее отрицание ценности правовых категорий и нормативных предписаний, что позволяет утверждать о вовлечении нигилистическим сознанием в свою орбиту все новых и новых правовых категорий в целях их негативной ценностной оценки.

Заключение

В завершение следует отметить, что на настоящий момент проблематика «юридическая наука и ценности» имеет весьма актуальный и мало изученный характер. Так, требуется проведение ряда исследований по направлениям: роль социальных ценностей в формировании и развитии научных правовых категорий; юридические понятия как ценности; формы, виды, причины и условия обесценивания категорий юриспруденции; исторические типы ценностных установок в правоведении; средства предупреждения процесса обесценивания правовых категорий; взаимосвязь процесса обесценивания правовых категорий с правовым нигилизмом и многие другие. В целом же процесс обесценивания правовых категорий является сложным и многоаспектным объектом для исследования, изучение которого позволяет глубже уяснить механизм формирования, функционирования и трансформации юридического знания.

Исследование информационной ценности правовых категорий с необходимостью выводит нас на проблему методики ее измерения. Теоретическое осмысление сущности, видов, функций и параметров измерения ценности правовой информации, что также выступает перспективным направлением в рамках обсуждаемой тематики исследования.

Проблема формирования, трансформации, функционирования, дальнейшего развития и исключения из понятийных рядов юридической науки и законодательства тех или иных категорий фактически является неисчерпаемой. Сложность ее разрешения состоит и в том, что у юристов-ученых и практиков в ходе тысячелетней истории права и правовой системы так и не сложилось однозначного отношения к ценности правовых категорий.

В этой связи можно привести весьма емкое и четкое высказывание Г.В. Мальцева: «Прославленная приверженность юристов к правовым определениям с давних пор сосуществовала с осторожностью и недоверием тех же юристов к тем же определениям. “*Omnis definitio in jure civili*

periculosa est: parum est enim, ut non subverti posit” – “всякое определение в гражданском праве опасно, ибо мало случаев, когда оно не может быть опровергнуто”. Опасный момент юридической дефиниции скрыт не столько в её способности устаревать, сколько в изначальной неясности и неполноте»¹.

В подобных условиях отечественной юридической науке по-прежнему приходится работать над решением вопроса о повышении качества как ее понятийного аппарата, так и категорий законодательства. В данном процессе полагаем перспективным решение следующих актуальных задач:

- унификации определения качественной ценности правовой категории и создать единый масштаб измерения, а также обеспечить оценку «информационного качества» всей системы нормативных правовых актов;
- создания ряда теоретических условий для более эффективной автоматизированной обработки правовых категорий;
- обеспечения социологического исследования функций и качества правовых категорий;
- сокращения числа и объема дефиниций дублирующих правовых категорий, содействовать унификации понятийного аппарата системы нормативных правовых актов;
- обеспечения теоретического сопровождения учета информационных потребностей адресатов правовой информации, подбору оптимальной формы доведения до сведения адресатов дефиниции правовой категории — в виде полного текста нормативного акта или его части, указания адреса размещения текста документа, выдержки из текста или перефразирования для удобства понимания определения законодательной категории;
- проведения сравнительно-правового анализа состояния и качества категориального аппарата отечественной юриспруденции с понятийными системами других стран романо-германской правовой семьи и др.

¹ Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма – Инфра-М, 2011. С. 715.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативные правовые акты и официальные документы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 29 июля 2017 года) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (Часть I). Ст. 4808.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26 января 1996 года № 14-ФЗ (в ред. от 29 июля 2017 года) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410; Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (Часть I). Ст. 4808.

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 03.08.2018 года) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; Собрание законодательства РФ. 2018. № 32 (Часть II). Ст. 5133.

5. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08 марта 2015 года (в ред. от 23 июля 2018 года) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391; Собрание законодательства РФ. 2018 года. № 30. Ст. 4548.

6. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 19 июля 2018 года) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч.1). Ст. 1; Собрание законодательства РФ. 2018 года. № 30. Ст. 4548.

7. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 29 июля 2017 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ч. 1. Ст. 3; Собрание законодательства РФ. 2018. № 32. Ч. I. Ст. 5108.

8. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (в ред. от 23 апреля 2018 года) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; Собрание законодательства РФ. 2018. № 18. Ст. 2584.

9. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 23 апреля 2018 года) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч.1). Ст. 4921; Собрание законодательства РФ. 2018. № 18. Ст. 2584.

Научные издания

10. *Автономов, А.С.* Правовая онтология политики. К построению системы категорий / А.С. Автономов. – М.: Инфограф, 1999. – 384 с.

11. *Алексеев, Б.Т.* Философские проблемы формализации знания / Б.Т. Алексеев. – Л.: ЛГУ, 1981. – 168 с.

12. *Алексеев, С.С.* Право и наша жизнь / С.С. Алексеев. – М.: Юрид. лит, 1978. – 224 с.

13. *Андреев, И.Д.* Проблемы логики и методологии познания / И.Д. Андреев. – М.: Наука, 1972. – 320 с.

14. *Бабаев, В.К.* Советское право как логическая система / В.К. Бабаев. – М.: РИО Акад. МВД СССР, 1978. – 212 с.

15. *Байниязова, З.С.* Принципы правовой системы России: проблемы теории и практики / З.С. Байниязова / Под ред. В.Н. Синюкова. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2006. – 147 с.

16. *Баранов, В.М.* Очерки техники правотворчества. Избранные труды / В.М. Баранов. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2015. – 667 с.

17. *Бержель, Ж.-Л.* Общая теория права / Ж.-Л. Бержель / Под. общ. ред. В.И. Даниленко / Пер. с фр. – М.: Издательский дом NOTA BENE. 2000. – 576 с.

18. *Братусь, С.Н.* Предмет и система советского гражданского права / С.Н. Братусь. – М.: Госюриздат, 1963. – 196 с.
19. *Васильев, А.М.* Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права / А.М. Васильев. – М.: Юридическая литература, 1976. – 264 с.
20. *Ветютнев, Ю.Ю.* Аксиология правовой формы: монография / Ю.Ю. Ветютнев. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 200 с.
21. *Власенко, Н.А.* Язык права / Н.А. Власенко. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1997. – 176 с.
22. *Войшвилло, Е.К.* Понятие как форма мышления / Е.К. Войшвилло. – Изд-во МГУ, 1989. — 239 с.
23. *Гальперин, Г.В., Королев, А.И.* Методические и теоретические вопросы науки истории государства и права СССР / Г.В. Гальперин, А.И. Королев. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. – 103 с.
24. *Головина, С.Ю.* Понятийный аппарата трудового права / С.Ю. Головина. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997. – 178 с.
25. *Давыдова, М.Л.* Юридическая техника: проблемы теории и методологии: монография / М.Л. Давыдова. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. – 318 с.
26. *Давыдова, М.Л.* Нормативно-правовое предписание. Природа, типология, технико-юридическое / М.Л. Давыдова. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. – 216 с.
27. *Диалектика научного познания.* – М.: Мысль, 1978. – 312 с.
28. *Керимов, Д.А.* Философские проблемы права / Д.А. Керимова. – М.: Мысль, 1972. – 472 с.
29. *Кнапп, В., Герлох, А.* Логика в правовом сознании / В. Кнапп, А. Герлох / Пер. с чешск. / Под ред. и со вступ. ст.: Венгерова А.Б. – М.: Прогресс, 1987. – 312 с.
30. *Косарева, Л.М.* Предмет науки / Л.М. Косарева. – М.: Наука, 1977. – 158 с.

31. *Кудрявцев, Ю.В.* Нормы права как социальная информация / Ю.В. Кудрявцев. – М.: Юридическая литература, 1981. – 144 с.
32. *Леушин, В.И.* Юридическая практика в системе социалистических общественных отношений / В.И. Леушин / Науч. ред. Алексеев С.С. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1987. – 152 с.
33. *Лукаевич, Я.* Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики / Я. Лукаевич / Пер. с англ. Под общ. ред. П. С. Попова. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. – 313 с.
34. *Максимов, С.И.* Правовая реальность и опыт философского осмысления / С.И. Максимов. – Харьков: Право, 2002. – 327 с.
35. *Матузов, Н.И.* Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права / Н.И. Матузов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1972. – 290 с.
36. *Микешина, Л.А.* Эпистемология ценностей / Л.А. Микешина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 438 с.
37. *Неновски, Н.* Право и ценности: Пер. с болг. / Н. Неновски / Вступ. Ст. и пер. В.М. Сафронова; под ред. В.Д. Зорькина. – М.: Прогресс, 1987. – 248 с.
38. *Нырков, В.В.* Поощрение и наказание как парные юридические категории / В.В. Нырков / Под ред. А.В. Малько. – Саратов: СГАП, 2006. – 204 с.
39. *Пермяков, Ю.Е.* Основания права / Ю.Е. Пермяков. – Самара: Изд-во Самар. гуманит. акад., 2005. – 190 с.
40. *Попов, Н.П.* Определение понятий / Н.П. Попов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1954. – 77 с.
41. Правовая политика как научная теория в историко-правовых исследованиях / Под ред. докт. юрид. наук, проф. О.Ю. Рыбакова. М.: Статут, 2011. – 405 с.
42. *Радбрух, Г.* Философия права / Г. Радбрух. – М.: Международные отношения, 2004. – 240 с.

43. *Савицкий, В.М.* Язык процессуального закона. Вопросы терминологии / В.М. Савицкий / Под ред. Сухарев А.Я. – М.: Наука, 1987. – 288 с.
44. *Сырых, В.М.* Логические основания общей теории права. В 2-х томах. Т. 1 / В.М. Сырых – М.: Юрид. Дом "Юстицинформ", 2000. – 528 с.
45. *Тарасов, Н.Н.* Методологические проблемы юридической науки / Н.Н. Тарасов. – Екатеринбург: Изд-во Гуманит. ун-та, 2001. – 264 с.
46. *Тененбаум, В.О.* Государство: система категорий / Тененбаум В.О. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1971. – 212 с.
47. *Тененбаум, В.О.* Введение в общую теорию государства / В.О. Тененбаум. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1976. – 112 с.
48. *Тихомиров, Ю.А.* Правовое регулирование: теория и практика / Ю.А. Тихомиров. – М.: Формула права, 2010. – 400 с.
49. *Тугаринов, В.П.* Теория ценностей в марксизме / В.П. Тугаринов. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1968. – 124 с.
50. *Тугаринов, В.П.* Природа, цивилизация, человек / В.П. Тугаринов. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1978. – 128 с.
51. *Хижняк, С.П.* Юридическая терминология: формирование и состав / С.П. Хижняк / Под ред. Л.И. Баранниковой. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1997. – 132 с.
52. *Чепиков, М.Г.* Интеграция науки / М.Г. Чепиков. – М.: Мысль, 1981. – 276 с.
53. *Честнов, И.Л.* Общество и юриспруденция на исходе второго тысячелетия: Монография / И.Л. Честнов. – СПб.: Общество «Знание», ИВЭСЭП, 1999. – 124 с.
54. *Честнов, И.Л.* Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности / И.Л. Честнов. – СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2000. – 104 с.

55. *Чечина, Н.А.* Основные направления развития науки советского гражданского процессуального права / Н.А. Чечина. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. – 104 с.

56. *Шабалин, В.А.* Методологические вопросы правоведения / В.А. Шабалин. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1972. – 226 с.

57. *Экимов, А.И.* Интересы и право в социалистическом обществе / А.И. Экимов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – 134 с.

58. Юридические понятия и язык права в современных зарубежных исследованиях. Научно-аналитический обзор / Отв. ред. Н.Н. Разумович. – М.: ИНИОН АН СССР, 1986. – 71 с.

59. *Явич, Л.С.* Право развитого социалистического общества / Л.С. Явич. – М.: Юрид. лит., 1978 – 224 с.

Публикации в периодических изданиях,

материалы конференций, сборники научных трудов

60. *Алтунина, И.С.* Правовой нигилизм в системе понятий теории правовой культуры общества / И.С. Алтунина // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 7. – С. 91 – 93.

61. *Байтин, М.И.* О методологическом значении и предмете общей теории государства и права / М.И. Байтин // Государство и право. – 2007. – №4. – С. 5 – 9.

62. *Байниязов, Р.С.* Правосознание и российский менталитет / Р.С. Байниязов // Правоведение. – 2000. – №2. – С.33 – 36.

63. *Байтин, М.И.* Предмет и метод теории государства и права / М.И. Байтин // Вопросы общей теории государства и права. – Саратов, 2006. – С. 7 – 25.

64. *Балашов, А.Н., Мишутина, Э.И.* К вопросу о значении правовых аксиом / А.Н. Балашов, Э.И. Мишулина // Юрист. – 2007. – № 7. – С. 60 – 63.

65. *Белкин, Л.М.* Генезис правового нигилизма в контексте теорий бюрократизма / Л.М. Белкин // Государство и право. – 2013. – № 10. – С. 13 – 22.

66. *Бельский, К.С., Зайцева, Л.А.* Методология и метод познания в праве (общетеоретические аспекты) / К.С. Бельский, Л.А. Зайцева // Юридическое образование и наука. – 2010. – № 3. – С. 35 – 40.

67. *Бондарь, Н.С.* Конституционные ценности - категория действующего права (в контексте практики Конституционного Суда России) / Н.С. Бондарь // Журнал конституционного правосудия. – 2009. – № 6. – С. 1 – 11.

68. *Бочкарев, А.И.* Девальвация общечеловеческих ценностей в среде двойных стандартов / А.И. Бочкарев // Экономика образования. – 2015. – № 2. – С. 7 – 10.

69. *Вопленко, Н.Н.* Общая теория реализации права и правоприменительная деятельность следователя / Н.Н. Вопленко // Проблемы применения правовых норм на предварительном следствии. – Волгоград, 1982. – С. 5 – 12.

70. *Горшенев, В.М.* Нетипичные нормативные предписания в праве / В.М. Горшенев // Советское государство и право. – 1978. – № 3. – С. 113 – 118.

71. *Графский, В.Г.* Традиции и обновление в праве: ценностное измерение перемен // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление / В.Г. Графский / Отв. ред. В.С. Нерсисянц. – М.: Институт государства и права РАН, 1996. – С. 74 – 78.

72. *Гриб, В.В.* Проблемы формирования правосознания современных российских юристов / В.В. Гриб // Научные труды. Вып. 5. В 3 т.; Российская академия юридических наук. – М., 2005. – Т. 1. – С. 57 – 60.

73. *Гуляихин, В.Н.* Формы правового нигилизма в России / В.Н. Гуляихин // Личность. Культура. Общество. – М., 2004. – Вып. 3 (23). – С. 254—263.

74. *Денисов, Г.И.* Юридическая техника: теория и практика / Г.И. Денисов // Журнал российского права. – 2005. – № 8. – С. 86 – 96.
75. *Ефремов, А.П.* Особенности деятельности правоохранительных органов в условиях массового правового нигилизма / А.П. Ефремов // Использование зарубежного опыта в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. – СПб., 1995. – Ч. 1. – С. 84—89.
76. *Зайцев, И.М.* О природе правовых понятий / И.М. Зайцев // Некоторые философские проблемы государства и права: Сб. статей. Выпуск 2. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1974. – С. 81 – 84.
77. *Зорькин, В.Д.* Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод / В.Д. Зорькин // Журнал российского права. – 2008. – № 12. – С. 3 – 14.
78. *Зрячкин, А.Н.* Правовой нигилизм как отличительная черта российской бюрократии // Правовая культура. – 2012. – № 2 (13). – С. 92 – 98.
79. *Исаева, Н.В.* Конституционные ценности в правовой идентичности личности: к постановке проблемы / Н.В. Исаева // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – № 16. – С. 2 – 5.
80. *Карнаушенко, Л.В.* Правовой нигилизм как дисфункция соционормативной системы трансформирующегося российского общества / Л.В. Карнаушенко // Общество и право. – 2016. – № 4 (58). – С. 197 – 200.
81. *Кашанина, Т.В.* Правовые понятия как средство выражения содержания права / Т.В. Кашанина // Советское государство и право. – 1981. – №1. – С. 36 – 44.
82. *Козлихин, И.Ю.* О нетрадиционных подходах к праву / И.Ю. Козлихин // Правоведение. – 2006. – № 1. – С. 31 – 40.
83. *Кругликов, Л.Л.* Проблемы теории уголовного права: Избранные статьи, 2000-2009гг. / Л.Л. Кругликов – Ярославль: ЯрГУ, 2010. – С. 200 – 205.

84. *Крымский, С.Б.* Системы знания и проблема их категориальной определенности / С.Б. Крымский // Логико-философский анализ понятийного аппарата науки. – Киев, 1977. – С. 165 – 199.

85. *Кудрявцев, В.Н.* О программировании процесса применения нормы права / В.Н. Кудрявцев // Вопросы кибернетики и права / Под ред. В.Н. Кудрявцева. – М.: Наука, 1967. – С. 16 – 21.

86. *Кузьмич, Е.С.* Правовой нигилизм и проблемы его преодоления / Е.С. Кузьмич // Вопросы теории права и государства. – М., 1998. – Вып. 1. – С. 90—95.

87. *Манов, Г.Н.* Аксиомы в советской теории права / Г.Н. Манов // Советское государство и право. – 1986. – № 9. – С. 30 – 36.

88. *Мартышин, О.В.* Проблема ценностей в теории государства и права / О.В. Мартышин // Государство и право. – 2004. – № 10. – С. 5 – 14.

89. *Матузов, Н.И.* Правовой нигилизм как образ жизни / Н.И. Матузов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2012. – № 4(87). – С. 17 – 33.

90. *Матузов, Н.И.* Правовой нигилизм и правовой идеализм как явления российского политического менталитета / Н.И. Матузов // Право и жизнь. – 2002. – № 47. – С. 5—38.

91. *Матузов, Н.И.* Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» / Н.И. Матузов // Правоведение. – 1994. – № 2. – С. 14—21.

92. *Милославская, Д.И.* Типовые трудности семантической интерпретации юридического текста / Д.И. Милославская // Русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2000. – 272 с.

93. *Мусаелян, Л.А.* Девальвация международного права: Феноменология и доктринальные факторы возникновения правового нигилизма и двойных стандартов в международных отношениях / Л.А.

Мусаелян // *Философия. Психология. Социология.* – 2014. – № 4(20). – С. 5 – 13.

94. *Мусаелян, Л.А.* Девальвация международного права: цивилизационные, формационные и геополитические факторы кризиса международного права / Л.А. Мусаелян // *Философия. Психология. Социология.* – 2015. – № 1(21). – С. 16 – 25.

95. *Недбайло, П.Е.* Методологические проблемы советской юридической науки / П.Е. Недбайло // *Методологические проблемы советской юридической науки.* Ред. колл. Бабий Б.М. и др. – Киев: Наукова думка, 1965. – С. 7 – 36.

96. *Нырков, В.В.* Правовые категории: методологический аспект / В.В. Нырков // *Субъективные права и законные интересы: теоретические основы и проблемы юридической защиты.* Вып. 3, ч. 1. / Под ред. Ю.Н. Старилова. – Воронеж: ВГУ, 2002. – С. 157 – 159.

97. *Панов, Н.И.* Методологические основы формирования понятийного аппарата / Н.И. Панов // *Правоведение.* – 2006. – № 4. – С. 18 – 28.

98. *Победкин, А.В.* О ценности процессуальной формы в условиях правового нигилизма / А.В. Победкин // *Вестник Московского университета МВД России.* – № 2. – 2012. – С. 46 – 48.

99. *Полищук, Н.И.* К вопросу о влиянии правового нигилизма на эволюцию права / Н.И. Полищук // *Современное право.* – 2007. – № 2. – С. 43 – 49.

100. *Потякин, А.А.* Правовой нигилизм как вариант современного российского правосознания / А.А. Потякин // *Общество и политика.* – СПб., 2000. – С. 342—360.

101. *Пучков, О.А.* Теория государства и права: проблемы и перспективы / О.А. Пучков // *Правоведение.* – 2001. – №6. – С. 4 – 13.

102. *Синицын, Ю.П.* Муха на стекле / Ю.П. Синицын // *«Правда».* – 1993. – 14 апреля.

103. *Синюков, В.Н., Синюкова, Т.В.* К обновлению методологии юридической науки / В.Н. Синюков, Т.В. Синюкова // Современные методы исследования в правоведении. – Саратов, 2007. – С. 25 – 48.

104. *Сырых, В.М.* Материалистическая диалектика как метод познания права и современность / В.М. Сырых // Современные методы исследования в правоведении. – Саратов, 2007. – С. 123 – 164.

105. *Тарасов, Н.Н.* Методологическая ситуация в современном правоведении / Н.Н. Тарасов // Адвокатский кабинет. Академический юридический журнал. – 2001. – № 3(5). – С. 4 – 15.

106. *Терехов, С.Ю.* Истоки правового нигилизма в России / С.Ю. Терехов // Право: вопросы истории и теории. – Владимир, 1997. – С. 76—78.

107. *Туманов, В.А.* Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе // Государство и право. – 1993. – № 8. – С. 52—58.

108. *Ушаков, А.А.* Методология советского правотворчества // Советское государство и право. – 1979. – № 12. – С. 29 – 37.

109. *Ференс-Сороцкий, А.А.* Аксиомы в праве / А.А. Ференс-Сороцкий // Правоведение. – 1988. – №5. – С. 27 – 31.

110. *Фетисов, А.К.* Неопровержимые презумпции в праве России / А.К. Фетисов // Юрист. – 2005. – № 6. – С. 20 – 21.

111. *Халин, С.М.* Описание как общий метод научного познания / С.М. Халин // Философско-методологические вопросы естественнонаучного и социального познания. – М., 1980. – С. 5 – 15.

112. *Цихоцкий, А.В.* Приёмы законодательной техники при построении Гражданского процессуального кодекса / А.В. Цихоцкий // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сб. статей в 2 т. – Н. Новгород, 2001. – Т.2. – С.454 – 465.

113. *Черданцев, А.Ф.* Логическая характеристика права как системы / А.Ф. Черданцев // Правоведение. – 1983. – № 3. – С. 13 – 21.

114. *Чернобель, Г.Т.* Формализация норм права / Г.Т. Чернобель // Советское государство и право. – 1979. – №4. – С. 29 – 36.

115. *Щедровицкий, Г.П.* Заметки о понятиях «объект» и предмет» / Г.П. Щедровский // Философия. Наука. Методология. – М., 1997. – С. 565 – 582.

Диссертации и авторефераты диссертаций

116. *Алишев, Б.С.* Психологическая теория ценности (системно-функциональный подход): автореф. дис. ... докт. псих. наук: 19.00.01 – общая психология, история психологии, психология личности / Б.С. Алишев; [Место защиты: Институт среднего профессионального образования Российской академии образования] – Казань, 2002. – 33 с.

117. *Бабенко, А.Н.* Правовые ценности и освоение их личностью: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук: 12.00.01 / А.Н. Бабенко; [Место защиты: Академия управления МВД России] – М., 2002. – 46 с.

118. *Балаянц, М.С.* Фундаментальные правовые ценности современного общества: автореф. ... дис. ... на канд. юрид. наук: 12.00.01 / М.С. Балаянц; [Место защиты: Московский университет МВД РФ] – М., 2007. – 25 с.

119. *Вороненков, Д.Н.* Правовой нигилизм и правовой идеализм: (Теоретико-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Д.Н. Вороненков; [Место защиты: Моск. юрид. ин-т МВД России] – М., 1999. – 26 с.

120. *Зяблова, Т.Е.* Социальные основы законотворчества в современной России. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Т.Е. Зяблова; [Место защиты: Владимирский юридический институт Минюста России] – Владимир. 2004. – 180 с.

121. *Зрячкин, А.Н.* Правовой нигилизм: причины и пути их преодоления: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. 12.00.01 / Александр

Николаевич Зрячкин; [Место защиты: Саратов. гос. акад. права] – Саратов, 2007. – 26 с.

122. *Крылов, В.Н.* Роль научных абстракций в построении системы категорий теории права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Крылов Владимир Николаевич. – М., 1985. – 194 с.

123. *Лукашев, М.А.* Предмет правового регулирования как категория теории государства и права. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Лукашев Михаил Александрович; [Место защиты: Кубан. гос. аграр. ун-т] – Краснодар, 2006. – 25 с.

124. *Масленников, А.В.* Правовые аксиомы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Масленников Александр Вячеславович; [Место защиты: Владимирский юридический институт Минюста России] – Владимир, 2006. – 26 с.

125. *Мелькин, А.А.* Формирование юридических понятий в Российской правовой системе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Мелькин Антон Александрович; [Место защиты: Московский университет МВД РФ]. – М., 2008. – 21 с.

126. *Мишина, И.Д.* Нравственные ценности в праве: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Мишина Ирина Дмитриевна; [Место защиты: Уральская государственная юридическая академия]. – Екатеринбург, 1999. – 26 с.

127. *Нигматдинов, Р.М.* Проблема правовых понятий и оценочных категорий в гражданском процессуальном праве. Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / Нигматдинов, Ринат Мунзирович; [Саратовская государственная академия права] – Саратов, 2004. – 176 с.

128. *Осипова, М.В.* Иерархия юридических ценностей в правовой системе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Осипова Марина Викторовна; [Место защиты: Саратов. гос. акад. права]. – Саратов, 2011. – 30 с.

129. *Пшидаток, В.Е.* Трансформация правосознания и правовых ценностей в условиях становления демократии и гражданского общества в современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Пшидаток Вячеслав Еристомович; [Место защиты: Рост. юрид. ин-т МВД РФ]. – Ростов-на-Дону, 2007. – 30 с.

130. *Рыбаков, В.П.* Преемственность в отечественном праве в переходный период: общетеоретические вопросы: автореф. дис. ... доктора юрид. наук: 12.00.01 / Рыбаков Владимир Алексеевич; [Место защиты: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского] – Омск, 2009. – 37 с.

131. *Телегина, В.А.* Правосудие как социально-правовая ценность: вопросы теории. автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.01 / Телегина Валентина Александровна; [Место защиты: Саратов. гос. акад. права]. – Саратов, 2006. – 26 с.

132. *Умаров, Х.А.* Метод принципов в научном познании. Дисс. ...канд. фил. Наук: 09.00.01. / Умаров Хаджи Абдулвахидович; [Место защиты: Московский государственный педагогический университет им. В.И. Ленина]. – М., 1992. – 159 с.

133. *Ференс-Сороцкий, А.А.* Принципы и аксиомы гражданского процесса: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Ференс-Сороцкий Андрей Александрович; [Место защиты: Ленинградский государственный университет] – Л., 1989. – 150 с.

Справочные и учебные издания

134. *Алексеев, С.С.* Общая теория социалистического права. Курс лекций: Учебное пособие: В 4-х вып. / С.С. Алексеев. – Свердловск, 1963—1966. – Вып. 4: Применение права; Наука права. – 1966. – 203 с.

135. *Алексеев, С.С.* Проблемы теории права: В 2 т. / С.С. Алексеев. – Свердловск, 1972. – Т.2. – 359 с.

136. *Бабаев, В.К.* Правовая система общества / В.К. Бабаев // Общая теория права. – Нижний Новгород: Нижегородская ВШ МВД Российской Федерации, 1993. – С. 85 – 111.
137. *Баранов, В.М.* Концепция законопроекта: учебное пособие / В.М. Баранов. – Н. Новгород: Нижегород. акад. МВД России, 2003. – 96 с.
138. *Венгеров, А.Б.* Теория государства и права: Часть II. Теория права. Т. I / А.Б. Венгеров. – М.: Юристъ, 1996. – 166 с.
139. *Графский, В.Г.* Всеобщая история права и государства: учеб. для вузов / В.Г. Графский. – М.: Норма, 2000. – 744 с.
140. *Кондаков, П.И.* Логический словарь-справочник / П.И. Кондаков. – М.: Наука, 1976. – 721 с.
141. *Кулапов, В.Л.* Теория государства и права: Учебное пособие / В.Л. Кулапов. 3-е изд., испр. и доп. – Саратов: Издательство ГОУ ВПО «СГАП». – 2005. – 486 с.
142. *Матузов, Н.И., Малько, А.В.* Теория государства и права: Учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – М.: Юристъ, 2004. – 512 с.
143. *Недбайло, П.Е.* Введение в общую теорию государства и права. Предмет, система и функции науки: Учебное пособие / П.Е. Недбалю. – Киев: Вища шк., 1971. – 160 с.
144. Общая теория права и государства. Учебник / Афанасьев В.С., Братко А.Г., Герасимов А.П., Гойман В.И., и др. / Под ред.: Лазарев В.В. – М.: Юрист, 1994. – 360 с.
145. Римское частное право: Учебник / Под ред.: Новицкий И.Б., Перетерский И.С. – М.: Юриспруденция, 2009. – 464 с.
146. Словарь иностранных слов / Под ред. А.Г. Спирина, И.А. Акчурина. 11-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1984. – 624 с.
147. *Сырых, В.М.* История и методология юридической науки: учебник / В.М. Сырых. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. – 464 с.

148. Теория государства и права. Учебник для юридических вузов и факультетов / Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. – М.: Издательская группа ИНФРА • М —НОРМА, 1997. – 570 с.

149. Философия: Учебник / Под ред. А.Ф. Зотова, В.В. Миронова, А.В. Разина. – М.: Проспект, 2003. – 688 с.

150. Черданцев, А.Ф. Толкование права и договора: Учебное пособие для вузов / А.Ф. Черданцев. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 381 с.

151. Четвернин, В.А. Лекции по теории права / В.А. Четвернин. – Вып. 1. – М.: Российская правовая академия, 2000. – 64 с.

152. Юридическая техника: учебное пособие по подготовке законопроектов и иных нормативно-правовых актов органами исполнительной власти / Под ред. Т.Я. Хабриевой, Н.А. Власенко. – М.: Эксмо, 2009. – 272 с.

153. Явич, Л.С. Общая теория права / Л.С. Явич. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. – 285 с.

Иностранная литература

154. Charron W. Some legal definitions and semiotics: Toward a general theory. *Semiotica* The Hague. – 1980. – Vol. 32. – № 1/2. – Pp. 35 – 51.